E 46/309

С 46
О 309

ТОМЪ I.

СТАРИНА

РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ Царя земля не правится.
Кто въ Москвѣ не бывалъ, тотъ красоты не видалъ.
Хоть дурное и кривое, да свое родное.

Пословицы.

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ,
Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

Державинъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ

И. СНЕГИРЕВА.

1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. Д. ИВАНОВСКАГО.

1871.

КНИЖКА I.

Curriculum vitae.

et

BIBLIOTHECA PICHLERIANA

На письма моихъ корреспондентовъ, заявившихъ желаніе имѣть подробности о моей библіотекарской дѣятельности и выразившихъ при этомъ удивленіе и недоумѣніе, по поводу одновременнаго изданія мною нѣсколькихъ сочиненій и чтеній публичныхъ лекцій, полагаю не лишнимъ сообщить къ ихъ свѣдѣнію мое *curriculum vitae*. Сіе послѣднее, какъ весьма скромное и ограниченное тѣсною сферою дѣятельности, не потребуетъ много страницъ и свободно умѣстится на обверткѣ предлагаемой любителямъ книжки, при переплетѣ которой настоящее заявленіе, если кому оно нравится можетъ быть оставлено безъ вниманія.

По окончаніи университетскаго курса наукъ, со степенью кандидата, въ 1847 г. въ Харьковѣ началъ я службу сверхштатнымъ помощникомъ Библіотекаря при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. За тѣмъ, поступивъ домашнимъ учителемъ къ харьк. губ. предв. дворян. князю В. П. Голицыну, съ цѣлью приготовить сыновей его А. В и В. В. къ экзамену, свободное отъ преподаванія время посвящалъ устройству и приведенію въ порядокъ большой княжеской (въ Славгородѣ, Харьков. губ.) библіотеки, которая просвѣщенною любительницею Княгинею С. А. Г. (урожденною Корсаковой) обогащалась всѣми важнѣйшими историческими произведеніями отечественной и иностранной литературы; и, окончивъ учительскія занятія, не переставалъ я быть библіотекаремъ у Княгини до ея кончины. Въ 1851 году барономъ М. А. Корфомъ я былъ принятъ на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку сначала *вольнотрудящимся*, а послѣ при открытіи вакансіи въ награду назначенъ *младшимъ библіотекаремъ* и въ этой должности состоялъ, и при его преемникѣ (съ 6 Дек. 1861 года) И. Д. Деляновѣ, которымъ уволенъ отъ службы 6 Декабря 1869 года. Занимаясь такимъ образомъ болѣе 20 лѣтъ библіографическими розысканіями я, и съ оставленіемъ библіотекарской службы, не могу по привычкѣ оставить ихъ и стараюсь изъ собранныхъ мною матеріаловъ извлекать тѣ изъ нихъ, которые, по моему разумѣнію, могутъ быть полезны и интересны любителямъ отечественной исторіи и старины.

Въ слѣдствіе этихъ понятныхъ побужденій явилось въ печати нѣсколько біографическихъ очерковъ такихъ личностей, дѣятельность которыхъ была мало извѣстна и хотя мои труды еще не удостоились заслужить покровительства тѣхъ лицъ, которыхъ даже прямою обязанностью содѣйствовать подобнымъ библіографическимъ розысканіямъ, но не теряю надежды, что рано или поздно въ этомъ покровительствѣ не будетъ имъ отказано. Если-же въ моихъ попыткахъ—разъяснять библіографическіе во-

Ф 46.
О 309.

СТАРИНА

РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

СТАРИНА

РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ,

БІОГРАФІИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРЕПИСКА,

ЗАМѢТКИ И ДНЕВНИКЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА

СНЕГИРЕВА.

ИЗДАНІЕ
А. Д. ИВАНОВСКАГО.

Томъ I.
КНИЖКА I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
Могилевская, 7.

1871.

ГУБЛИЦ. МУЗЕЙ * РУМЯНЦОВ. БИБЛІО-ТЕКА

2007050452

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Предисловіе отъ издателя . . . . . I—XVI
2. Родословное древо Государей Россійскихъ 1
3. Изображеніе царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича 15
4. Палаты бояръ Романовыхъ 32
5. Торжественная закладка, совершенная 1858 года Августа въ 31 день, при возобновленіи Романовскихъ Палатъ 45
6. Объ освященіи Романовскихъ Палатъ въ Москвѣ 58
7. Ратные подвиги русскаго духовенства 71
8. Освященіе храма Преображенія Господня въ Московскомъ Кремлѣ, что на Бору 83
9. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, основатель Московскаго Университета и русскій меценатъ 88
10. Письма Митрополита Кіевскаго Евгенія къ И. М. Снегиреву, съ приложеніемъ къ нимъ примѣчаній издателя . . 107
11. Воспоминанія И. М. Снегирева. Введеніе къ собственноручному его дневнику, съ приложеніемъ біографической замѣтки. 137
12. Выдержки изъ Снегиревскихъ бумагъ. 1) Разговоръ Павла 1-го съ митрополитомъ Платономъ. 2) Рескриптъ Александра 1-го на имя министра внутреннихъ дѣлъ А. Б Куракина объ изданіи газеты; «*Сѣверная Почта*». 3) Гра-

моты, хранящіяся въ Астраханскомъ соборѣ. 4) Открытый листъ. 5) Письмо государственнаго канцлера Графа Н. П. Румянцова къ пастору Мронговіусу, лексикографу и учителю гимназій въ Данцигѣ, о славянскихъ рукописяхъ и 6) Письмо И. М. Снегирева о могилѣ родителей фельдмаршала А. В. Суворова и домѣ, въ которомъ родился генералиссимусъ (на оберткѣ) 205

13. Переписка *издателя* по изданію «Старины русской земли». *Письма*: 1) Митрополита Кіевскаго, 2) военнаго министра, 3) министра государственныхъ имуществъ, 4) Попечителя Одесскаго учебнаго округа, 5) Тайнаго Совѣтника А. Г. Тройницкаго. *Отвѣты*: 1) Священнику В. Бѣлоградскому, 2) В. И. Лѣствицыну, 3) П. В. Михайлову, 4) Генералу А. А. Кнышеву, 5) Генералу И. И. Болдыреву, 6) старшинамъ тульскаго клуба, 7) Е. Ѳ. Артемовской-Гулакъ и Е. Ѳ. Ильиной и 8) Выдержка изъ письма Н. П. Барсукова. 214

14. Приложенія:

I. Рѣчь Ивана Михайловича Снегирева.

II. Просьба Мангардта.

III. Записка Митрополита Московскаго Филарета.

IV. Каталогъ изданій и сочиненій А. Ивановскаго.

V. Miscellanea: «Curriculum vitae» и «Bibliotheca Pichleriana». 222

Посвящающіе себя разработкѣ матеріаловъ, необходимыхъ при изученіи памятниковъ отечественной старины, изученіи, составляющемъ отличительное свойство всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, во всѣхъ странахъ пользовались покровительствомъ монарховъ и меценатовъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ по всей справедливости можетъ занять одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ, по отношенію покровительства разработкѣ матеріаловъ для изученія московской старины — Свѣтлѣйшій Князь Д. В. Голицынъ. Этотъ покровитель ученыхъ, какъ московскій генералъ-губернаторъ, оказывалъ полное содѣйствіе И. М. Снегиреву для испрошенія отъ монаршихъ щедротъ пособія на изданіе памятниковъ московской древности, которыхъ одинъ томъ великолѣпно изданъ на счетъ благотворительности Его Свѣтлости. Въ текущемъ году совершится сто лѣтъ со времени рожденія этого ревнителя просвѣщенія и благодѣтеля тружениковъ; по этому случаю въ слѣдующей книжкѣ „Старины русской земли“ будутъ указаны данныя, почерпну-

тыя изъ дневника И. М. Снегирева, изъ которыхъ будетъ очевидно, какимъ покровителемъ для мало вознаграждаемыхъ археологическихъ трудовъ Снегирева явился свѣтлѣйшій князь. Ради этихъ его заслугъ на поприщѣ отечественной археологіи къ слѣдующей книжкѣ будетъ приложенъ портретъ князя, какъ юбиляра и покровителя московской старины, съ приложеніемъ біографической замѣтки.

Относительно же несвоевременнаго выхода въ свѣтъ первой книжки „Старины русской земли“, издатель полагаетъ не лишнимъ объяснить слѣдующія къ тому препятствія, касающіяся этого изданія.

Собираніе и приведеніе въ порядокъ матеріаловъ для біографіи Ивана Михайловича Снегирева потребовало много времени и къ тому увольненіе издателя изъ Императорской Публичной Библіотеки, лишившее его возможности пользоваться нѣкоторыми справками, не могло не повліять и на самое изданіе. Отъ просвѣщенной поддержки публики вполнѣ зависитъ появленіе въ свѣтъ слѣдующихъ выпусковъ и желающіе подписаться благоволятъ препровождать къ издателю *три рубля серебромъ* на *три* книжки сборника *„Старины русской земли“* и *два рубля* на *біографическій очеркъ* И. М. Снегирева. Въ полной надеждѣ на сочувствіе любителей серьезнаго чтенія, издателемъ приготовлены уже матеріалы для слѣдующихъ

двухъ выпусковъ. Кромѣ историко-археологическихъ статей въ нихъ будутъ помѣщены: письма къ И. М. Снегиреву митрополита Филарета и архіепископа Евгенія и профессора русской литературы при бывшемъ виленскомъ университетѣ Лобойки, а также дневникъ воспоминаній Ивана Михайловича съ 1821 по 1824 годъ, какъ заключающій въ себѣ много драгоцѣнныхъ біографическихъ данныхъ о современныхъ ему литературныхъ дѣятеляхъ. Къ письмамъ и дневнику будутъ приложены необходимыя историческія и литературныя объясненія.

Въ заключеніе настоящаго заявленія издатель считаетъ нужнымъ прибавить, что какъ отъ продажи біографическаго очерка часть суммы будетъ предназначена на сооруженіе надгробнаго памятника покойному профессору, такъ и отъ продажи сборника статей его предполагается составить капиталъ для учрежденія при московскомъ университетѣ *Снегиревской* стипендіи. О стипендіи въ память своего отца авторъ самъ думалъ и даже имъ сдѣланъ былъ проектъ духовнаго завѣщанія, въ которомъ была выражена его воля по этому предмету, но скоропостижная кончина его не позволила ему осуществить этой благой мысли. На издателѣ лежитъ обязанность исполнить волю завѣщателя, а на любителяхъ просвѣщенія, сочувствующихъ научнымъ интересамъ, лежитъ обязанность помочь

издателю къ осуществленію послѣдней воли покойнаго профессора.

По поводу же возбужденнаго вопроса о томъ, оставлено-ли покойнымъ профессоромъ московскаго университета ИвановъМихайловичемъ Снегиревымъ письменное уполномочіе на изданіе его сочиненій, издатель поставляется въ необходимость—предать печатной гласности выданный документъ, составленный со словъ автора и собственноручно имъ подписанный въ присутствіи свидѣтелей.

Вотъ письмо его:

Милостивый Государь,
Антонъ Домиковичъ!

„Вмѣняю себѣ въ пріятный долгъ публично заявить о вашихъ усердныхъ и безкорыстныхъ стараніяхъ въ доставленіи мнѣ изъ разныхъ источниковъ пособій для облегченія неудобствъ жизни, столь мнѣ трудной, при моихъ преклонныхъ лѣтахъ.

„За таковое ваше, милостивый государь, христіанское попеченіе приношу вамъ публично мою душевную благодарность и съ чувствами сердечной признательности изъявляю мое полное согласіе на новый вашъ въ мою пользу трудъ, какой желаете вы принять на себя, по моей просьбѣ, — изданіе всѣхъ моихъ сочиненій для доставленія мнѣ средствъ, необходимыхъ при моемъ болѣзненномъ состояніи.

„Настоящимъ публичнымъ заявленіемъ моего согласія я отмѣняю прежде сдѣланныя мною распоряженія, по предмету изданія моихъ сочиненій, и уполномочиваю васъ только одного. Я вполнѣ увѣренъ, что вы и впредь соблюдать будете мои интересы, какъ это вы доказали на самомъ дѣлѣ, во время моего съ вами знакомства. Поэтому все, что вами, милостивый государь, будетъ сдѣлано по изданію моихъ сочиненій, признаю для себя полезнымъ и прекословить не буду. Богъ да благословитъ и вашъ собственный литературный трудъ, дѣлающій вамъ честь, какъ усердному собирателю драгоцѣнныхъ матеріаловъ и какъ ревнителю великихъ заслугъ святителя Евгенія.

„Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности, съ какими имѣю честь быть вашимъ,

Милостивый Государь,
покорнѣйшемъ слугою
(Подп.) Дѣйствительный статскій совѣтникъ
Иванъ Снегиревъ."

11 сентября 1868 г.
С.-Петербургъ.
Маріинская больница.

За симъ слѣдуютъ подписи свидѣтелей:

„Что̀ письмо дѣйствительно подписано въ моемъ присутствіи, при полномъ его сознаніи, но слабой его рукой дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ И. М. Снегиревымъ, въ этомъ свидѣтель-

ствую: врачь лечебницы при Маріинской больницѣ А. Вернеръ.“

„Письмо это составлено съ полнаго согласія дѣйствительнаго статскаго совѣтника И. М. Снегирева и подписано собственною его рукою, что и свидѣтельствую Маріинской больницы для бѣдныхъ священникъ Александръ Преображенскій.“

За симъ слѣдуетъ офиціальное засвидѣтельствованіе въ собственноручности подписей упомянутыхъ въ письмѣ лицъ:

„Подписи рукъ, по нахожденію на излеченіи въ отдѣленіи платящихъ больныхъ при Маріинской больницѣ для бѣдныхъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Снегирева, старшаго ординатора статскаго совѣтника Вернера и священника Преображенскаго, Контора подписью и приложеніемъ казенной печати свидѣтельствуетъ

М. П. и подпись письмоводителя.

Волю покойнаго профессора подтвердила и вдова его тремя письмами на имя издателя, изъ которыхъ приводится здѣсь самое послѣднее, отъ 22 сентября 1870 года, слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь,

Антонъ Доминиковичъ!

„Съ особеннымъ удовольствіемъ возобновляю уже неоднократно вамъ изустно и письменно даваемое мое согласіе на предпринятое изданіе сборника

статей, переписки и дневника покойнаго моего мужа, бывшаго профессора московскаго университета, подъ общимъ названіемъ: „Старина русской земли“.

„По вашей просьбѣ разрѣшаю вамъ въ сборникъ этотъ включить біографію архіепископа Августина.

„Въ удостовѣреніе моего согласія настоящее письмо подписываю собственною рукою и признаю его, какъ выраженіе моей особенной признательности за добросердечную помощь вашу мнѣ въ попеченіи о моемъ мужѣ, при его жизни, во время его болѣзни, а также въ благодарность за составленіе его біографіи. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи

(Подп.) Вдова дѣйствительная статская совѣтница
Анна Андреевна Снегирева.“

22 сентября 1870 г.
С.-Петербургъ.

Къ сему считаю нелишнимъ здѣсь сообщить къ свѣдѣнію публики, что ревнители просвѣщенія Г. Министръ Императорскаго Двора и управляющій собственною конторою Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Императорскихъ Величествъ поставили меня въ извѣстность, что Его Императорское Величество Государь Императоръ и Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ, осчастливили автора, Всемилостивѣйше со-

благоволивъ подписаться на предпринятое мною изданіе его сочиненій.

Вотъ ихъ письма:

Г. Библіотекарю Императорской Публичной Библіотеки, коллежскому совѣтнику Ивановскому.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ подписаться отъ Имени Его Величества на одинъ экземпляръ предпринятаго вами изданія сочиненій бывшаго профессора московскаго университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Снегирева.

О таковой Монаршей волѣ имѣю честь увѣдомить васъ.

(Подп.) За Министра Императорскаго Двора,
Генералъ Адъютантъ Графъ Адлербергъ 2-й.

31 октября 1868 г.
С.-Петербургъ.

Милостивый Государь,
Антонъ Доминиковичъ!

На первый томъ издаваемыхъ вами сочиненій заслуженнаго профессора И. М. Снегирева благоугодно подписаться: 1) Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, Государю Наслѣднику Цесаревичу на десять экземпляровъ и Великому Князю Владиміру Александровичу тоже на десять экземпляровъ и 2) Г. генералъ.

адъютанту графу Б. А. Перовскому на 1 экземпляръ.

Примите, М. Г. увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ вамъ почтеніи и преданности.

(Подп.) М. Сушинскій.

4 ноября 1868 г.
С.-Петербургъ.

Г. управляющій II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, отъ 15 Ноября 1868 года, за № 793, удостоилъ меня слѣдующимъ письмомъ:

Милостивый Государь,
Антонъ Доминиковичъ.

Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 9 Ноября, № 8919, увѣдомилъ меня, что по сдѣланному имъ, вслѣдствіе отношенія моего, сношенію съ Министромъ Финансовъ, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Статсъ-Секретаря Рейтерна, Высочайше соизволилъ на отпускъ изъ Государственнаго Казначейства 800 руб. для напечатанія въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи I Тома предпринятаго Вами, Милостивый Государь, изданія сочиненій бывшаго Профессора Московскаго Университета Снегирева.

Имѣю честь увѣдомить о семъ Васъ, Милостивый Государь, и присовокупить, что мною вмѣстѣ

съ симъ сдѣлано по Типографіи II Отдѣленія распоряженіе о томъ, чтобы она приступила къ набору и напечатанію означеннаго Тома, по полученіи отъ Васъ оригинала онаго.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

(Подп.) *Князь Сергій Урусовъ.*

Объяснивъ права на изданіе и указавъ на Высочайшее покровительство ему оказанное, издатель позволяетъ себѣ надѣяться, что со стороны министерства финансовъ не представится уже никакого затрудненія, относительно выдачи мнѣ Всемилостивѣйше пожалованнаго, по ходатайству министерства народнаго просвѣщенія, пособія 800 р., предназначеннаго на изданіе и печатаніе 1-го тома.

Пользуемся случаемъ выразить публично чувствительную признательность содержателю типографіи Ф. С. Сущинскому за просвѣщенное его содѣйствіе къ осуществленію изданія 1-го тома, предоставленіемъ мнѣ кредита для напечатанія „біографическаго очерка И. М. Снегирева“ и „Старины русской земли“.

17 апрѣля 1871 г. *А. Ивановскій.*

Родословное Древо Государей Россійскихъ.

На сводахъ паперти, окружающей съ южной и западной стороны Соборъ Преображенія Господня въ Новоспасскомъ монастырѣ, изображено Родословное древо Государей Россійскихъ, начиная отъ первыхъ вѣнценосныхъ насадителей вѣры христіанской въ Россіи до Царя Ѳеодора I и Царевича Димитрія *). По ближайшему отношенію къ отечественной исторіи, мы разсмотримъ здѣсь этотъ памятникъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ связь съ пятью картинами на простѣнкахъ паперти, гдѣ представляется постепенное распространеніе христіанской вѣры въ Россіи отъ Св. Андрея Первозваннаго, водрузившаго крестъ на горахъ Кіевскихъ до Владиміра I, крестившаго свой народъ. Сіи изображенія, драгоцѣнныя по

*) Статья эта напечатана была въ Московскихъ вѣдомостяхъ, перепечатана въ С.-Петербургскихъ Академическихъ и въ Журналѣ Министерства Внутрен. дѣлъ; а здѣсь помѣщается съ новыми дополненіями въ новомъ видѣ.

**) Исторія Россійской Іерархіи, часть I—VI, въ 8.

своему содержанію и замѣчательныя въ художественномъ отношеніи, вмѣсто бывшаго прежде расписанія клеевыми красками, съ удержаніемъ прежняго стиля, возобновлены 1837 г. масляными красками попеченіемъ достопочтеннаго О. Архімандрита Аполлоса.

Царственное благоплодное древо вѣтвями своими покрываетъ сводъ длиною на 17 аршинъ, а шириною на $6^1/_2$, написано по лазуревому полю; оно простирается отъ востока на западъ и изображено выходящимъ изъ купѣли, какъ бы изъ своего материнскаго лона. Стоящіе при корени онаго В. Кн. Владиміръ I и В. Кн. Ольга поливаютъ его изъ алавастровъ, сходныхъ съ тѣмъ самымъ, который издревле хранится съ св. муромъ въ Патріаршей ризницѣ. Вѣтви этого древа на всемъ протяженіи своемъ образуютъ элипсы, или сжатые круги, служащіе рамами каждой фигурѣ, въ коихъ изображены Великіе и Удѣльные Князья и Цари Россійскіе; каждая фигура величиною почти въ $1^1/_2$ аршина. Онѣ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: По сторонамъ

Въ 1-мъ ряду: 1) Св. равноапостольной Великой Княгини Ольги и 2) Св. равноапостольнаго Великаго Князя Владиміра I Святославича стоятъ Святые Князья 3) Борисъ и 4) Глѣбъ;

Во 2-мъ ряду: 5) Благовѣрн. Князья: Ярославъ I Владиміровичь, 6) Изяславъ I Ярославичь; 7) Всеволодъ I Ярославичь;

Въ 3-мъ ряду: 8) Вел. Кн. Святополкъ II Изяславичь; 9) Всеволодъ II Ольговичь, 10) Игорь Ольговичь;

Въ 4-мъ ряду: 11) Вел. Кн. Владиміръ II Всеволодовичь Мономахъ; 12) Мстиславъ Владиміровичь; 13) Юрій Владиміровичь Долгорукій;

Въ 5-мъ ряду: 14) Андрей Юрьевичь Боголюбскій; 15) Изяславъ II Мстиславичь; 16) Ярославъ III Ярославичь;

Въ 6-мъ ряду: 17) Димитрій I Александровичь; 18) Василій I Ярославичь; 19) Св. Даніилъ Александровичь;

Въ 7-мъ ряду: 20) Св. Михаилъ II Ярославичь Тверской; 21) Андрей Александровичь; 22) Вел. Кн. Юрій III Даниловичь;

Въ 8-мъ ряду: 23) Іоаннъ I Даниловичь Калита; 24) Вел. Кн. Симеонъ Іоанновичь; 25) Александръ II Михайловичь;

Въ 9-мъ ряду: 26) Іоаннъ II Іоанновичь; 27) Димитрій VI Михайловичь; 28) Симеонъ Іоанновичь;

Въ 10-мъ ряду: 29) Вел. Кн. Василій II Димитріевичь; 30) Вел. Кн. Василій IV Іоанновичь; 31) Вел. Кн. Іоаннъ III Васильевичь великій;

Въ 11-мъ ряду: 32) Цари Іоаннъ Васильевичь Грозный, 33) Ѳеодоръ Іоанновичь, и 34)

Св. Благ. Царевичъ Димитрій Іоанновичъ.

По склопамъ свода и по разсвѣтамъ оконъ и дверей изображены

Съ лѣвой стороны:

35) Б. К. Ярополкъ Владиміровичъ,
36) Вел. Кн. Михаилъ Юрьевичъ,
37) Вел. Кн. Димитрій III Константиновичъ,
38) Вел. Кн. Василій III Васильевичъ,
39) Кн. Георгій Ярославичъ Костромскій,
40) Кн. Іоаннъ Рязанскій,
41) Кн. Георгій Іоанновичъ,
42) Кн. Василій Рязанскій,
43) Кн. Георгій Романовичъ Козельскій,
44) Кн. Василій Ярославскій,
45) Кн. Димитрій Іоанновичъ Жилка,
46) Кн. Василій Пантелеймоновичъ Козельскій,
47) Св. Бл. К. Глѣбъ Владимірскій,
48) Кн. Георгій Дмитровскій,
49) Св. Бл. Кн. Тимоѳей Псковскій.

Съ правой стороны:

50) Св. Бл. Кн. Юрій II Всеволодовичъ,
51) Св. Ярославъ II Святославичъ,
52) Св. Андрей II Ярославичъ,
53) Св. Бл. Кн. Александръ Невскій,
54) Св. Бл. Кн. Іоаннъ Рязанскій,

55) Кн. Василій Рязанскій,
56) Романъ Олеговичь Рязанскій,
57) Кн. Димитрій Ростовскій,
58) Кн. Василій,
59) Кн. Василій Ярославскій,
60) Св. Бл. Кн. Василій Всеволодовичь,
61) Кн. Андрей Болгарскій,
62) Св. Бл. Кн. Константинъ Всеволодовичь,
63) Кн. Іоаннъ Дмитровскій,
64) Св. Бл. Кн. Константинъ Святославичь Муромскій,
65) Св. Бл. Кн. Петръ Муромскій,
66) Кн. Василій Димитріевичь Ростовскій,
67) Кн. Ѳеодоръ Каргопольскій,
68) Кн. Василій Михайловичь,
69) Кн. Петръ Димитріевичь,
70) Кн. Симеонъ Васильевичь,
71) Кн. Іаковъ.

При самомъ восходѣ на крыльцо паперти, на поддугѣ, примыкающей къ своду галереи, написаны: Св. Благов. Кн. Ѳеодоръ Ярославскій съ чадами Давидомъ и Константиномъ въ монашескомъ одѣяніи.

Всѣ фигуры на этомъ древѣ написаны во весь ростъ; на головахъ у нихъ Княжескія шапки, кромѣ Вел. Кн. Владиміра, Вел. Княгини Ольги и Андрея Боголюбскаго, на которыхъ царскія короны. Главы ихъ озарены вѣнцами святыхъ, въ какихъ часто изображаемы были до XVIII вѣка Государи Россійскіе по престав-

леніи своемъ, какъ помазанники Божіи, державные блюстители Церкви и, по понятіямъ народа, какъ ближайшіе наслѣдники вѣчной славы. Цари Іоаннъ Васильевичь и Ѳеодоръ Іоанновичь въ однихъ далматикахъ, или ферезяхъ съ кружевами по распашкѣ далматиковъ и вкругъ подольниковъ и препоясаны поясами, такъ что тѣ и другіе образуютъ спереди кресты, а прочіе, сверхъ далматиковъ, въ охабняхъ, или кощахъ, застегнутыхъ на груди запонами; у нѣкоторыхъ на шеѣ ожерелья или аламы, сходные съ бармами. Всѣ Государи Русскіе въ правой рукѣ съ скипетромъ, а Ярославъ Владиміровичь и В. К. Владиміръ Мономахъ держатъ въ другой рукѣ церковь. Вел. Князья Андрей Боголюбскій, Георгій Всеволодовичь и Василій Васильевичь, сверхъ скипетра, имѣютъ въ рукѣ державу (яблоко). Вершина этого родословнаго древа, заключаясь Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ IV съ послѣдними отраслями Рюрикова дома, примыкаетъ къ южнымъ вратамъ храма, до которыхъ съ запада простирается олицетворенное изображеніе Новаго Завѣта; оно состоитъ изъ ликовъ І. Христа и Св. Апостоловъ. На всемъ протяженіи свода западной стороны паперти написано родословіе изъ Ветхаго Завѣта Праотцевъ, окруженныхъ Израильскими Царями и Пророками; оно идетъ отъ сѣвера на югъ и оканчивается Царемъ Іосіею, Пророкомъ Софоніею и Праотцемъ Іосифомъ.

Государи Россійскіе изображены въ предверіи Собора Преображенія Господня, какъ бы стражи Церкви

Хрістовой, которая, за распространеніе и охраненіе ими Православія въ народѣ, благословляя ихъ Державу, удостоиваетъ Державныхъ *отцевъ живота*. На правомъ столбѣ храма изображены: Лица порфирородныхъ храмоздателей и родоначальниковъ дома Романовыхъ Михаила и Алексія, а въ алтарѣ: Патріарховъ Россійскихъ: Іова, Гермогена, Филарета, двухъ Іоасафовъ, Іосифа, Питирима, Никона, Іоакима, умершаго въ тотъ самый годъ, какъ было кончено стѣнное писаніе въ Новоспасскомъ монастырѣ; на мѣстѣ послѣдняго Патріарха Адріана видѣнъ Преосвященный Митрополитъ Кипріанъ. Главы ихъ украшены вѣнцами святыхъ.

Стиль или пошибъ всѣхъ лицъ Греческій, близко подходящій къ иконному; лица болѣе различаются возрастомъ, чѣмъ характеристическими чертами портретовъ, съ натуры писанныхъ, хотя можно предполагать, что нѣкоторыя изъ нихъ, ближайшія къ XVII вѣку, сняты съ современныхъ имъ портретовъ.

Такія родословныя таблицы въ видѣ деревъ (arbores consanguinitatis) употреблялись въ средніе вѣка и сочиняемы были на основаніяхъ Каноническаго права. Древо родословное обыкновенно раздѣляется на прямыя и боковыя линіи; низходящія его линіи соединяютъ родоначальника съ тѣми, которые отъ него происходятъ, а восходящія связываютъ лице съ тѣми, отъ кого оно происходитъ. Близость или дальность общаго имъ родоначальника составляетъ *степень*, на какія

обыкновенно раздѣлялись роды. Изобрѣтеніе родословныхъ древъ приписывается Индѣйцамъ и Арабамъ. Ветхій и новый Завѣтъ служатъ намъ доказательствами, сколь важнымъ почиталось родословіе у Евреевъ. Византія вмѣстѣ съ Кормчею книгою сообщила Россіи идею о родословныхъ таблицахъ, а западная Европа образцы родословныхъ древъ, составленныхъ по Каноническому праву. Онѣ были необходимы, потому что ими утверждались права на владѣніе и наслѣдіе, разрѣшались споры о мѣстничествѣ. Вел. Кн. Василій и сынъ его Іоаннъ IV, выводя родъ свой отъ Августа Кесаря, вѣроятно имѣли уже предъ глазами родословныя таблицы, сочиненныя *книгочіями* того вѣка.

Древо Рюрикова племени начинается Равноапостольнымъ просвѣтителемъ Россіи и первыми двумя вѣнценосными страстотерпцами Борисомъ и Глѣбомъ, и оканчивается порфиророднымъ мученикомъ Димитріемъ, послѣднею отраслію Рюрикова дома, отъ которой прозябло новое благословенное поколѣніе. Одиннадцать степеней или *листвицъ* древа идутъ въ восходящемъ порядкѣ: но въ боковыхъ и низходящихъ линіяхъ помѣщены такія лица, которыя должны бы стоять въ прямыхъ и восходящихъ, и на оборотъ напр.: Вел. Князь Александръ Невскій находится въ боковой, а сыновья его Димитрій и Даніилъ въ прямой. Гдѣ должны быть братья, тамъ помѣщены сыновья. Нѣкоторые Вел. Князья пропущены въ прямой линіи напр. Димитрій Донской, а въ боковыхъ вставлены посто-

ронніе и въ такомъ порядкѣ, что трудно опредѣлить ихъ отношеніе и значеніе. Изъ всего видно, что лица и имена перепутаны сочинителемъ, или живописцами, которые въ XVII вѣкѣ, какъ значится изъ дѣлъ *) вызывались въ Москву изъ разныхъ городовъ: Ростова, Ярославля, Кинешмы, Рязани; они-то вѣроятно включили въ эту родословную таблицу и прежнихъ своихъ Князей. Хотя древо это и несогласно съ генеалогическими правилами и не представляетъ взору наблюдателя различныхъ степеней родства и свойства Великихъ и Удѣльныхъ Князей и Царей въ Россіи съ X по XVI вѣкъ; но есть единственный въ Москвѣ генеалогическій такого рода памятникъ, если неполный, то замѣчательный очеркъ обширной, величественной и многозначительной картины шести столѣтій исторіи отечественной въ періодъ удѣловъ и единодержавія, гдѣ являются намъ роды Владиміра и Ярослава, Мономаховичей и Олеговичей, Калиты и Донскаго въ стольныхъ градахъ Кіевѣ, Владимірѣ и наконецъ Москвѣ, сосредоточившей въ себѣ всю Россію. Святыми наименованы Князья, не причисленные еще церковію къ лику ихъ: Ярославъ II Ярославичь, Андрей II Ярославичь и Іоаннъ Рязанскій. Годуновы и Шуйскіе исключены здѣсь вѣроятно по видамъ политическимъ того вѣка, котораго конецъ былъ началомъ преобра-

*) Дѣла Архива Оружейной палаты 7160 — 7200 г. объ иконописцахъ.

зованія Россіи Петромъ I, или потому, что эта таблица сочинена въ концѣ XVI вѣка.

Намъ не извѣстно, существуютъ ли гдѣ либо еще въ Россіи подобные памятники древнѣе опаго; но вѣроятно живописецъ Родословнаго древа имѣлъ ихъ въ виду. Образцомъ ему могло также служить изображеніе, перешедшее и въ гравированныя народныя картинки, *Родословнаго древа Христа Спасителя отъ Авраама до Іосифа* *). Въ Кремлевскомъ дворцѣ при Ѳеодорѣ I стѣны украшены были ликами Государей Россійскихъ въ генеалогическомъ порядкѣ **). Отечественною исторіею и генеалогіею занимались, кромѣ духовныхъ, и государственные мужи, таковы: Разрядный дьякъ Грибоѣдовъ и Бояринъ А. С. Матвѣевъ ***). Въ Сунодальной библіотекѣ находится полнѣйшая *Родоначальная книга*, писанная въ 1660 г., а въ главномъ Моск. Архивѣ Мин. Ин. дѣлъ рукопись въ листъ: *Родословіе Великихъ Князей и иныхъ родовъ многихъ* 1665 г. Въ Эрмитажной библіотекѣ хранится рукописная книга, содержащая въ себѣ: *Собраніе, откуда произоде корень Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, со многими искусно нарисованными и раскрашенными портретами* 1672 г.—****)

---

*) Dorpater Jahrbücher. IX B. Leipzig, 1835.

**) *Карамзинъ*. Ист. Гос. Рос. т. X.

***) *Д. Бантышъ-Каменскаго* Словарь достопам. мужей земли Русской, ч. 3. М. 1836.

****) Журналъ Министерства Народнаго просвѣщенія, Май, 1838.

слѣдственно за 18 лѣтъ до расписанія Новоспасской паперти. Въ Моск. главномъ Архивѣ Иностр. дѣлъ есть подъ № 30 рукопись 1673 г., поднесенная Царю Алексію Михайловичу: *о родословіи Великихъ Князей и Государей*, отъ Цесарскаго Совѣтника и Герольдмейстера *Лаврентія Курелича*, съ показаніемъ имѣющагося посредствомъ браковъ сродства между Россіею и осмью Европейскими державами и съ изображеніемъ ихъ Королевскихъ гербовъ, а въ срединѣ ихъ Великаго Князя Владиміра, на концѣ же портрета Царя Алексія Михайловича.

На стѣнахъ Крутицкаго, сосѣдственнаго съ Новоспасскимъ собора, до конца XVIII вѣка написаны были во весь ростъ Государи Россійскіе, начиная отъ Вел. Кн. Владиміра до Царя Алексія Михайловича, такъ какъ въ Архангельскомъ и частію въ Благовѣщенскомъ соборахъ.

Наконецъ подобное родословное древо было торжественнымъ свидѣтельствомъ правъ наслѣдованія Россійскаго Престола Императрицею Елисаветою I. На Синодальныхъ тріумфальныхъ вратахъ, сооруженныхъ на коронацію Императрицы Елисаветы Петровны, 1742 года, въ Москвѣ у Казанскаго Собора изображенъ былъ Св. Владиміръ лежащій и изъ чреслъ его произрастшее древо, на вѣтвяхъ коего видѣнъ родъ Царскій до Императрицы Елисаветы I, а подъ нею надпись: «Et documenta damus, qua sumus origine nati, т. е. «До-

вольно показуемъ, откуда начало рожденія нашего имѣемъ» *).

Изображеніе родословія Государей Россійскихъ на сводахъ преддверія того храма, подъ помостомъ коего опочиваетъ прахъ Бабки и Матери родоначальника дома Романовыхъ, имѣетъ не только историческое и политическое, но и религіозное значеніе по своему отношенію къ самому храму, священному памятнику освобожденія Россіи отъ ига Монголо - Татарскаго, и къ отечественной исторіи, которая повторяется въ стѣнахъ святилища. Вся вообще стѣнопись обнаруживаетъ замысловатое примѣненіе къ мѣсту, сближеніе Священной Исторіи съ отечественною, Православія съ Самодержавіемъ.

Какъ памятникъ отечественнаго художества, оно составляетъ замѣчательный матеріалъ для Археологіи и предметъ изученія для художниковъ, которые безъ познанія народныхъ древностей будутъ односторонними. Достопамятныя сіи изображенія въ первенствующемъ Россійскомъ монастырѣ недавно возбудили любопытство просвѣщенныхъ иностранцевъ; объ нихъ мимоходомъ упоминаетъ и Г. Шнитцлеръ въ своей Tableau statistique, geographique, topographique et historique de la ville Moscou, Paris, 1834, in 8°.

Въ первой галереѣ паперти онъ находитъ: »сраженіе Русскихъ съ Татарами; послѣдніе одерживаютъ по-

*) Дѣла Государственнаго Архива, 1742 г. № 90.

бѣду; смерть въ образѣ скелета, сидящая на бѣломъ конѣ, слѣдуетъ за Русскими, между которыми видѣнъ ратникъ во всеоружіи съ вѣсами въ рукахъ. Но далѣе сцена перемѣняется: Русскіе подъ предводительствомъ І. Христа обращаютъ въ бѣгство своимъ враговъ, которые дѣлаются добычею стоглаваго дракона. Такія изображенія напоминаютъ о началѣ монастыря, основаннаго во время освобожденія Россіи отъ ига татарскаго».—

Но все это аллегорическое изображеніе не имѣетъ никакого отношенія къ исторіи Новоспасскаго монастыря и Россіи; оно заимствовано изъ VI гл. ст. 2—9, и XIX гл. ст. 13—17 Апокалипсиса. Снятіе четырехъ печатей открываетъ слѣдующее видѣніе: четыре скачущихъ коня со всадниками, изъ коихъ первый съ вѣнцомъ на головѣ пускаетъ стрѣлу изъ лука—*изыде побѣждаяй;* второй съ мечемъ ополчается *взяти миръ отъ земли;* третій съ *мѣриломъ* въ рукѣ для означенія цѣны пшеницы и ячменя, а четвертый всадникъ на *блѣдомъ конѣ* — смерть сопутствуемая адомъ: ему дана власть истребить четверть земли оружіемъ, гладомъ, смертію и звѣрьми. Воинствами небесными повелѣваетъ на бѣломъ конѣ воитель, названный Слово Божіе; изъ устъ его исходитъ мечь для пораженія владыкъ земныхъ съ ихъ воинствомъ, а лживаго пророка и звѣря ввергаетъ въ огненное озеро. Стая парящихъ птицъ преслѣдуетъ поражаемыхъ. *Апок.* гл. XIX ст. 17—19 *).

*) Минерва, *И. Кронберга*, ч. II. Харьковъ, 1835. 8. — Альбрехта Дюрера Apocalypsis cum figuris.

На этихъ картинахъ даже подписаны имя книги Откровенія, главы и стихи, которыхъ не замѣтилъ Французскій статистикъ Россіи, произвольно объяснивъ таинственныя видѣнія апокалипсическія изъ Русской исторіи. Онъ также не упомянулъ о Греческихъ мудрецахъ и пѣснопѣвцахъ, писанныхъ по обѣимъ сторонамъ входа, по правую сторону: объ Омирѣ, Орфеѣ, Солонѣ, Платонѣ и Птоломеѣ; по лѣвую: объ Аристотелѣ, Анахарсисѣ, Плутархѣ, Продіонѣ и Ерміѣ; ихъ изображенія размѣщены при входѣ, ведущемъ на паперть храма, какъ бы въ ознаменованіе перехода отъ Философіи къ Откровенію. »Отцы наши — замѣчаетъ Митрополитъ М. Филаретъ — хотѣли тѣмъ выразить, что никогда мудрость человѣческая не восходила выше нижнихъ ступеней Христіанскаго храма«.

Послѣ Шнитцлера, въ 1838 году, изучали сіи живописанія, обратившія на себя особенное вниманіе Е. В. Цесаревича Наслѣдника Россійскаго Престола, Г. К. Роберть, сочинитель книги: Essai d'une philosophie de l'art, ou introduction à l'étude des monumens chretiens. Paris. 1836, и А. Н. Муравьевъ въ *Воспоминаніяхъ о посѣщеніи святыни Московской Государемъ Наслѣдникомъ*. Спб. 1838.

Изображенія Царей Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михайловича.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы замѣтили, что въ преддверіи храма Преображенія, въ Новоспасскомъ монастырѣ, помѣщены изображенія Христіанскихъ Государей Россіи Рюрикова поколѣнія, а лица Романова дома въ самомъ храмѣ; тамъ на правомъ столбѣ, поддерживающемъ сводъ, написаны храмоздатели Цари Михаилъ и Алексій, въ самомъ алтарѣ изображенія отецъ перваго и дѣдъ втораго Патріархъ Филаретъ. У этого столба было царское мѣсто, подъ коимъ въ склепахъ погребены Матерь, братья и дяди Михаила Ѳеодоровича.

Лики благочестивѣйшихъ Самодержцевъ написаны не на сырой штукатурѣ (al-fresco), но клеевыми красками на сухомъ растворѣ (al-secco), въ полную натуру человѣческую, нѣсколько преувеличенную; потому что ростъ ихъ простирается до трехъ аршинъ, тогда

какъ, судя по свидѣтельству современныхъ писателей и по мѣрѣ гробницъ Михаила и Алексія, они были средняго роста. Лица ихъ въ *три четверти*, обращены въ *моленіи* къ Спасителеву образу надъ ними.

Лице у Михаила продолговатое, полное, мужественное, глаза большіе съ широкими вѣками, носъ прямой; физіогномія чисто Русская; борода довольно окладистая, усы протягновенные; волосы на головѣ, не стрижепные по Русскому обычаю, но доходятъ до плечь и болѣе прямые, русые съ просѣдью, чѣмъ темнорусые, курчавые, какіе они дѣйствительно были, судя по сохраненнымъ въ медальонахъ локонамъ волосъ въ Оружейной палатѣ. Въ чертахъ его проявляется сановитость Царя, благоговѣніе христіанина и веледушіе человѣка, перенесшаго съ твердостію духа многія испытанія и при концѣ своего поприща съ упованіемъ возводящаго взоры свои горѣ. Портретъ снятъ по видимому тогда, когда Михаилъ приближался къ полвѣку и концу своей жизни.

Лице у Алексія круглѣе, полнѣе и значительнѣе по выраженію; лобъ не великъ, глаза большіе, разкосые, осѣненные густыми бровями и широкими вѣками; волосы на головѣ прямые, борода окладистая, усы также протягновенные; волосы на нихъ свѣтлорусые, какіе онъ подлинно имѣлъ. Цвѣтъ лица у обоихъ Царей смугловатый, какой обыкновенно бываетъ на лицахъ иконнаго писанія. Станъ ихъ отличается тѣмъ дородствомъ, какимъ хвалились Русскіе сановники.

На головахъ у обоихъ Государей Мономаховы вѣнцы большаго выхода, или наряда, съ двумя уступами. Вокругъ коронъ такое жъ лучезарное окруженіе, или вѣнецъ (nimbus), съ какимъ изображены Государи Россійскіе въ Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ соборахъ и на паперти Новоспасскаго собора. Въ одной у нихъ рукѣ скипетръ съ двуглавымъ орломъ, а другою они поддерживаютъ сооруженный ими храмъ Преображенія, которому суждено въ нѣдрахъ своихъ хранить лицепачертанія своихъ вѣнценосныхъ ктиторовъ и прахъ благочестивыхъ ихъ предковъ. На обоихъ Царяхъ одинаковый *нарядъ большой казны*, какой они возлагали на себя въ торжественные дни и выходы. Здѣсь они представляются во всей лѣпотѣ земной и славѣ небесной, соединяя на себѣ вѣнецъ царскій съ *вѣнцемъ живота*. На раменахъ у нихъ возложены св. бармы (parmae, щиты?) и на кольчатыхъ цѣпяхъ кресты, какимъ, по преданію, благословилъ Вел. Князя Іоанна Даниловича Св. Петръ Митрополитъ. Они облачены въ далматики, или станковые кафтаны, похожіе на архіерейскіе саккоссы, кои Каріонъ Истоминъ *) называетъ *діадимами*, изъ петельчатаго золотнаго аксамита (Венеціанской парчи) съ вытканными на немъ коронами, травами и цвѣтами; по распашкѣ и подольнику далматиковъ видны украшенія золотными кружевами и каменьями въ репьяхъ и розеткахъ; вдоль

*) См. его Букварь Словено-Россійскихъ писменъ, М. 1692 г. въ листъ.

посажены пуговицы, какія иногда извѣстны были подъ именемъ *жуковинъ* или *жуковъ* (*κάνθαροι*, scarabei), имѣвшихъ у Египтянъ миѳическое значеніе. Такіе становые кафтаны, или кобаты донынѣ сберегаются между Царскими сокровищами въ мастерской Оружейной палатѣ. Изъ-подъ верхней одежды на Царяхъ видны запястья, или зарукавья нижняго кафтана. Сапоги у обоихъ Государей парчевые и украшены также каменьями.

Кромѣ изображенія церкви и иконы Спаса на убрусѣ, сія живопись осталась въ такомъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ рукъ художниковъ и относится къ концу XVII вѣка, т. е. къ 1690 г. когда окончена была стѣнопись въ этомъ храмѣ и когда уже вошла въ употребленіе живопись al-secco. До 1837 года лица сіи закрыты были иконостасомъ и, при благолѣпномъ поновленіи всего монастыря, Архимандритомъ онаго Аполлосомъ открыты къ удовольствію чтителей священной старины.

Штилемъ своимъ портреты сіи отступаютъ отъ иконнаго и уже приближаются къ живописи; по манерою все еще нѣсколько сбиваются на иконопись и на какой-то принятый и заученный манеръ, замѣтный въ штилѣ портретовъ того вѣка. Въ рисункѣ ихъ нѣтъ правильности и отчетливости, въ тонахъ легкости, въ аттитюдѣ и мимикѣ естественности, полнаго выраженія характера физіогноміи, а въ драпировкѣ рельефности; но есть уже теплота, выразительность и нѣко-

торыя общія черты внѣшняго сходства Царей Михаила и Алексія съ иностранными и отечественными портретами и описаніями очевидцевъ. Иконописцы, расписывавшіе, или поновлявшіе Новоспасскій соборъ, были Кипешемцы, какъ значилось изъ закрашенной подписи у сѣверныхъ его дверей. Но вѣроятно портреты Царей писаны были другими художниками; потому что они штилемъ своимъ различны отъ прочей стѣнописи.

Сіи достопримѣчательные памятники портретной живописи XVII вѣка возводятъ мысли наши къ предшествующимъ, кои доказываютъ намъ, что предки наши знали церковное портретное искуство ранѣе XVII столѣтія. Когда въ XI вѣкѣ явились къ Никону Игумену Печерскія Лавры Греческіе иконописцы съ предложеніемъ украсить его обитель св. иконами: тогда онъ показалъ имъ образъ Св. Преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, скончавшихся предъ тѣмъ за десять лѣтъ *). И Греки узнали тѣхъ, которые напяли ихъ и впередъ заплатили за работу. Въ Новгородскомъ Хутынскомъ монастырѣ хранится древній портретный образъ С. Игумена Варлаама, скончавшагося 1243 г. Въ житіи Пахомія Нерехотскаго, преставившагося 1384 г. сказано, что онъ, на другой годъ послѣ кончины своей, явившись во снѣ Ириарху, сказалъ: » напиши образъ подобія моего!« И черпецъ, жившій съ нимъ долгое время, написалъ образъ подобія его. Преп. Діонисій Глушицкій, престав. 1437 г. еще при жизни св. Кирилла Бѣло-

*) См. Патерикъ Печерскій и Четьи Минеи, Мартъ.

зерскаго написалъ его икону. *) Предки наши издревле, по своей набожности, тщательно хранили черты тѣхъ, которыхъ они уважали при жизни ихъ за благочестіе и святость. Купецъ Іоаннъ, любимый Саввatіемъ Соловецкимъ и бывшій при погребеніи его, написалъ образъ его и прислалъ оный къ Св. Зосимѣ, который поставилъ его на гробѣ С. Савватія и на изображеніе сіе смотрѣлъ, какъ на живаго. Когда скончался С. Діонисій, Архимандритъ Сергіевой лавры, споспѣшникъ Пожарскаго и Минина: тогда многіе изографы собрались къ его гробу списывать его лице. На облаченіи Митрополіта Фотія, хранящемся въ Патріаршей ризницѣ, вышиты шелками съ золотомъ лики Вел. Кн. Василія Димитріевича и Вел. Кн. Софіи. Въ Кіевософійскомъ соборѣ съ сѣверо-восточной стороны верхнихъ галлерей изображенъ храмоздатель онаго В. К. Ярославъ Владиміровичъ съ братьями, также В. К. Всеволодъ Святославичъ, Святославъ Ярославичъ и Святославъ Изяславичъ, такъ какъ въ Моск. Архангельскомъ соборѣ написаны при гробницахъ Вел. Князья **), начиная съ Іоанна Даниловича до Царя Ѳеодора Алексіевича. Въ 1611 году Полякъ Маскѣвичъ тамъ видѣлъ, кромѣ фресковыхъ изображеній на стѣнахъ, лица Государей Россійскихъ, вышитыя на бархатныхъ покровахъ надгробныхъ ***).

*) Исторія Росс. Іерархіи, т. IV.

**) *Карамз.* Ист. Гос. т. VI.

***) Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ, изд. *Устрялова.* ч. V. Спб. 1834, въ 8.

Съ XV вѣка, когда Россія начала сближаться съ Западомъ, въ Москвѣ появились Европейскіе образцы живописи. Папа Павелъ II, для удостовѣренія В. К. Іоанна Васильевича въ личныхъ достоинствахъ Царевны Софіи, вручилъ его послу живописный образъ *(Царевну на иконѣ написавъ, принесе)* невѣсты Іоанновой. Павелъ Іовій видѣлъ у Русскаго толмача Димитрія Герасимова портретъ В. К. Василія Іоанновича. Царь Іоаннъ Васильевичъ приказалъ послу своему Писемскому требовать отъ королевы Англійской Елисаветы живописаго образа на доскѣ, или бумагѣ племянницы ея, своей нареченной невѣсты Маріи Гастингсъ. Королева прислала Царю ея *парсону*. Баусъ, посолъ Королевы, обѣщалъ Царю доставить *портреты десяти прелестныхъ дѣвицъ* Лондонскихъ знатнаго происхожденія *). Портретъ младенца Димитрія показанъ былъ его матерью народу въ обличеніе Самозванца. Поставленные въ Архангельскомъ соборѣ при гробницахъ Вел. Кн. Василія, Царя Ѳеодора Іоанновича и Князя Скопина-Шуйскаго **) портретныя ихъ изображенія суть одни изъ древнихъ памятниковъ портретной живописи. Но вѣроятно еще найдутся и другіе памятники живописи этого рода.

---

*) Труды и лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Росс. ч. V, кн. I. М. 1830, въ 8.

**) Этотъ портретъ въ уменьшенномъ размѣрѣ находится литографированный вѣрно въ рукописи Жолкѣвскаго, изданной П. А. Мухановымъ, Москва, 1835 года; и въ V ч. Трудовъ и лѣтописей Общества Исторіи и Древн. Росс. М. 1830 г. приложены гравированные портреты Скопина-Шуйскаго и Царя Ѳеодора I.

Если жъ будутъ собраны, разсмотрѣны и съ точностію сняты всѣ древнія изображенія, разсѣянныя по всей великой Россіи: тогда только можно съ большею достовѣрностію сдѣлать заключеніе о началѣ, распространеніи и состояніи въ разныхъ вѣкахъ Русской портретной живописи. Но теперь, пользуясь извѣстными намъ источниками, мы коснемся здѣсь штиля и художниковъ, такъ равно и портретовъ XVII в. Царей Михаила и Алексія.

Въ числѣ художниковъ, прибывшихъ изъ Византіи, Рима и Германіи въ Москву, въ XV и XVI вѣкахъ, находились и живописцы, которые вѣроятно распространили употребленіе портретнаго искуства въ столицѣ Россіи. Присыланные же отъ Европейскихъ Государей портреты ихъ къ Царямъ Московскимъ могли возбудить также въ нихъ желаніе имѣть собственные свои портреты, а по образцу иностранныхъ произведеній, Русскіе художники вѣроятно дѣлали опыты сами писать съ патуры. Съ XVII вѣка въ отечествѣ нашемъ началось уже прямое отдѣленіе церковной иконописи отъ гражданской живописи, иконы отъ портрета, живописца отъ иконописца *(икономаза)* по различію школъ и штилей или пошибовъ, какъ видоизмѣненій вкуса.

Хотя Греко-Россійская Церковь въ великой Россіи строго держалась древняго Византійскаго штиля въ иконописи, какъ усвоеннаго ей св. вѣрою и незапамятною давностію; но въ XVII вѣкѣ распространенъ

иностранными художниками штиль западный, извѣстный подъ именемъ *Фряжскаго*, *Латинскаго* и даже *Нѣмецкаго*, а вмѣстѣ съ нимъ и портретная живопись, которая служила къ сохраненію памяти знаменитыхъ особъ и къ украшенію ликами ихъ не только царскихъ чертоговъ и боярскихъ хоромъ, но и келлій монастырскихъ и самыхъ Божіихъ храмовъ, особливо гдѣ хранился прахъ благочестивыхъ храмоздателей, вкладчиковъ, настоятелей: это было какъ бы дополненіемъ къ сунодикамъ, въ кои вписывались для поминовенія ихъ имена по родамъ. По свидѣтельству Рейтенфельса, бывшаго въ Москвѣ 1670 г. «нѣкоторымъ особамъ позволялось имѣть портретъ Царя въ своемъ домѣ въ знакъ особенной его милости.» *) Посему у Русскихъ такое преимущество было родъ jus imaginum. Поставляя себѣ за особенное счастіе *видѣть свѣтлыя очи* своихъ *Царей*, они высоко цѣнили ихъ изображенія, кои въ свѣтлицахъ у нихъ занимали второе мѣсто послѣ св. образовъ и до XVIII вѣка были почти единственнымъ украшеніемъ покоевъ. Самыя названія портретовъ *иконами* (ἐικῶνες), *подобіями* (ὁμοιώματα) *парсунами*, *персонами* (Лат. personae, Англ. person) *лицами*, показываютъ намъ, что портретное искуство заимствовано сперва отъ Грековъ, потомъ отъ Италіянцевъ, Англичанъ и Нѣмцевъ; даже самое слово *живопись* есть буквальный переводъ ζωγραφία; посему

*) Журналъ Министерства народ. просв. 1839, Іюль.

и художники наши иногда именовали себя *зографами* и *изографами*. Портреты (portraits) въ Россіи писались альфреско, альсекко и на доскахъ во весь ростъ, а на полотнѣ, холстѣ и на бумагѣ болѣе съ XVII вѣка поясные и колѣнчатые.

Кромѣ Патріаршихъ иконописцевъ, какъ видно изъ дѣлъ архива Оружейной палаты XVII вѣка, въ вѣдомствѣ ея состояли *иконная палата*, а въ ней иконописцы изъ Русскихъ и чужестранцевъ, которые раздѣлялись на *жалованныхъ* и *кормовыхъ*, *Московскихъ и городовыхъ*, составляли три статьи: большую, среднюю и меньшую. Они особенно занимались *верховымъ*, т. е. Государевымъ, придворнымъ, компатнымъ *дѣломъ*, къ коему вѣроятно относилось и писаніе Царскихъ портретовъ. Таковы были при Царяхъ Михаилѣ, Алексіѣ, Ѳеодорѣ и въ тройственное царствованіе Іоанна, Петра и Софіи: Гречанинъ *Апостолъ Юрьевъ* изъ Аѳинъ, Шведъ *Дерсонъ*, *Станиславъ Лопуцкій*, Цесарскія земли живописецъ *Данила Вухтеръ*, *Иванъ Детерсъ*, живописнаго дѣла мастеръ Армянинъ *Богдашка Салтановъ*, *Купріанъ Урбановскій*, *Ивашко Варшаръ*, *Дороѳей Ермолаевъ*, *Семенъ Болховитиновъ*, *Семіонъ Михайловъ Лисицкій*, *Герасимъ Костоусовъ*, *Василій Гавриловъ*, *Тихонъ Филатьевъ*, *Денисъ Щербаковъ*, *Янъ Арапъ*, *Иванъ Неустроевъ*, и пр. Перспективнаго дѣла мастеръ *Петръ Диллесъ* писалъ Царевнѣ Софіи Алексіевнѣ на полотнѣ перспективную картину на стѣну. Не онъ ли изобразилъ портретъ ея въ двуглавомъ орлѣ Россійскомъ,

хранящійся донынѣ въ настоятельскихъ келіяхъ Новодѣвичьяго монастыря?

Цари Михаилъ, Алексій и Ѳеодоръ, также Царевна Софія, Князь Хворостининъ, Князь Василій Голицинъ и Бояринъ А. Матвѣевъ покровительствовали живописи и художникамъ. Отъ ихъ времени, не смотря на многія утраты въ пожары Московскіе, уцѣлѣло довольно памятниковъ портретной живописи, къ коимъ относятся и Новоспасскіе портреты храмоздателей.

При гробницахъ Михаила и Алексія въ Архангельскомъ Соборѣ на доскѣ они написаны во весь ростъ, но неоднократно были поновлены, такъ что изгладились въ нихъ первоначальныя черты. Въ Новомъ Іерусалимѣ, на Голгофѣ на столбахъ по правую и лѣвую сторону стоятъ двѣ иконы, на одной изъ нихъ изображенъ Царь Константинъ и Царь Алексій Михайловичъ съ Патріархомъ Никономъ во весь ростъ, съ надписью: «Благовѣрнаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и пр. написася подобіе въ двадесять девятое лѣто возраста его;» у Патріарха Никона: «написася въ пятьдесятое лѣто возраста его.» На другой иконѣ Царица Елена и Царица Марія Ильинична съ Царевичемъ Алексіемъ Алексіевичемъ. Современный тамъ портретъ Никона Патріарха, окруженнаго приближенными ему особами изъ разныхъ націй, заслуживаетъ вниманіе историческою важностью и искуствомъ художника. Петръ великій при торже-

ственномъ шествіи въ Москву 1704 года, Декабря 19, послѣ побѣдъ своихъ надъ Шведами, выставилъ у Рязанскаго подворья близъ церкви Гребенскія Богоматери, на великолѣпномъ пьедесталѣ, подъ балдахиномъ портретъ своего родителя, и ему, какъ почтительный сынъ, отдалъ честь съ войскомъ предъ лицемъ многочисленнаго народа *) При торжествѣ Полтавской побѣды въ Москвѣ онъ велѣлъ изобразить на тріумфальныхъ вратахъ, на емблематическихъ картинахъ лица и дѣянія своего Дѣда и Отца.

Въ переписной книгѣ Оружейной палаты 1687 года упоминаются: «Парсуна Великаго Государя Царя «Михаила Ѳеодоровича на доскѣ длиною 1 аршинъ, 10 «вершковъ, шириною 1 аршинъ $1^1/_2$ вершка; Парсуна «Великаго Государя Царя Алексія Михайловича писана «по полотну, длиною 3 аршина съ 2 вершками, ширина «ною 2 аршина 1 вершокъ. Парсуна по преставленіи «Великаго Государя Царя Алексія Михайловича, пи«сана по полотну, въ черныхъ рамахъ, длиною два «аршина безъ вершка, шириною 1 аршинъ 11 вершковъ.» Въ дѣлахъ о Московскомъ пожарѣ 1737 г. означено,» что въ Оружейной палатѣ погорѣла персона Царя Михаила Ѳеодоровича писана на доскѣ. Теперь въ этой же палатѣ хранятся *) старинные портреты Царей Михаила и Алексія, писанные на холстѣ, а въ Саввинѣ монастырѣ портреты Царей Іоанна IV и

*) Дѣянія Петра Великаго, т. II и XI, изд. 2 М. 1839, въ 8.

Алексія Михайловича. Въ Титулярникѣ 1672 г. изд. Тромонина, помѣщены рисованные и раскрашенные портреты Царей Михаила и Алексія, Царевича Алексіевича и Патріарха Никона. Въ Титулярникѣ Хурелича 1673 г., хранящемся въ главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, есть прекрасный и едва ли не вѣрнѣйшій современный портретъ Царя Алексія, писанный на бумагѣ соковыми красками и довольно сходный съ Новоспаскимъ. *)

Кромѣ живописныхъ, есть и гравированные портреты сихъ Государей, съ ихъ біографіями, между прочимъ въ книгѣ, напечатанной въ Венеціи 1683 года, въ листъ, подъ заглавіемъ: Elogii di capitani illustri, scritti da Lorenzo Crasso Napoletano, Barone di Pianura. Въ Гамбургскомъ 1696 г. и Амстердамскомъ 1727 г. изданіяхъ *Олеаріева* путешествія помѣщены гравированные портреты Царя Михаила, одинъ на другой не похожіе; но первый служилъ образцомъ для гравир. портрета, помѣщеннаго въ собраніи, о коемъ упомянуто при очеркѣ 11, стр. 31. изд. Тромонина.

Иностранные писатели болѣе изображаютъ намъ черты Царя Алексія Михайловича, чѣмъ его родителя.

---

*) см. Рукоп. въ листъ, поднесенная Царю Алексію Михайловичу: Родословіе пресвѣтлѣйшихъ и вельможнѣйшихъ великихъ Московскихъ Князей и всея Россіи непобѣдимѣйшихъ Монарховъ, собран. *Лаврентіемъ Хурелличемъ*, Священно-Цесарскаго и Королевскаго Величества Леопольда I Совѣтникомъ и Священнаго Римскаго Государства Героль-домъ.

Майербергъ, видѣвшій его въ 1661 году, такъ описываетъ: «станъ его строенъ, взоръ нѣженъ, тѣло бѣ-«лое, щеки румяныя, волосы бѣлокурые, борода окла-«дистая; но Царь гораздо дороднѣе, нежели какъ бы «слѣдовало ему быть по лѣтамъ его.» Почти въ такихъ же чертахъ изображаетъ Алексія самовидѣцъ Самуилъ Коллинсъ, который приложилъ къ описанію своему и портретъ его, снятый съ Царя въ 1664 г. на 34 году отъ рожденія его. Посланникъ Русскій во Франціи Потемкинъ въ 1667 г., на вопросъ Дюка де Лиріо о Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ отвѣтствовалъ слѣдующими словами: «Его Царское Величество нынѣ въ совер-«шенномъ возрастѣ, 40 лѣтъ; а дородствомъ, разумомъ «и красотою лица, и милосердымъ нравомъ и всѣми «благими годностьми Всемогущій Богъ украсилъ его, «Великаго Государя нашего, хваламъ достойнаго паче «всѣхъ людей. Въ 1670 г. Рейтенфельсъ намъ описываетъ его въ слѣдующихъ чертахъ: «Царь А. М. «росту средняго, имѣетъ лице полное, нѣсколько кра-«сноватое, тѣло довольно тучное, волоса цвѣту средняго «между черпымъ и рыжимъ, глаза голубые, поступь ве-«личавую; на лицѣ его выражается строгость вмѣстѣ «съ милостію; взглядомъ внушаетъ каждому надежду и «никогда не возбуждаетъ страха.» Таковы черты лица и души Законодателя Россіи, который былъ покровителемъ ремеслъ и искуствъ въ Россіи, и, подобно родителю своему, награждалъ иконописцевъ и живопис-

цевъ денежнымъ жалованьемъ, почетными одеждами и землями!

Выше приведенные факты показываютъ намъ, что въ Россіи Живопись, особенно портретная, сначала въ Греческомъ штилѣ, а потомъ въ Фряжскомъ, или Западномъ, имѣла религіозное и политическое назначеніе: какъ-бы апотеозъ св. мужей и Государей и портретное право (jus imaginum) выставлять у себя изображенія своихъ Царей. Писаніе царскихъ портретовъ сначала было дѣломъ *верховымъ*, а не частнымъ. Изъ указовъ Петра 1 мы видимъ, что онъ заботился о благоприличномъ изображеніи Государевыхъ лицъ, кои съ его времени выставлялись въ присутственныхъ мѣстахъ. Издревле лица Государей особенно въ тѣхъ храмахъ изображались, въ коихъ погребены были тлѣнные ихъ остатки и кои они соорудили, или украсили, *) какъ и выше мы замѣтили. Лицепачертанія Михаила и Алексія помѣщены въ Новоспасскомъ Соборѣ потому, что Цари сіи были храмоздатели и что самый монастырь, перенесенный *на новое мѣсто* съ *Царскаго двора*, почитался *комнатнымъ*, *Царскимъ*, и возведенъ въ первокласные. Приведенныя же свидѣтельства иностранцевъ и упомянутые нами портреты показываютъ, что Новоспасскіе портреты не идеальные и не писанные по образцамъ другихъ лицъ, какъ обыкновенно

*) Никифоръ Головчаниновъ, бывшій 1650 г. Посланникомъ въ Грузіи, видѣлъ тамъ Грузинскихъ Царей, изображенныхъ на св. иконахъ.

означается въ Подлинникахъ или Персональникахъ *) по писанные съ натуры, и тѣмъ болѣе еще замѣчательные, что другихъ донынѣ не извѣстно намъ портретовъ Михаила и Алексія, писанныхъ альсекко, что они дошли до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, и что подобные памятники время отъ времени рѣдѣютъ, или такъ поновляются (а не реторируются), что изглаживается первоначальный ихъ характеръ. Если мы не можемъ совершенно узнать по этимъ портретамъ нравственный и умственный характеръ Миротворца и Законодателя Россіи и если они не выполняютъ всѣхъ условій искуства, живописать сердце и душу человѣка: то, по крайней мѣрѣ, по историческимъ характерамъ самихъ лицъ можемъ отличить нѣкоторыя ихъ черты, для потомства драгоцѣнныя.

*) см. въ Kunst-Blatt, No 1—5, 1832, статью: Nachricht über ein neu-griechisches Malerbuch.

Палаты бояръ Романовыхъ.

Въ ожиданіи наступающаго открытія и освященія Палатъ, принадлежавшихъ Царскимъ прародителямъ, боярамъ Романовымъ, Московскіе жители ходятъ смотрѣть на это зданіе, возстановляемое въ первобытный видъ; любопытствуютъ узнать историческое его значеніе, цѣль его возобновленія, даже пытаются разгадать знаменованіе изображеннаго на флюгерѣ грифона съ мечемъ *), какъ гербоваго клейма бояръ Романовыхъ. Сравнивая уютность, укромность и незатѣйливость этихъ древнихъ палатъ съ обширностью, огромностью и великолѣпіемъ нынѣшнихъ господскихъ и даже купеческихъ домовъ, простоту первыхъ и великолѣпіе послѣднихъ, можетъ быть, нѣкоторые даже и сомнѣваются, дѣйствительно ли Царскіе пресвѣтлые праро-

*) Грифъ, тоже что грифонъ, встрѣчается въ книгахъ Левитъ XI, 14 и Второзаконія XIV, 13. «Отъ птицъ да не ясте орла и грифа». У ней говорятъ, тѣло львиное, а крылья орлиныя. Въ ней соединялись сила и господство царя гернатыхъ и царя звѣрей земныхъ. Древніе придавали ей способность человѣческаго слова, разумъ и чувство религіозное.

дители, знатные и богатые бояре Романовы могли помѣщаться въ такихъ тѣсныхъ и низменныхъ покояхъ подъ коробовыми сводами, съ узенькими окошечками, съ дверями, въ кои надобно входить, нагнувшись? Но тому вѣрно не покажется это страннымъ и несбыточнымъ, кто бывалъ въ кремлевскихъ теремахъ и въ патріаршихъ покояхъ, кто еще запомнитъ старинные дворцы въ Алексѣевскомъ, Тонинскомъ, Братовщинѣ и Измайловѣ, кто засталъ еще остатки древнихъ боярскихъ палатъ въ Москвѣ. Въ нихъ нашелъ бы онъ жилые покои меньше нынѣшнихъ прихожихъ, двери величиною въ нынѣшнія окна, а слюдяныя окошницы въ красныхъ окнахъ едва ли не съ форточки, тамъ встрѣтилъ бы онъ, вмѣсто роскошныхъ диванов, кушетокъ и козетокъ, скромныя лавки, обитыя сукномъ или камкою, и нѣсколько креселъ для почетныхъ особъ, израсчатыя печи съ лежанками и печурками, вмѣсто мраморныхъ каминовъ, наконецъ не выписывая какія либо картины, нерѣдко искусительныя для глазъ, но единственное священное украшеніе на стѣнахъ: Божіе милосердіе, т. е. св. иконы. Въ старину такія палаты строились согласно съ условіями климата, соотвѣтственно образу жизни, обиходу, степени просвѣщенія и обычаямъ: ихъ тѣснота въ помѣщеніи, ихъ укромность и уютность не выражали ли ограниченности желаній, благоразумной расчетливости, опасливости простоты жизни семейной? Таковые были до XVI вѣка королевскія палаты и въ Западной Европѣ.

Такая рѣзкая противуположность стараго вѣка съ новымъ въ понятіяхъ, во вкусѣ и въ житьѣ бытьѣ, обнаруживаемая памятниками гражданскаго зодчества XVI и XVII вѣковъ, наконецъ и самая ихъ своеобразность и рѣдкость, возбуждаютъ не только научный, но и нравственный интересъ.

Для насъ любопытно и важно древнее зданіе, какъ историческій памятникъ, какъ источникъ отечественной древности, тѣмъ болѣе, что оно обнаруживаетъ механическіе способы и стиль строенія, знакомитъ насъ съ характеромъ вѣка, съ образомъ прежней жизни. Но если съ ними соединяются ряды историческихъ воспоминаній, если онѣ воскрешаютъ въ памяти нашей судьбы не одного, почему либо замѣчательнаго въ исторіи, человѣка, но судьбы всего Царственнаго дома и съ нимъ всего Отечества: такой памятникъ недостоинъ ли всецѣлаго сохраненія, искуснаго возстановленія и общаго уваженія! Мы говоримъ о возобновляемыхъ, по Высочайшей волѣ Государя Императора, въ Знаменскомъ монастырѣ Палатахъ бояръ Романовыхъ, напоминаемъ о колыбелѣ Царскаго рода.

Что́ на мѣстѣ Знаменскаго монастыря въ XVI еще вѣкѣ былъ дворъ бояръ Романовыхъ, въ томъ удостовѣряютъ насъ не только изустныя преданія, но и отечественные акты и свидѣтельства чужестранныхъ писателей. До основанія монастыря, тамъ находились разныя зданія деревянныя и каменныя; на подолѣ избы, хоромы, анбары, погреба, принадлежавшія къ обиходу бо-

ярскаго двора, на высокомъ мѣстѣ палаты и хоромы, также домовая церковь Знаменія Божіей Матери, не существующая уже болѣе полувѣка. Одни изъ нихъ въ послѣдствіи сгорѣли, другія по ветхости сломаны, или такъ перестроены, что трудно опредѣлить первоначальный ихъ характеръ *). Изъ уцѣлѣвшихъ же зданій, современныхъ предкамъ царя Михаила Ѳеодоровича болѣе сохранили въ массѣ и частяхъ свой типъ возстановляемыя нынѣ Палаты. Онѣ расположены на косогорѣ, верхнимъ только ярусомъ выступаютъ на Варварскую улицу, а всѣми четырьмя во дворъ. Складенное изъ тяжеловѣснаго кирпича съ желѣзными связями, зданіе это составляетъ вдоль улицы прямоугольникъ длиною 8 сажень, 12 вершковъ, шириною 5 саж. $2^3/_4$ арш. вышиною съ улицы $2^1/_2$ сажени, со двора 4 саж. 12 вершк. Подвальный этажъ, весь изъ бѣлаго камня. Противъ этого зданія, на другой сторонѣ Варварской улицы, до XVIII столѣтія, стояла девятиглавая церковь Воскресенія Христова на углу Варварской улицы и Юшковскаго переулка. Записная книга Московскаго стола въ 1626 г. обозначаетъ не только разстояніе между этимъ дворомъ и окружавшими его зданіями, но даже разстояніе между палатой и церковью. Приводимъ здѣсь и самыя слова офиціальнаго акта. «Промежъ стараго Государева двора и церкви

*) Геометрическій планъ Знаменскаго м., сочиненный въ Комитетѣ, учрежденномъ по Высочайшему повелѣнію для уравненія государственныхъ повинностей Т. С. Снегиревымъ, 1805 г. мая 10-го.

«Воскресенія Христова, что строенье Булгакова, приба-«влено въ улицѣ сажень безъ полчетверти и учинена «улица по семи сажени, а промежъ церкви и палаты «быть по прежнему.» Изъ этого измѣренія ясно видно, что палата эта на дворѣ бояръ Романовыхъ есть та самая, которая приводится нынѣ въ первобытный видъ. На Годуновскомъ чертежѣ Москвы, изданномъ въ Амстердамѣ 1614 года Герардомъ Гесселемъ, видна и церковь эта и палата съ вышкою надъ ней, въ подписи читаемъ: Aula Mikity Romanowits, qui avus fuit hodie regnantis caesaris Michaelis Fedorowits т. е. дворъ Никиты Романовича, бывшаго дѣдомъ нынѣ царствующему цезарю Михаилу Ѳеодоровичу *).

Боярскій этотъ дворъ извѣстенъ былъ 1586 году Англичанину Іерониму Горсею, а въ 1618 г. Традесканту старшему. Мѣстность его Горсей такъ описываетъ: «Англинское подворье стояло въ Китай городѣ позади «Гостинаго двора, на Варваркѣ, близъ церкви св. Мак-«сима Исповѣдника, гдѣ находится дворъ боярина Ни-«киты Романовича Юрьева Романова.» По словамъ того же писателя, этотъ знаменитый воевода и знатный боярин не чуждался научнаго образованія и сближенія съ иностранцами. «Англичане, говоритъ онъ, имѣли «доступъ къ этому шурину царя Ивана Васильевича, «и одинъ изъ нихъ, именно прикащикъ подворья, да-«валъ уроки въ латинскомъ языкѣ юному Ѳеодору Ни-

*) Памятники Московской древности опис. И. Снегиревымъ.

«китичу, отцу царя Михаила Ѳеодоровича, въ послѣд-«ствіи митрополиту ростовскому, подъ именемъ Філаре-«та, а съ 1619 года патріарху всероссійскому» *).

Тогда въ рѣдкомъ боярскомъ домѣ не было домовой церкви; и во дворѣ Романовыхъ, какъ выше сказано, стояла отдѣльная церковь Знаменія Божіей Матери съ двумя придѣлами. Храмъ этотъ, встрѣчается намъ въ актахъ 1616 года, когда мать царя Михаила Ѳеодоровича пожаловала подъячаго Потемкина за церковное строеніе на старомъ Государевѣ дворѣ, а царскихъ иконописцевъ за написаніе алтарнаго иконостаса въ этомъ храмѣ **). Мы прежде упоминали о серебряномъ напрестольномъ крестѣ, туда даномъ, вкладу 1623 г. государыней великой инокой Марѳою Ивановной. При этой церкви былъ протопопъ, 1626 году, въ освященіи новой соборной церкви 1684 г. участвовалъ тутошній попъ, разумѣется бывшій ***) при домовой церкви. Этотъ тутошній попъ упоминается и при другихъ служеніяхъ. Не значитъ ли это, что прежняя дворовая церковь осталась ружною и тогда, когда уже существовалъ монастырь на Романовскомъ дворѣ.

По чувству благоговѣнія потомковъ къ памяти пред-

---

*) Tradescant der aeltercè 1818 an Russiand von Dr Hamel St. Pbg. 1817 in 4.

**) Книга расходная М. Окруж. Палаты 7425 г. въ 4, № 905.

***) Запись служенія и облаченія Патріаршаго съ 7160 по 7202 г. книга (чиновная) священнослуженія Патріарха 184, 185, 186 и 187 г.

ковъ, для державнаго внука драгоцѣненъ былъ дѣдовскій дворъ, гдѣ воспитывался и учился, а можетъ статься, и родился его отецъ, гдѣ его родители проводили первыя лѣта своего супружества и гдѣ была, какъ увидимъ далѣе, колыбель его самаго. Такое мѣсто, для него священное по воспоминаніямъ, онъ освятилъ устроеніемъ обители въ честь чудотворной иконы, которая была родовымъ *моленіемъ Романовыхъ*. Соименныя этой церкви съ XVII вѣка появились на боярскихъ дворахъ у царскихъ родственниковъ въ Москвѣ: Черкасскихъ, Трубецкихъ, Шереметевыхъ, Сицкихъ. Съ того времени мѣсто это именовалось *старымъ Государевымъ дворомъ* не только въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, но даже при Императрицахъ Аннѣ Ивановнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ въ актахъ писали Ея Императорскаго Величества *старый дворъ также Знаменскій монастырь, что словетъ старый Государевъ дворъ* *)

О древности же возстановляемыхъ палатъ свидѣтельствуютъ не только выше приведенные письменные памятники, но и самый ихъ матеріалъ, кладка и стиль, и что́ еще всего важнѣе, гербовое клеймо царя Ивана Васильевича, на кирпичахъ изъ коихъ складена палата.

По древнему Русскому обычаю, обращенъ во дворъ

---

*) Просьба съ 1752 г. жены Грузинскаго Царевича Николая Семеновича Багратіона Княгини Степаниды о построеніи въ исподней церкви Знаменскаго монастыря придѣла во имя св. Николая. См. дѣла о Знамен. м. въ Моск. Консист. архивѣ.

главный, болѣе украшенный, фасадъ зданія, занимающаго высокое мѣсто. Внутреннее расположеніе сихъ палатъ, освобожденное отъ пристроекъ и передѣлокъ, обнаружило намъ прежнее помѣщеніе нашихъ бояръ. Въ верхнемъ ярусѣ крестовая или столовая съ двумя боковыми комнатами на югъ, коихъ окна обращены къ Новоспасскому монастырю—родовой усыпальницѣ Романовыхъ; одна изъ этихъ комнатъ должна быть образная, а другая опочивальня, на востокъ висячее крыльцо въ родѣ балкона. Одна дверь ведетъ къ терему на узкую каменную лѣстницу въ стѣнѣ подъ сводами, другая, чрезъ сѣни въ горницу, обращенную на западъ. Въ среднемъ ярусѣ подклѣты съ тайникомъ; тамъ хранились боярская казна и всякіе съѣстные припасы для домашняго обихода и тамъ должна быть и поварня, или стряпущая; въ подвальномъ этажѣ, складенномъ изъ бѣлаго камня съ коробовыми сводами, съ приспѣшными печурами въ стѣнахъ и съ узкими окнами подъ пятами сводовъ, ставились бочки съ квасами, медами, пивомъ и фряжскими винами.

Какъ памятникъ гражданскаго зодчества XVI вѣка, боярскія сіи палаты въ Москвѣ едва ли не единственныя, уцѣлѣвшія до нашего времени, тѣмъ болѣе драгоцѣнныя, что съ ними соединяются священныя для русскаго Царя и для русскаго народа преданія.

Вмѣстѣ съ древнею столицей онѣ терпѣли огнепное испытаніе. Когда выгоралъ весь Китай, едва ли онѣ пощажены были пламенемъ. Изъ дѣлъ о Троиц-

комъ пожарѣ 1737 года *) узнаемъ, что тогда въ Знаменскомъ монастырѣ сгорѣло все деревянное строеніе, а на этихъ палатахъ гонтовая кровля. Внутренность ихъ охраняли каменные своды, желѣзные затворы оконъ и желѣзныя двери; но они не могли въ послѣдствіи спасти зданіе отъ разныхъ передѣлокъ. Вмѣсто гонтовой кровли, оно покрыто было тесомъ въ одну тесницу. Въ 1743 г. такая крыша не защищала отъ дождя, скоро сгнила, частью свалилась и обросла травой. Въ одно время съ возобновленіемъ монастыря и палаты сіи возобновлены, но такъ что вскорѣ потребовали починки. Наступила година тяжкихъ испытаній для Москвы; вмѣстѣ съ нею пострадалъ и Знаменскій монастырь, который не скоро могъ быть возобновленъ. Послѣ 1812 года, предположено было духовнымъ правительствомъ уничтожить одинъ изъ двухъ Московскихъ монастырей Воздвиженскій, или Знаменскій; но Знаменскій оставленъ потому, что «знаменитый въ древности домъ бояръ Романовыхъ, обращенъ въ означенный монастырь, и составляющій славной памятникъ для Россіи» **) Въ 1821 г. приступили къ починкѣ монастырскихъ зданій; выступившія за прожектированную линію палаты Коммиссія строеній не дозволила возобновлять. По совѣту съ архитекторомъ, Знаменскій архимандритъ Аристархъ придумалъ сло-

*) Въ архивѣ старыхъ дѣлъ при Сенатѣ.

**) Дѣло въ консисторскомъ Архивѣ объ обветшавшей оградѣ Знамен. м. 1820 г. № 7.

мать старое это строеніе, требовавшее значительной и немедленной починки, а вмѣсто его построить новый обширнѣйшій домъ для выгодъ монастыря. Такое предположеніе свое онъ представилъ на разрѣшеніе Московскому архіепископу (митрополиту Московскому) Филарету; но преосвященный архипастырь предписалъ Архимандриту сохранить отъ разрушенія этотъ памятникъ двора Романовыхъ—остатокъ жилища патріарха Филарета. По распоряженію преосвященнаго, историческое это зданіе оставлено въ прежнемъ видѣ, въ какомъ его засталъ 1821 годъ; только оно, по возможности, поддержано и починено безъ измѣненія въ частяхъ и цѣломъ. Черезъ 38 лѣтъ послѣ того, Промыслъ судилъ митрополиту Филарету, въ присутствіи Царскаго дома, торжественно освятить начало возстановленія этихъ палатъ, имъ сохраненныхъ отъ разрушенія.

При реторпрованіи этого зданія, опытный зодчій Ѳ. Ѳ. Рихтеръ, членъ коммисіи о возобновленіи палатъ Романовскихъ, старался сколько возможно удовлетворить законнымъ требованіямъ археологіи. Всѣ массы и детали, уцѣлѣвшія въ частяхъ и цѣломъ, возстановлены вполнѣ, не пренебрегая и самыми мелкими остатками для составленія общаго согласія. Основываясь на этомъ, старыя стѣны были притянуты, своды, большею частію, сохранились древніе съ исправленіемъ, трещины въ нихъ пробраны, а главный, разрушенный сводъ вновь возведенъ на прежнихъ своихъ пятахъ и

по прежнимъ центрамъ, оставшимся на стѣнахъ. Здѣсь еще замѣтимъ, что вся неправильность первоначальной наружной постройки, неотвѣсное положеніе карнизовъ, симметріальное размѣщеніе оконъ съ восточной стороны не подвергались ни малѣйшему измѣненію. По образцамъ уцѣлѣвшихъ отъ передѣлокъ оконъ, дверей и угольныхъ колонъ, возстановлены прочія поврежденныя. Подставъ и петли обнаружили форму и способъ навѣшиванія дверей и ставней; желѣзныя рѣшетки оставлены старыя. Внутри стѣны кирпичная лѣстница съ коробовымъ сводомъ, подобно дубовой, сохранила свой первобытный видъ. Мѣсто новыхъ печей, замѣнившихъ старинныя, вновь сдѣланы съ кахельными дымницами (печными трубами), по древнимъ образцамъ, найденнымъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ, въ покояхъ царя Михаила Ѳеодоровича. Основаніемъ къ построенію деревяннаго терема, или вышки, надъ палатами была незначительная толщина каменныхъ стѣнъ верхняго яруса, кои давали возможность устроить не иначе, какъ деревянный верхъ. Образцами ему послужили: 1) на Годуновскомъ чертежѣ Москвы изображенная вышка надъ палатою Романовыхъ и 2) теремъ Коломенскаго дворца, на рисункахъ архетектора Гваренги. Такимъ образомъ комиссія возобновленія палатъ Романовыхъ старалась въ этомъ памятникѣ сохранить, сколь возможно, монументальный характеръ.

Изъ официальныхъ актовъ открываются намъ еще и другія воспоминанія, придающія особенную важность

этимъ палатамъ бояръ Романовыхъ и заслуживающія всероссійское вниманіе и участіе, вѣроятно, также и европейское. Приведемъ ихъ подлинными словами.

Въ 1760 году, Іюля 23-го, Знаменскаго монастыря архимандритъ Николай представлялъ въ донесеніи своемъ Московскому митрополиту, Тимоѳею Щербатскому, «что въ оном монастырѣ о срединѣ имѣются «старинные покои, до рожденія блаженныя вѣчнодостой-«ныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя «Михаила Ѳеодоровича, и до бытія родителя Его Ве-«личества и богомольца, святѣйшаго патріарха Фила-«рета Никитича Московскаго и всея Россіи; почему «оный Знаменскій монастырь и называется *старымъ «Государевымъ дворомъ*, съ 7140 (1632) года, по гра-«мотѣ жалованной въ тотъ монастырь бывшему тогда «игумену Герасиму съ братіею *).

Въ донесеніи своемъ игуменъ Знаменскаго монастыря Софроній Младановичъ архіепископу Московскому (потомъ митрополиту) Платону 1775 г. іюля 24-го, свидѣтельствуетъ, основываясь на подлинныхъ патріаршихъ и царскихъ грамотахъ, что «на томъ самомъ «мѣстѣ, гдѣ нынѣ Знаменскій монастырь построенъ, *ро-«дился Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ «Ѳеодоровичъ* и тутъ былъ отца его, святѣйшаго патрі-«арха Филарета Никитича дворъ, какъ то значится по-

*) Дѣла Синод. Правленія, 1760 г. № 1632. Въ 1760 году въ верхнемъ ярусѣ этихъ покоевъ жили монахи, а въ нижнемъ приготовлялось для братіи пивное, квасное, поваренное и хлѣбное.

«имѣющимся въ томъ монастырѣ отъ Его Величества «(царя Михаила Ѳеодоровича) и отъ его святѣйшества «(патріарха Филарета) и отъ патріарха Адріана гра- «мотамъ». Сверхъ того, исторія Россійской Іерархіи, ч. IV, изд. 1812 ссылается, въ доказательство объ основаніи Знаменскаго монастыря царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, на подлинную грамоту патріарха Іоакима. Грамоты сіи, представленныя настоятелями сей обители своему начальству, служили несомнѣннымъ удостовѣреніемъ въ истинѣ показанія и въ справедливости изустныхъ преданій. И такъ самъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, три патріарха и два митрополита Московскихъ свидѣтельствуютъ намъ о существованіи боярскаго двора Романовыхъ на мѣстѣ дома Пресвятой Богородицы и о колыбели державнаго родоначальника дома Романовыхъ.

Особенное благоговѣніе къ этому дому Пресвятой Богородицы патріарха Филарета, матери царя Михаила Ѳеодоровича Марѳы Ивановны, его сестеръ, самаго Государя и его державныхъ потомковъ выражалось въ богатыхъ вкладахъ св. обители, въ слушаніи ими вечерни, всепощпой и божественной литургіи въ храмовый праздникъ ноября 27. Священнослуженіе тогда тамъ совершаемо было патріархомъ со всѣми властями, и въ этотъ день давались праздничные столы во дворцѣ для патріарха и властей *). Старѣйшій изъ Россійскихъ

*) Запись служенія патріаршаго съ 7192 по 200 г. № 426.

іерарховъ нашихъ, подобно предшественникамъ своимъ патріархамъ Московскимъ, сдѣлалъ постановленіе каждогодно совершать въ Знаменскомъ монастырѣ соборное архіерейское священнослуженіе 12-го іюля въ день тезоименитства благочестивѣйшаго Государя Михаила Ѳеодоровича, предъ литургіей отправлять панихиду по родоначальникѣ и другихъ особахъ державнаго поколѣнія Романовыхъ, а по литургіи, молебное пѣніе о благоденствіи и долгоденствіи благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича и всей Августѣйшей Фамиліи. Побужденіемъ къ такому торжественному богослуженію въ достопамятный для Россіи день служило благоговѣйное воспоминаніе родоначальника царствующаго дома и вѣрноподданническая благодарность монастыря за милость царскую *).

*) Государь Императоръ пожаловалъ 20,000 р. сер. за пріобрѣтенный Его Величествомъ домъ съ принадлежащимъ къ нему дворомъ, бывшій нѣкогда бояръ Романовыхъ.

Торжественная закладка, совершенная 1858 года августа въ 31 день, при началѣ возобновленія Романовскихъ Палатъ.

Къ памятникамъ отечественной святыни и древности, прославляющимъ древнюю столицу нашу, присоединяется еще другой памятникъ, драгоцѣнный для Царскаго Дома, для Царелюбивой Москвы и для всей святой Руси.

Державный потомокъ державнаго родоначальника, благоговѣйный къ его памяти, желая сдѣлать памятнымъ для подданныхъ своихъ то, что для него самого незабвенно и священно, созидаетъ въ честь и славу его не вновь вымышленный огромный и великолѣпный монументъ, какого бы заслуживалъ Михаилъ; но извлекаетъ изъ забвенія и возобновляетъ въ первопачальномъ видѣ современныя этому Царю праотеческія скромныя и уютныя палаты. Теперь предъ нами еще только однѣ голыя стѣны, одинъ остовъ древняго зданія; но и онѣ обнаруживаютъ намъ внутреннее расположеніе согласно съ тогдашнимъ образомъ жизни бояръ, ихъ домашній бытъ и обиходъ. При отчетливомъ же возобновленіи, стѣны сіи облекутся въ ста-

ринное благолѣпіе, получатъ соотвѣтственное вкусу того вѣка устройство и убранство, такъ, что сіи возстановленныя палаты будутъ представлять образецъ стародавняго боярскаго быта.

Такой памятникъ, важный для отечественной археологіи и исторіи, едва ли не единственный въ своемъ родѣ на Москвѣ. «Это будетъ», скажу словами Митрополита нашего Філарета, «безмолвный проповѣдникъ, который въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть превосходнѣе говорящаго; потому что не прекращаетъ порученной ему проповѣди и такимъ образомъ она доходитъ до цѣлаго народа и до многихъ послѣдовательныхъ родовъ».

Здѣсь въ самомъ замѣщеніи Государева двора святою обителью открывается особенное сближеніе дома Царскаго съ домомъ Божіимъ: благоговѣніе одного и благословеніе отъ другаго; а при этомъ самомъ нельзя не принять во вниманіе и того, что какъ Михаилъ Ѳеодоровичъ родился подъ святымъ покровомъ Знаменія Божіей Матери, такъ и державный его потомокъ, возстановитель родимаго его дома Александръ II — подъ сѣнію Архангела Михаила.

По нравственнымъ и благочестивымъ побужденіямъ и намѣреніямъ возстановителя, такое возстановленіе не есть ли дѣло и въ гражданскомъ отношеніи священное и достойное освященія Словомъ Божіимъ и молитвою, какъ всякое доброе, общеполезное и честное дѣло?

И сіе торжественное и достопамятное освященіе совершено Августа 31-го текущаго года.

Послѣ ненастныхъ и сумрачныхъ дней, съ 30-го Августа наступили ясные и теплые. Въ самый же день освященія начала работъ для возобновленія Романовскихъ палатъ солнце играло на золотыхъ маковкахъ Москвы. Безъ предварительной повѣстки древняя столица полнилась слухомъ, что Государь съ Государыней будутъ на освященіи праотеческаго дома въ Знаменскомъ монастырѣ: по сердечному сочувствію своему съ Царемъ и по преданности къ Нему, могъ ли народъ пропустить столь благопріятный и достопамятный случай поглядѣть на непаглядпаго Царя и Царицу, могъ ли не помолиться съ Ними и за Нихъ? Въ самомъ монастырѣ и около его стеклось множество народу; не только улицы и переулки; но даже окна и крыши сосѣднихъ домовъ наполнились зрителями. Между тѣмъ съ соборной церкви св. обители собрались Члены Государственнаго Совѣта, Министры, Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, первые и вторые чины Высочайшаго Двора, Генералъ и Флигель-Адъютанты. Столь блестящее собраніе едва ли когда бывало въ этомъ монастырѣ.

При входѣ на паперть, выступилъ во срѣтеніе Царю маститый нашъ Архипастырь въ полномъ облаченіи, съ напрестольнымъ крестомъ въ рукѣ—вкладомъ благочестивой матери царя Михаила Ѳеодоровича, Великой Инокни Марѳы Ивановны; при Святителѣ сто-

ялъ придворный Протодіаконъ съ кадиломъ Патріарха Філарета Никитича [1]). Подъ сѣнію хоругвей, два Іеромонаха держали въ рукахъ храмовый образъ Знаменія Богородицы, родовый Бояръ Романовыхъ, *Царское моленье Михаила Θеодоровича.* Такъ соединились здѣсь въ святыняхъ изъ Дома Романовыхъ историческія объ немъ воспоминанія.

Раздался колокольный звонъ въ св. обители, возвѣщавшій прибытіе Государя; со всѣхъ сторонъ раздался восторженный кликъ народа, заглушавшій самые колокола, когда чрезъ южныя ворота вступилъ въ монастырь Государь съ Государынней въ сопровожденіи Августѣйшихъ Членовъ Царскаго Дома. На паперти храма Митрополитъ Філаретъ встрѣтилъ Ихъ Величества и Ихъ Высочества, осѣнилъ Животворящимъ Крестомъ и окропилъ св. водой. Приложась къ прародительскому кресту и къ прародительской иконѣ, Они слѣдовали за духовенствомъ и святынями въ церковь, гдѣ начато молебное пѣніе, которое продолжалось при крестномъ ходѣ до мѣста закладки, куда и прибыли Государь съ Царственною Семьей Своей.

Тамъ у южной части Романовскихъ Палатъ при-

---

[1]) Кадило это серебряное съ четырьмя цѣпями; на чашѣ онаго въ восьми клеймахъ вырѣзано вязью: «Повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Θедоровича всея Русіи Самодержца и отца его Великаго Государя Святѣйшаго Патріарха Філарета Никитича въ 19-е лѣто Государства его, въ 13-е лѣто Патріаршества его, лѣта 7139 сдѣлано сіе кадило въ церковь Рождества Ивана Предтечи, что у Конюшенъ.»

готовленъ былъ украшенный тетраподъ [1]) съ древнею серебряною чашей для освященія воды [2]) и налой для напрестольнаго Креста и Евангелія. Предъ нимъ горѣли свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, современныхъ основателю Знаменской обители. Въ молебствіи съ Митрополитомъ предстояли: Духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ [3]) пять Архимандритовъ [4]), Архангельскаго собора Сакелларій [5]), придворный протодіаконъ, четыре Іеромонаха и столько же Іеродіаконовъ; всѣ въ великолѣпныхъ облаченіяхъ. На правой сторонѣ отъ мѣста Священнодѣйствія стояла Царская Фамилія.

За Государемъ и Государыней Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, Государи и Великіе Князья Алек-

---

[1]) *Τετράποδος* четвероножникъ, столъ на четырехъ ножкахъ, тоже что *τετράπεζα* и *τράπεζα*.

[2]) На днѣ этой водосвятной чаши находится чеканное изображеніе восьмиконечнаго креста, съ вырѣзаннымъ вокругъ вязью тропаремъ: «Спаси Господи люди своя и благослови достояніе свое, побѣды Благовѣрному Царю и Великому Князю Алексію на сопротивные даруй и своя сохрани Крестомъ люди.» По краямъ чаши снаружи кругомъ рѣзная надпись вязью: лѣта 7190 ноября въ 1-й день «повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексіевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца построена сія водосвятная чаша въ Соборъ Архистратига Михаила изъ церковнаго серебра.»

[3]) Протопресвитеръ и Членъ Св. Сунода, Василій Борисовичъ Бажановъ.

[4]) Богоявленскій Іоаникій, Златоустенскій Евстафій, Знаменскій Иннокентій, Даниловскій Іаковъ и Инспекторъ Моск. Семинаріи Архимандритъ Никодимъ.

[5]) Алексѣй Васильевъ Лебедевъ.

сандръ Александровичъ, Владиміръ Александровичъ и Алексѣй Александровичъ, Его Королевское Высочество Наслѣдный Принцъ Виртембергскій Карлъ Фридрихъ Александръ и Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

На лѣвой сторонѣ у стѣны палатъ поставлены были на столѣ, покрытомъ прекрасными коврами, серебряное блюдо съ хлѣбомъ и солью, на золотомъ блюдѣ мѣдная вызолоченная доска съ надписью, на серебряныхъ монеты царствованія Іоанна IV Васильевича, Михаила Ѳеодоровича и нынѣ царствующаго Государя Императора Александра II, какъ возстановителя древняго дома, въ честь и память домовладыкъ его, благочестивѣйшихъ Прародителей благочестивѣйшаго державнаго рода; наконецъ на особомъ блюдѣ лежали матеріалы и орудія для закладки.

При погруженіи Животворящаго Креста, стройный и величественный хоръ митрополичьихъ и придворныхъ пѣвчихъ возгласилъ молебную пѣснь о спасеніи людей, о благословеніи достоянія и о дарованіи побѣды на сопротивныя Благовѣрному Императору Александру Николаевичу. Тогда въ толпахъ народа на монастырѣ, на улицѣ и на кровляхъ домовъ всѣ осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, какъ выраженіемъ сердечной ихъ молитвы.

Потомъ Митрополитъ окропилъ св. водой мѣсто закладки, монеты, орудія и матеріалы, приготовленные на этотъ предметъ.

Вслѣдъ за тѣмъ поднесены Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и прочимъ Высочайшимъ Особамъ на серебрямыхъ блюдахъ.

1. Членомъ Ученой Коммиссіи, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Снегиревымъ золотыя и серебряныя монеты чекана 1856 года, кои положены въ основу зданія на память Священнѣйшаго Коронованія Его Императорскаго Величества; ибо въ этотъ самый годъ повелѣно возобновить Романовскія палаты.

2. Членомъ той же Коммиссіи Статскимъ Совѣтникомъ Вельтманомъ золотыя и серебряныя монеты 1858 года, во свидѣтельство дѣйствительнаго начала работъ въ настоящемъ году для обновленія этого древняго памятника.

3. Членомъ той же Коммиссіи, Коллежскимъ Совѣтникомъ Кёпе; золотыя и серебряныя монеты временъ царя Михаила Ѳеодоровича, на память того, что въ означенномъ домѣ родился и возросъ сей Государь, первый изъ поколѣнія Романовыхъ.

4. Правителемъ Дѣлъ Коммиссіи, Коллежскимъ Ассесоромъ Маргыновымъ серебряныя монеты царствованія Іоанна IV Васильевича, какъ свидѣтельство, что означенное зданіе было построено при этомъ Государѣ.

Монеты сіи положены были Государемъ, Государынею и Великими Князьями въ приготовленное мѣсто для закладки.

За тѣмъ Предсѣдатель Ученой Коммиссіи, въ должности Гофмейстера Князь Оболенскій, поднесъ Его

Величеству мѣдную вызолоченную доску съ слѣдующею надписью:

«Благочестивѣйшій Государь Императоръ Всероссійскій, Александръ Николаевичъ, благоговѣйный къ памяти своихъ благовѣрныхъ предковъ, въ благословенное время Священнаго Вѣнчанія своего на Царство и Муропомазанія, лѣто Господня 1856, августа въ 26-й день, Высочайше повелѣть соизволилъ возобновить прародительскую Бояръ Романовыхъ Палату при Московскомъ Знаменскомъ монастырѣ, гдѣ родился Державный Родоначальникъ Царственнаго Дома, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, и гдѣ воспитанъ родитель его, Боярин и Воевода Ѳедоръ Никитичъ, впослѣдствіи Філаретъ, Патріархъ Московскій».

«Торжественное освященіе начала работъ для обновленія сей палаты совершено августа въ 31-й день 1858 года, въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора Александра Николаевича и Государыни Императрицы Маріи Александровны, Московскимъ Митрополитомъ Філаретомъ.»

«Исполненіе Высочайшей воли Государя Императора поручено, подъ главнымъ наблюденіемъ Министра Императорскаго Двора Графа Владиміра Ѳедоровича Адлерберга, учрежденной по Высочайшему повелѣнію Коммиссіи подъ предсѣдательствомъ въ должности Гофмейстера Князя Михаила Андреевича Оболенскаго, состоящей изъ Дѣйствительныхъ Статскихъ Совѣтниковъ Ивана Михайловича Снегирева и Ѳедора

Ѳедоровича Рихтера, Статскаго Совѣтника Александра Ѳомича Вельтмана, Коллежскаго Совѣтника Бориса Васильевича Кене и Производителя Дѣлъ Алексѣя Александровича Мартынова. Планъ и фасадъ сочинены Ѳ. Рихтеромъ и удостоены Высочайшаго утвержденія Государемъ Императоромъ».

По вложеніи этой доски въ свое мѣсто, Членъ Ученой Коммиссіи, Архитекторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Рихтеръ, поднесъ Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и Московскому Мітрополиту Філарету кирпичи, серебряный молотокъ, лопатку и растворенную известь для закладки.

Послѣ большой ектеніи, Митрополітъ произнесъ молитву, примѣненную къ этому случаю. Въ заключеніе ея Протодіаконъ возпесъ: 1) «Многолѣтіе Государю Императорю Александру Николаевичу, Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ и всему Царскому Дому, 2) вѣчную память Царю Михаилу Ѳеодоровичу, Святѣйшему Патріарху Філарету Никитичу и Великой Государынѣ Инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ, и 3) многая лѣта благовѣрнымъ Правительствующему Сунклиту, Христолюбивому воинству и всѣмъ вѣрнымъ слугамъ Царства Всероссійскаго».

Все это торжественное дѣйствіе довершилъ Архипастырь своимъ словомъ, а «слово», по изрѣченію Сіраха, «начатокъ всякаго дѣла» [1]). Краткими, но силь-

---

[1]) I. Сіраха. XXXVII, 20.

ными чертами онъ изобразилъ религіозно-нравственное побужденіе Державнаго Помазанника къ сохраненію для отдаленнаго потомства и къ возобновленію въ древнемъ благолѣпіи колыбели его Вѣнценоснаго Предка. Вотъ сія рѣчь, обращенная Митрополитомъ къ Его Величеству:

«Благочестивѣйшій Государь!»

«Не могу въ сіи минуты остаться безмолвнымъ: но не мое, а Твое будетъ слово, которое скажу. Ты нынѣ дѣломъ преподаешь намъ ученіе заповѣди Господней: *чти отца твоего.*»

«И мы имѣли преданіе, что на сей землѣ отъ благословеннаго *корене изшелъ жезлъ*, который потомъ возросъ въ великое древо, осѣняющее нынѣ Россію. И нѣкогда случилось возникавшую мысль о закрытіи Знаменской обители, отклоплять напоминаніемъ, что это есть созданіе Твоихъ приснопамятныхъ прародителей. Но только Твоей къ нимъ любви дано было самое жилище ихъ, временемъ и невѣдѣніемъ закрытое открыть, и, такъ сказать, колыбель рода Твоего найти, и найденную уже не допустить до забвенія, но въ достойномъ ея благолѣпіи для потомства сохранить.»

«При семъ съ благоговѣніемъ вспоминаемъ, что именно тогда, когда мы радовались, видя Тебя въ славѣ Твоего Царскаго вѣнца, Ты строгою и благоговѣйною предъ Провидѣніемъ Божіимъ мыслію восходилъ къ началу сей славы, почтительно помышлялъ о Тво-

ихъ благочестивыхъ прародителяхъ, и тамъ въ обители Спасовой [1]) повелѣлъ охранить и обновить памятники почившихъ Предковъ Твоихъ, а здѣсь украсить колыбель Твоего державнаго рода».

«Да сохранятъ вѣки то, что похитили было вѣки,— да сохранятъ памятникъ Михаила, долженствующій отнынѣ быть вмѣстѣ памятникомъ Александра Втораго.»

Поднесеніе въ благословеніе слово Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Філаретъ запечатлѣлъ Государю св. иконой Спасителя, а Государынѣ св. иконой Знаменія Божіей Матери.

Въ предшествіи Митрополита и въ сопровожденіи Августѣйшихъ Особъ Царскаго Дома, Ихъ Императорскія Величества слѣдовали по устроенной лѣстницѣ во внутренность Романовскихъ Палатъ. У самаго входа Ихъ Величествамъ представлены были Предсѣдателемъ Ученой Коммиссіи Члены оной, которымъ Государь пожелать соизволилъ «окончить съ успѣхомъ начатое возобновленіе.»

Какъ скоро Ихъ Величества вступили на верхнюю площадку деревянной лѣстницы у западнаго входа въ верхнее житье палаты, откуда могли быть видимы народу на Варварской улицѣ — въ ту минуту раздалось торжественно-радостное восклицаніе, на которое Они отвѣтствовали ласковымъ привѣтомъ.

Во внутренности Палатъ Государь и Государыня,

---

[1]) Спаса на Новомъ, или Новоспасскій монастырь.

съ участіемъ обозрѣвая остатки древней постройки въ цѣломъ и частяхъ, обращали особенное вниманіе на расположеніе, значеніе и названіе уютныхъ покоевъ, кои не разъединяли, но сближали членовъ семейства; разсматривали матеріалъ, своды, сохранившіеся въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ, двери и окна, между прочимъ и слюдяную окошницу въ старинномъ вкусѣ, печи и узорочные кафели, печюры, или впадины въ стѣнахъ для поклажи, потаенную кирпичную лѣстницу въ теремъ, потомъ даже приготовленные на столѣ приборы къ дверямъ. Всѣ такіе предметы въ совокупности переносили мысль въ прежнее житье-бытье, столь различное отъ нынѣшняго. Казалось, будто Державные Потомки, вступая во владѣніе прародительскаго дома, гдѣ два вѣка не бывала Царская нога, присутствіемъ своимъ оживили тѣ стѣны, въ коихъ нѣкогда обитали Ихъ Предки. Наслѣдникъ Престола и Великіе Князья своимъ любопытствомъ и участіемъ обнаружили свою любознательность и уваженіе къ родимой старинѣ; для объясненія нѣкоторыхъ предметовъ, Ихъ Высочества обращались съ вопросами къ Предсѣдателю и Членамъ Ученой Коммиссіи.

Въ пролетѣ на восточной сторонѣ этихъ палатъ устроенъ былъ для Государя временной балконъ, или, говоря старинным языкомъ, *висячее крыльцо*, покрытое драгоцѣнными коврами. Отсюда открывался обширный видъ на юговосточную часть Китая и Бѣлаго города, на пестрое Замоскворѣчье и Заяузье, на Кру-

тицкій холмъ, на коемъ возвышается священная усыпальница Бояръ Романовыхъ—златоглавый Новоспасскій монастырь [1]). Великолѣпная безмолвная картина эта довершалась оживленною, какую представляли окна, крыши, заборы, ворота и трубы окрестныхъ домовъ, колокольни ближайшихъ церквей, унизанныя народомъ, всѣхъ глаза устремлялись на одну точку: это былъ балконъ Романовскихъ Палатъ.

Съ появленіемъ тамъ Государя, всѣ и близкіе и отдаленные зрители пришли въ движеніе, вся необъятная окрестность огласилась торжественнымъ восклицаніемъ, на которое Государь отвѣтствовалъ радушнымъ привѣтомъ.

Окончивъ обозрѣніе, Ихъ Величества и Ихъ Высочества готовились оставить обитель своихъ Предковъ. Высокопреосвященный Митрополитъ напутствовалъ Ихъ осѣненіемъ напрестольнаго креста. Приложась къ опому, Государь изволилъ сказать Митрополиту, что Они здѣсь съ нимъ прощается.

Крестный ходъ тѣмъ же порядкомъ возвратился въ церковь.

Такъ совершилось это торжественное и великолѣпное освященіе, увѣковѣчившее въ потомствѣ имя Царя Михаила Ѳеодоровича и его благовѣрныхъ предковъ съ именемъ прославляющаго память его Державнаго Потомка.

---

[1]) Тамъ, по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Александра II, возобновляются гробницы Царскихъ пресвѣтлыхъ родителей.

Объ освященіи Романовскихъ палатъ въ Москвѣ.

Мы уже извѣщали въ Московскихъ вѣдомостяхъ объ историческомъ значеніи Романовскихъ Палатъ при Знаменскомъ монастырѣ въ Москвѣ; коснулись соединенныхъ съ ними воспоминаній, драгоцѣнныхъ не только для Москвы, но и для всей Россіи; слегка упомянули о цѣли, способахъ и средствахъ возстановленія памятника сего въ частяхъ и цѣломъ. Теперь уже онъ выведенъ на свѣтъ изъ вѣковаго мрака забвенія въ первобытномъ своемъ видѣ и старинной красѣ; многосложное и затруднительное это дѣло, сверхъ всякаго ожиданія, окончено къ 22 Августа, (1859 г.) когда Государю Императору угодно было назначить торжественное его открытіе и освященіе.

Всё это исполнено подъ непосредственнымъ руководствомъ Господина Министра Императорскаго Двора Графа В. Ѳ. Адлерберга и подъ наблюденіемъ: по строительной части — въ должности Президента Московской Дворцовой Конторы, Гофмейстера Князя Н. И.

Трубецкаго и Архитектора Ѳ. Ѳ. Рихтера, а по искусственной и археологической части — Предсѣдателя Ученой Коммиссіи Гофмейстера Князя М. А. Оболенскаго и сочленовъ его.

Повидимому, здѣсь на Романовскомъ дворѣ боярская эта палата, окруженная съ четырехъ сторонъ церквами [1]), имѣла такое-жъ значеніе, какое въ Кремлѣ на Царскомъ дворѣ Грановитая, при деревянныхъ хоромахъ Дворца. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, на переднемъ дворѣ возвышаются каменныя палаты, еще рѣдкія въ XVIII столѣтіи на Москвѣ, а на заднемъ стояли деревянныя строенія для хозяйственнаго обихода и курныя избы, гдѣ жила челядь; на Романовскомъ дворѣ одинъ только верхній ярусъ съ вышкою выступаетъ на улицу, а лучшая, болѣе украшенная сторона здапія, по древнему обычаю, обращена тремя ярусами во дворъ, на который въѣзжали въ боковыя ворота. Западною частію Палаты примыкаютъ къ другимъ здапіямъ монастыря по косогору, перестроеннымъ изъ старыхъ. Въ верхнемъ жильѣ было помѣщеніе боярина; въ теремѣ, или вышкѣ жилище для боярыни; въ подклѣтѣ, или нижнемъ ярусѣ хранилась боярская казна и оружіе въ тайникахъ, съѣстные припасы въ кладовыхъ, а на поварнѣ, или приспѣшнѣ готовилось кушанье. Въ глу-

[1]) Съ восточной — церковь Св. Великомученика Георгія, съ западной—церковь Св. Максима Блаженнаго, бывшая нѣкогда съ придѣломъ Благовѣрныхъ Князей и Мучениковъ Бориса и Глѣба, съ южной—Знаменія Божія Матери, съ сѣверной—Воскресенія Христова, разобранная въ концѣ XVIII вѣка.

бокихъ бѣлокаменныхъ подвалахъ, подъ самымъ подклѣтомъ, были медуши, гдѣ ставились бочки съ медами, съ фряжскими винами, мартовскимъ пивомъ и квасами. Для разной поклажи стѣнныя печуры, съ затворами и безъ затворовъ, замѣняли шкафы. Изъ подклѣта вели въ подвалы ступенчатыя каменныя лѣстницы. Свѣтъ туда входитъ черезъ узкія съ откосами окна подъ пятами коробовыхъ сводовъ.

Такимъ образомъ въ одной связи соединялись всѣ почти принадлежности домашняго обихода, потребности семейной, хозяйственной жизни, такъ что у хозяина онѣ были подъ руками и предъ глазами.

Строившій Палаты сіи, каменныхъ дѣлъ мастеръ не всегда подчинялся извѣстнымъ условіямъ искусства; но, заботясь болѣе о прочности, удобствѣ и разнообразіи зданія, повидимому, сообразовался съ потребностями внутренняго расположенія. Отъ этого у него двери и окна не симметричны; прямыя косящетыя окна одни съ фронтонами и сандриками, другія съ квадратными наличниками, нѣкоторыя съ откосами, съ желѣзными рѣшетками и затворами. Стѣны не вездѣ прямо выведены.

При возстановленіи, главною задачей для зодчаго было сохранить, сколько возможно, все древнее въ частяхъ и цѣломъ. По уцѣлѣвшимъ отъ передѣлокъ пятамъ сводовъ, по лѣстницамъ, стѣннымъ печурамъ, по окнамъ съ ихъ орнаментами, печнымъ отверстіямъ и тому подобному, можно было угадывать первобытное

состояніе и физіономію палатъ и, сообразно съ тѣмъ, привести въ прежній видъ искаженныя временемъ и перестройками части, а уничтоженныя возсоздать въ томъ же стилѣ. Такъ слѣды верховаго крыльца обнаружены въ пробитыхъ гнѣздахъ, въ смежныхъ дверяхъ верхняго яруса и въ прерванномъ пояскѣ на стѣнѣ; и оно вновь построено по образцу Краснаго въ Кремлѣ. Такимъ же образомъ возстановлено выдавшееся изъ восточной стѣны *висячее крыльце*, или балконъ. Теперь фронтонъ его украшенъ гербомъ Бояръ Романовыхъ, а подъ пятами его, во впадинѣ вставлена слѣдующая надпись, начертанная уставною вязью:

«Повелѣніемъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Всероссійскаго Александра Николаевича, въ память Благовѣрныхъ Его Предковъ, въ благословенный годъ священнаго Коронованія, 1856 годъ, Августа въ 26-й день, начата возобновленіемъ прародительская Бояръ Романовыхъ Палата при Московскомъ Знаменскомъ монастырѣ, гдѣ родился Державный Родоначальникъ Царственнаго Дома, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, и гдѣ воспитался родитель Его, Боярин и Воевода Ѳсодоръ Никитичъ Романовъ, въ послѣдствіи Філаретъ, Патріархъ Московскій; окончена 1859 года».

Во внутреннемъ расположеніи Палатъ еще яснѣе обнаруживается образъ жизни и семейный бытъ прежнихъ бояръ нашихъ. Двери изъ Крестовой палаты вели въ Моленную и Боярскую, кои также соединялись низ-

мѣнною дверью безъ затвора; узкая каменная лѣстница въ западной стѣнѣ имѣла сообщеніе съ теремомъ; такая-жъ лѣстница была туда изъ Дѣвичей, смежной съ Дѣтскою.

Въ убранствѣ компатъ и горницъ Ученая Коммиссія старалась сохранить древній характеръ, соотвѣтственно назначенію каждой. Своды въ Крестовой росписаны орнаментами заимствованными изъ подлинныхъ грамотъ Царя Михаила Ѳеодоровича.—Полы тамъ торцовые изъ *дубовыхъ кирпичей*, какіе находимъ въ зданіяхъ XVI и XVII вѣковъ. — Въ однихъ покояхъ стѣны обиты богатою парчей, въ другихъ баркателью, въ старинномъ вкусѣ, съ выткапнымъ на нихъ гербомъ Бояръ Романовыхъ и съ монограммою Державнаго Родоначальника Царственнаго Дома [1]); въ одной половинѣ терема стѣны обиты фанерами изъ липоваго дерева съ рѣзьбою [2]), а въ другой — старинными кожаными Кордуанскими обоями, кои вытиснены штампомъ, покрыты листовымъ серебромъ съ красками и золотистымъ лакомъ [3]). Такими же обоями обиты и нѣкоторыя древнія кресла, здѣсь поставленныя.—Въ теремѣ потолокъ изъ липоваго дерева, а лавки изъ дубоваго съ узорочною рѣзьбой въ старинномъ вкусѣ, покрытыя старинным рытымъ бархатомъ.

---

[1]) Прекрасное произведеніе фабрики наслѣдниковъ Сапожникова.

[2]) Извѣстнаго въ Москвѣ художника Степанова.

[3]) Онѣ возобновлены г. Подключниковымъ, раставрировавшимъ св. иконы въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

Образцами для печей послужили сохранившіяся въ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ и въ другихъ мѣстахъ. Разноцвѣтныя, муравленыя кахели печей соотвѣтствуютъ убранству комнатъ и горницъ: на нѣкоторыхъ изъ нихъ изображены Россійскіе гербы; на другихъ, какъ напримѣръ въ Боярской, притчи, съ замысловатыми подписями, составлявшія въ старину любимое украшеніе изразцевъ. — Здѣсь нельзя не замѣтить искусно сдѣланныхъ Соловьевымъ, по древнимъ образцамъ, приборовъ къ печамъ, дверямъ и окнамъ.

Согласно съ искоинымъ благочестивымъ обычаемъ на Руси, помѣщено въ такъ-называемыхъ *святыхъ углахъ* палатъ *Божіе Милосердіе*, то-есть, св. иконы; такъ въ Крестовой — рѣдкій образъ Спасителя, сѣдящаго на престолѣ, съ глаголическою надписью [1]); въ Моленной образъ Спасителя, коимъ Митрополитъ Московскій Філаретъ благословилъ Государя Императора при освященіи начала работъ въ Романовскихъ Палатахъ; также древнія св. иконы, кресты съ мощами и походныя складни.

Стѣны въ теремѣ украшены старинными портретами Августѣйшихъ хозяевъ этого дома: Патріарха Філарета, Государыни Великой Инокини Марѳы Ивановны, въ мірѣ его супруги; Царей: Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михайловича. — Убранство терема довершаютъ рѣдкія Венеціанскія въ зеркаль-

[1]) Изъ рода князей Мещерскихъ, принесенная въ даръ свойственникомъ ихъ Г. Шалащенко.

ныхъ рамахъ зеркала, отличнаго качества, коими нѣкогда красовались Царскіе чертоги и боярскія палаты. — Къ этой вышкѣ можно примѣнить слова древняго пѣвца: «*Хорошо въ теремѣ изукрашено*».

Не будемъ здѣсь останавливаться на исчисленіи драгоцѣнныхъ по древности и достоинству, по рѣдкости и красотѣ, разныхъ утварей изъ боярскаго обихода, которыя размѣщены, соотвѣтственно положенію и значенію комнатъ и горницъ, въ стѣнныхъ нишахъ, на подстольяхъ и столахъ. Они могутъ быть предметомъ особеннаго описанія и ученаго изслѣдованія. Собраніе ихъ въ Палатахъ Романовскихъ составляетъ Царскій и боярскій музей XVI и XVII вѣковъ.

Въ то самое время, какъ возстановленіе Романовскихъ Палатъ приводилось къ окончанію, Государь Императоръ слѣдилъ за нимъ своимъ вниманіемъ и участіемъ. Августа 18 онъ неожиданно прибылъ на строеніе; но успѣлъ только осмотрѣть наружность зданія, потому что внутренность его была занята мастеровыми. При обозрѣніи, Его Величество входилъ въ подробности о разныхъ предметахъ, относящихся къ этому зданію; изволилъ спрашивать объ нихъ у Предсѣдателя Ученой Коммиссіи Князя Оболенскаго и Архитектора Рихтера, сказавъ въ заключеніе: «Я доволенъ; очень хорошо». — Дѣйствительно, прежде Государь видѣлъ только одинъ голый и искаженный остовъ древняго зданія, по коему трудно было заключить, что̀ можетъ изъ него выйдти. Теперь же Ему представилось

стройное, узорочное, единственное въ своемъ родѣ, монументальное зданіе, образчикъ древняго зодчества, памятникъ *Царскихъ пресвѣтлыхъ Родителей*, который Державнымъ Потомкомъ присоединенъ къ священнымъ и государственнымъ памятникамъ Царелюбивой Москвы.

Слѣдуя высокому примѣру Царя, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, Августа 20, осматривалъ съ живѣйшимъ любопытствомъ наружность и внутренность Романовскихъ Палатъ; останавливая свое вниманіе на многихъ достопримѣчательныхъ предметахъ, Великій Князь требовалъ объясненія у сопровождавшаго Его Высочество Члена Ученой Коммиссіи Спегирева; любовался устройствомъ терема и великолѣпными видами южной части Москвы.

До открытія и освященія этого Царскаго памятника, любопытствовали осмотрѣть его Митрополитъ Московскій Філаретъ, Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Графъ С. Г. Строгановъ и другія почетныя особы.

Съ утра 22 Августа, памятнаго Москвѣ Короноваціемъ Императора Николая I, вся Варварская улица, всѣ окна, балконы и крыши домовъ, около Знаменскаго монастыря, полны были народа; многіе выглядывали изъ пролетовъ ближайшихъ колоколенъ, изъ слуховыхъ оконъ на чердакахъ. На дворѣ монастыря, около Романовскихъ Палатъ, устроенныя мѣста запяты были тысячами зрителей. Не газеты, не журналы, не полицейскія повѣстки, но стоустая молва возвѣстила

Москвѣ, что Царь желаетъ почтить день Коронованія Своего Прародителя, Родоначальника Державнаго Дома Романовыхъ. Въ столь необыкновенномъ стеченіи народа на этомъ мѣстѣ выразилось не одно сродное Русскимъ желаніе видѣть своего возлюбленнаго Царя, но и живое сочувствіе нравственно-благочестивой его мысли.

Между соборною церковью монастыря и Романовскими Палатами, предъ верховымъ ихъ крыльцемъ, на возвышенной широкой площадкѣ стоялъ на богатыхъ коврахъ тетраподъ *), покрытый парчевою пеленой и окруженный серебряными подсвѣчниками; на немъ серебряная водосвятная чаша, напрестольный крестъ и блюдо. По сторонамъ тетрапода, на одномъ налоѣ было напрестольное Евангеліе, на другомъ образъ Преподобнаго Михаила Малеина, сомеинаго Царю Михаилу Ѳеодоровичу. — Собранныя здѣсь св. утвари сіи, напоминавшія Родоначальника Дома Романовыхъ, его Родителя и Родительницу, его Сестру и Сына, были Царскими вкладами — памятниками ихъ вѣры и благочестія, свидѣтельствами ихъ благоговѣнія къ памяти Родителей.

Въ два часа по полудни прекраснаго лѣтняго дня звонъ колоколовъ и восторженное ура возвѣстили о прибытіи Государя въ прежнее жилище своихъ предковъ, обреченное ими дому Пресвятой Богородицы. При главномъ входѣ въ монастырь съ Варварской улицы,

*) Столъ о четырехъ ножкахъ, принадлежащій къ утвари церковной.

Государь, встрѣченный Московскимъ Митрополитомъ Филаретомъ, съ духовенствомъ, съ крестомъ, св. иконами и хоругвями, шествовалъ къ самому мѣсту водоосвященія. — Тамъ видѣнъ Онъ былъ всѣмъ многочисленнымъ зрителямъ, всѣхъ глаза устремились къ Нему, слѣдили за всѣми Его мановеніями; съ Его моленіями соединились молитвы тысячей Его вѣрноподданныхъ.

Началось священнодѣйствіе, которое совершалъ Высокопреосвященный Филаретъ съ пятью Архимандритами, Протопресвитеромъ Большаго Успенскаго Собора, Благочиннымъ придворныхъ въ Москвѣ церквей и Сакелларіемъ Архангельскаго Собора. На великой эктеніи Протодіакономъ возглашено: «О еже благословити Господу Богу нашему сей древній, нынѣ же обновленный домъ, и утвердити его и сохранити и прославити въ честь и память Благовѣрныхъ Прародителей Всероссійскаго Царствующаго Дома, Господу помолимся».

По троекратномъ погруженіи креста, съ молитвою спасеніи людей и благословеніи Царя побѣдою надъ врагами, Митрополитъ вознесъ молитву на обновленіе Дома. На сугубой эктеніи произнесено: «Еще молимся о еже призрѣти Господу Богу нашему на сей древній, обновленный домъ и пріосѣнити его благодатію Своею яко да входящіи въ него и видящіи его благоговѣйно помянутъ доблести и подвиги Прародителей Царствующаго Дома и прославятъ дающаго крѣпость Царю нашему и возносящаго рогъ Христа Своего».

По окончаніи водоосвященія, возглашено многолѣтіе Благочестивѣйшему Великому Государю Императору Александру Николаевичу и всему Царственному Дому; потомъ благочестивѣйшему Великому Государю, Царю Михаилу Ѳеодоровичу, Святѣйшему Патріарху Філарету Никитичу и Великой Государынѣ Инокѣ Маріѣ Іоанновнѣ — вѣчная память; наконецъ Благовѣрнымъ Правительствующему Сунклиту, Христолюбивому Всероссійскому воинству и всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Царства Всероссійскаго — многая лѣта.

При поднесеніи Государю Императору животворящаго Креста, Митрополитъ привѣтствовалъ Его Императорское Величество слѣдующимъ словомъ:

«Благочестивѣйшій Государь!

«Осуществилась Твоя знаменательная мысль о домѣ Твоихъ предковъ. Онъ вызванъ изъ мрака забвенія, облеченъ древнимъ и древлеподражательнымъ узорочіемъ; окомъ прошедшихъ вѣковъ смотритъ на будущіе, и призываетъ ихъ къ размышленіямъ».

«Вотъ скромный древній домъ, который можетъ считать своими потомками великолѣпные дворцы, и это потому, что въ немъ обитали благочестіе, правда, любовь къ Отечеству».

«Вотъ не высокія храмины, изъ которыхъ вышли высокія души. Романовы доблестно дѣйствовали для Отечества, великодушно страдали для Отечества, и все-

праведный «Отецъ, изъ Него же всяко отечество на небесѣхъ и на землѣ именуется», судьбами Своими устроилъ то, что родъ Романовыхъ привился къ древнему роду Царей и произвелъ Отцевъ Отечества».

«Сіи воспоминанія встрѣчать будетъ каждый сынъ Россіи, при воззрѣніи на Романовскій Домъ, и сердце его скажетъ ему: честь и слава Царю, чтущему доблестныхъ Предковъ! Научимся отъ Него и мы чтить и хранить древнюю доблесть, которую можетъ украсить, но не замѣнить новый блескъ».

Въ слѣдъ за тѣмъ, Высокопреосвященный Філаретъ подпесъ Государю Императору современную и сименную Царю Михаилу Ѳеодоровичу икону Преподобнаго Михаила Маленна, для поставленія ея въ Романовскихъ Палатахъ. При этомъ онъ сказалъ:

«Благочестивѣйшій Государь!

«Московская Церковь свойственнымъ ей образомъ соотвѣтствуя мысли Вашего Императорскаго Величества, приноситъ въ благословеніе древнему дому Романовскому древнюю икону Преподобнаго Михаила, тезоименнаго покровителя Державнаго Михаила».

Потомъ съ крестомъ въ рукѣ, принесеннымъ въ даръ Знаменской церкви Матерью Царя Михаила Ѳеодоровича, Митрополитъ предшествовалъ Государю во внутренность Прародительскихъ палатъ. При вступленіи Государя въ крестовую Палату, министръ Императорскаго Двора Графъ Адлербергъ, по ста-

ринному обычаю, поднесъ Державному Хозяину хлѣбъ-соль на Царскомъ серебряномъ блюдѣ съ золотою солонкой Патріарха Филарета Никитича, и поздравилъ Его Величество съ окончаніемъ возобновленія Прародительскихъ Палатъ, Высокопреосвященный Филаретъ окропилъ ихъ святою водою. Послѣ того Министръ Императорскаго Двора представилъ Государю Императору Предсѣдателя Ученой Коммиссіи Князя М. А. Оболенскаго и Членовъ ея: Снегирева, Вельтмана, Рихтера, Кёне и Мартынова. Его Величество, обратясь къ нимъ изволилъ сказать: «Благодарю васъ, господа! Я очень доволенъ».

Такъ довершилось это священно-торжественное дѣйствіе, оставившее въ сердцахъ Москвичей нравственно-доброе впечатлѣніе, которое должно повториться во всей Россіи.

Но любознательный Государь не ограничился однимъ поверхностнымъ обозрѣніемъ возобновленнаго Имъ древняго памятника Своихъ предковъ.—На другой день утромъ Онъ изволилъ съ подробностію разсматривать не только самые покои, но и заключающіяся въ нихъ достопамятности.

Ратные подвиги русскаго духовенства.

Какое у насъ сословіе изъ среды своей не можетъ представить героевъ, достойныхъ почетнаго мѣста въ исторіи! Нѣтъ ни одного сословія, которое бы не ревновало жертвовать Царю-Помазаннику и Отечеству не только своимъ имуществомъ, но и самою жизнію, если только требуетъ честь и благо того и другаго. Такими жертвами искуплены самобытность, могущество, слава и величіе Россіи, возбуждающіе теперь зависть, подозрѣніе, ненависть и страхъ въ Европейскихъ народахъ.

Не говоримъ уже о Князьяхъ и боярахъ, славныхъ подвигами своей любви къ Отечеству и преданности св. вѣрѣ, но и крестьянинъ нашъ всегда готовъ былъ разковать серпъ и косу свою на мечь и копье, по первому призыву Царя своего, готовъ принять въ битвѣ мученическій вѣнецъ. Наконецъ когда Церкви и Отечеству необходима защита отъ враговъ св. вѣры, когда не было уже другаго спасенія, не было другаго исхода, кромѣ войны: тогда, во имя высшаго закона любви,

побуждающей «душу свою положить за други свои» *), и монахи и священники наши, (подобно единовѣрному намъ Черногорскому духовенству), ополчались на брань и мужественно ратовали за домъ Пресвятой Богородицы и за Государевъ Престолъ, какъ добрые воины Христовы. Это (между прочимъ) такъ подтверждаетъ намъ соборъ 1604 г. Іюня 12: «Первѣе бо не толѣ слуги святителей и монастырей, но и сами старцы, священницы и діаконы въ нашествіе нечестивыхъ множицею на войну исхождаху, крѣпцѣ вооружахуся, храбро борющеся за святую Православную вѣру и за вся Хрістіаны, не щадя, кровь свою проливаху» **). По окончаніи войны, какъ видно изъ грамотъ, иногда налагалась на этихъ ратоборцевъ церковная эпитимія за уклоненіе отъ правилъ канона; но она облегчалась по необходимости и важности подвига. Воспользуемся здѣсь встрѣтившимися намъ отечественной исторіи примѣрами мужества, храбрости и самоотверженія духовныхъ ратниковъ.

Въ 1148 году, Новгородъ, не стерпѣвъ обиды отъ Суздальскаго Князя Юрія Володимировича, приговорилъ В. К. Изяславу II Мстиславичу нарядить всѣхъ черпецовъ и церковныхъ причетниковъ противъ своего врага ***); они повиновались земскому приговору и ополчились на брань.

*) Іоанна. XV, 13.

**) Судебникъ Царя Іоанна Васильевича, изд. 2 *Татищева*, М. 1786, стр. 233—237.

***) *Татищева* Росс. Исторія. 11. *Карамз.* И. Г. Р, II, пр. 315.

Другой достопамятный примѣръ видимъ 1380 года, въ подвигѣ двухъ Троицкихъ монаховъ, прежнихъ воеводъ — Пересвѣта и Ослябя, которыхъ Преподобный Сергій далъ Великому Князю Димитрію, «какъ оружницъ и пособницъ». Облекши ихъ въ схиму, онъ имъ завѣщалъ: «пострадать яко добліимъ воинамъ Христовымъ». И они оказали послушаніе своему настоятелю. Одинъ изъ нихъ, поразивъ копьемъ татарскаго богатыря, самъ легъ костьми на Куликовомъ полѣ *).

На Москву, 1451 года, внезапно напалъ, какъ снѣгъ на голову, Ордынскій Ханъ Мазовша. Устрашенный его свирѣпыми полчищами, Великій Князь Московскій Василій съ супругою и боярами удалился на берега Волги. Защита столицы ввѣрена Митрополиту Іонѣ; тогда этотъ св. старецъ заступилъ мѣсто осаднаго воеводы. Къ дѣятельному вооруженію онъ присоединилъ неусыпную молитву. Непріятели обложили городъ; но Москвичи, охрабренные благословеніемъ неустрашимаго Святителя, сдѣлали вылазку, разбили и прогнали Татаръ.

Нерѣдко самые монастыри наши, при нападеніи враговъ, превращались въ крѣпости, вооружились всѣмъ, чѣмъ только можно было, и даже выдерживали жестокія и долговременныя осады. Таковы напр.: осады Псково-печерскаго и Троицко-сергіева монастырей.

Первый, вытерпѣвшій сильныя нападенія и осады

*) Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ В. К. Димитрія Донскаго, изд. *И. Снегирева* 1838, въ 8.

отъ Лифляндскихъ рыцарей, упоминается съ похвалою въ Лифляндской исторіи подъ искаженнымъ названіемъ *Шчуръ*. Знаменита его осада Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 году; тутъ горсть стрѣльцовъ и чернецовъ съ упованіемъ на силу Божію упорно стояла противъ многочисленныхъ полчищъ. Озлобленный на этотъ монастырь за его вспоможеніе Пскову, Баторій 29 октября, послалъ противъ него отрядъ Нѣмцевъ съ тремя осадными пушками подъ начальствомъ Полковника Фаренсбаха. За день до снятія осады Пскова начата осада монастыря 5 ноября. Въ одной башнѣ сдѣланъ былъ проломъ; туда устремились непріятели съ лѣстницами; но монахи, вынесши туда древнюю икону Успенія Божія Матери, крѣпко отбивались, и наконецъ отбились и отразили непріятелей съ великимъ для нихъ урономъ. Эта неожиданная неудача раздражила надменнаго Баторія. Онъ немедленно отправилъ на помощь къ осаждающимъ 500 Венгровъ подъ предводительствомъ Боронемиссы, съ четырьмя большими пушками. Вмѣстѣ съ тѣмъ началось приготовленіе ко второму приступу въ двухъ мѣстахъ съ той же стороны. Нѣмцы сильною стрѣльбой увеличили прежній проломъ въ башнѣ, а Венгерцы открыли себѣ новый. Послѣ двухъдневной стрѣльбы, ноября 14, начатъ приступъ. Но осажденные, съ твердымъ упованіемъ на предстательство Божія Матери, отбили непріятелей и отстояли проломы. Успѣхъ этотъ они приписали не иному чему, какъ Божіей помощи, а непріятели по словамъ Гей-

денштейна, отнесли его къ чародѣйству Русскихъ. На стѣнахъ помогали стрѣльцамъ монахи пламенными молитвами и ревностнымъ содѣйствіемъ; даже укрывавшіяся отъ непріятелей въ обители женщины и дѣти сталкивали ихъ со стѣнъ, кипятили въ котлахъ воду и кипяткомъ лили на осаждающихъ, также подавали ратникамъ заряженныя пищали. Упорная и кровопролитная битва продолжалась отъ утра до сумерекъ; но не дала поверхности врагамъ. Не успѣвъ силою, осаждающіе пытались уловить осажденныхъ лестью. Великій Гетманъ Замойскій обѣщалъ грамотою своей покровительство монастырю, если покорится, а въ противномъ случаѣ угрожалъ разореніемъ. Монахи рѣшились не слушать льстивыхъ словъ вѣроломнаго Поляка и защищаться до послѣдней капли крови. Для объявленія отвѣта на грамоту Замойскаго, вышелъ на стѣну схимонахъ Патермуѳій, облаченный во всю схимническую одежду. Слова его повторивъ на стѣнахъ и башняхъ монахи и стрѣльцы, вмѣстѣ съ тѣмъ открыли огонь на осаждавшихъ. Тщетны были всѣ покушенія Поляковъ. Наконецъ наступившіе морозы прекратили осаду *).

Осада Троицко-Сергіева монастыря представляетъ другое славное доказательство, что *не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ* **), какъ изрекъ Св. В. К. Александръ

---

*) *М. Евгенія* Исторія Княжества Псковскаго, т. I. Кіевъ. 1831 г. въ 8.

**) Никон. лѣтоп. III, 10.

Невскій, когда готовился на брань противъ тьмочисленнаго врага, покушавшагося вторгнуться въ его предѣлы *).

Въ то время, какъ самозванецъ покушался овладѣть богатой и древнею обителью, стоящею на пути къ Москвѣ отъ сѣверныхъ и восточныхъ городовъ, ее защищали не болѣе 2,500 воиновъ, слугъ монастырскихъ, окрестныхъ жителей и самихъ иноковъ. Непріятельскаго же войска простиралось до тридцати тысячь, подъ предводительствомъ славныхъ въ то время польскихъ военачальниковъ Сапѣги и Лисовскаго **). У нихъ было 63 пушки. Когда сіи воеводы не успѣли льстивыми обѣщаніями склонить Троичанъ къ сдачѣ; то окружали монастырь осадными снарядами, и съ 3 октября 1608 года, стали громить его изъ осадныхъ пушекъ. Стѣны и башни тряслись, но не обрушивались; каленыя ядра падали въ пруды, или остывали, безъ причиненія вреда. Непріятели, видя неудачу въ открытой войнѣ, рѣшились на подземную, и подвели подкопъ подъ монастырь; но частыя вылазки осажденныхъ имъ препятствовали въ успѣхѣ дѣйствія. Хотя и отражаемы были осады непріятелей и вылазки наносили имъ вредъ; но подкопъ продолжался, только не извѣстно было мѣсто его; наконецъ, охрабрепные упо-

---

*) Русскаго времени. I, 125.

**) Историч. описаніе Свято-Троицкой Сергіевы лавры. М. 1852, въ 8, и Отвѣтъ на рецензію замѣчаній объ осадѣ Троицкой лавры. (Г. Голохвастова). М. 1844, въ 8.

ваніемъ на помощь Божію, Троичане до разсвѣта устремились на непріятелей, опрокинули ихъ и при этомъ случаѣ открыли устье колодца минной галлереи. Два крестьянина Клементьевскіе, взорвавъ колодезь этотъ, сами сдѣлались жертвою своего подвига. Сраженіе, продолжавшееся цѣлый день, кончилось побѣдою малочисленныхъ Троичанъ надъ многочисленными Поляками. У послѣднихъ взято было 11 пушекъ и убито 1,500 человѣкъ, тогда какъ защитниковъ св. обители пало только 174 человѣка.

Вылазки все продолжались; въ одной изъ нихъ, старцы Ѳерапонтъ и Макарій устремились съ двадцатью иноками на коняхъ противъ непріятеля уже торжествовавшаго и обратили его въ бѣгство. Тутъ самъ Лисовскій былъ раненъ въ щеку и сбитъ съ коня. Напослѣдокъ монастырь долженъ былъ еще бороться съ другимъ, еще гибельнѣйшимъ зломъ. Съ 17 ноября тамъ появилась цынготная болѣзнь, отъ коей умирало сперва по 10, потомъ по 50 и болѣе человѣкъ въ сутки. Защитники обители день ото-дня убывали; но вскорѣ Авраамій Палицынъ исходатайствовалъ у царя Василія Шуйскаго 66 козаковъ и 20 пудъ пороха въ пособіе осажденнымъ. Измѣна также нерѣдко грозила гибелью Троичанамъ; но Богъ видимо спасалъ ихъ. Въ іюнѣ 1609 года Сапѣга и Лисовскій замышляли новый приступъ; ослабѣвшіе числомъ осажденные кипятили въ котлахъ варъ, сѣру, смолу, таскали известь и камни на стѣну; иноки: Аѳанасій

Ощеринъ, Паисій Литвинъ, Гурій Шишкинъ приняли начальство надъ горстію воиновъ. Въ самыя сумерки непріятели открыли жестокій приступъ пальбою изъ пушекъ; Поляки и Литовцы приставляли лѣстницы къ стѣнамъ и смѣло лезли; но вездѣ были отбиваемы: имъ въ глаза сыпали осажденные известь, кидали камнями и бревнами, обдавали кипяткомъ и варомъ; приступъ продолжался съ 1 часа почи до 1 часа дня. Въ то время, какъ одни старцы бились на стѣнахъ и въ башняхъ, другіе со слезами умиленія молились въ храмахъ. Къ утру враги принуждены были отступить со стыдомъ и съ потерею стѣнобитныхъ орудій и людей.

Въ монастырѣ оставалось уже неболѣе 200 человѣкъ; но въ нихъ не ослабѣвала прежняя увѣренность, что *не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ.* Пристыженные и вмѣстѣ ожесточенные Поляки и Литовцы вскорѣ отважились сдѣлать еще послѣднее усиліе къ взятію Сергіевой обители. Въ іюлѣ Сапѣга приготовилъ полки свои къ приступу и велѣлъ имъ ждать сигнала. Но вѣстовая пушка, ранѣе назначеннаго, сдѣлала выстрѣлъ и отъ этого всѣ распоряженія Сапѣги разстроились Осаждающіе побѣжали въ безпорядкѣ. Вскорѣ спаситель отечества, великій Скопинъ-Шуйскій, послалъ для охраненія монастыря отрядъ изъ 950 человѣкъ; къ нему присоединился еще Палицынъ съ 500 человѣкъ. Разбитые враги 12 января, 1610 года, обратились въ бѣгство, державъ въ осадѣ Троицко-Сергіевъ монастырь годъ и 4 невступно мѣсяца

Въ 1612 г., Келарь этого монастыря, старецъ Авраамій Палицынъ, на Москворѣцкой битвѣ одушевлялъ воиновъ въ самомъ ея пылу именемъ Преподобнаго Сергія, подвигнувъ коснѣвшихъ козаковъ въ войскѣ К. Трубецкаго помочь ослабѣвавшимъ полкамъ Пожарскаго *).

Черезъ шесть лѣтъ послѣ того, обитель Сергіева, 24 сентября увидѣла подъ стѣнами своими войско Польскаго Королевича Владислава, льстившагося завладѣть Всероссійскимъ престоломъ. Посадскіе, слуги монастырскіе, монахи вступили съ Поляками въ бой и выгнали ихъ изъ Стрѣлецкой слободы. Келарь Авраамій, съ воеводами Жеребцовымъ и Дашковымъ, готовились принять новое нападеніе; оно послѣдовало въ ноябрѣ. Отраженный отъ Москвы Владиславъ, двинулся къ Троицко-Сергіеву монастырю со всѣми силами своими, но въ ту самую ночь на воскресенье, какъ готовился идти на приступъ, услышавъ въ монастырѣ большой колокольный звукъ къ утрени, почелъ его за тревогу осажденныхъ къ вылазкѣ и не отважился на приступъ. Такъ гласъ освященнаго звона избавилъ отъ набѣговъ вражіихъ, и какъ нѣкогда трубами сыновъ Ароновыхъ, воодушевилъ Троичанъ къ одолѣнію супостатовъ **). Враги упали духомъ; прошло время въ ожиданіи — съ одной стороны приступа, а съ другой — вылазки и кончилось тѣмъ, что въ монастырской деревнѣ Дуленинѣ

*) Повѣствованіе о Россіи Арцыбышева, т. III, стр. 323 и 24.

**) Чинъ благословенія кампаны въ Требникѣ М. Петра Могилы, стр. 136.

былъ утвержденъ Декабря 1, 1618 г,. миръ между Россіей и Польшей.

Когда Патріархъ Іерусалимскій Θеофанъ, при посѣщеніи въ 1620 г,. Троицкой лавры, пожелалъ видѣть храбрыхъ защитниковъ гроба Преподобнаго Сергія: тогда Архимандритъ Діонисій представилъ ему болѣе двадцати «иноковъ-дѣльцовъ, участниковъ въ ратоборствѣ съ Литовцо-Поляками. Первый изъ нихъ былъ Аѳанасій Ощеринъ старъ» «и весь уже пожелтѣлъ въ сѣдинахъ». Патріархъ спросилъ его: «О старче старый, на войну ты ли еси ходилъ и начальствовалъ предъ вон мученическими?» — Аѳопасій отвѣчалъ: «Эй, Владыко святый! попужденъ быхъ слезами кровными» и, обнаживъ главу свою, поклонился ему и рече: «извѣстно ти буди, Владыко мой! се подпись Латынянъ на главѣ моей отъ оружія, еще и въ лядвіяхъ моихъ шесть памятей свинцовыхъ обрѣтаются; а въ келліи себя въ молитвахъ, какъ можно найти было изъ воли такихъ будильниковъ къ воздыханію и степанію? а все се бысть не нашимъ изволеніемъ, но пославшимъ насъ на службу Божію: тако же и другіе иноцы извѣстница*).» Исторія наша, между прочимъ, свидѣтельствуетъ, что Костромской Игуменъ Серапіонъ, во время нашествія Казанскихъ Татаръ, собралъ монаховъ и поповъ противъ враговъ и обратилъ въ бѣгство послѣднихъ. Старорусскій попъ Петрила съ войскомъ ходилъ на Литву

*) Житіе Препод. Діонисія. М. 1824 въ 12.

и побѣдилъ ее. Когда Шведы подъ предводительствомъ Делагарда въ 1611 году осаждали Новгородъ, и когда положила головы свои послѣдняя дружина, — тогда на Торговой сторонѣ казался неодолимою твердыней одинъ дворъ. Шведы не осилили его взять, тамъ ратовалъ Софійскій соборный Протопопъ Амосъ, укрѣпившійся съ своими людьми во дворѣ своемъ; мужественно сражаясь съ врагами, онъ многихъ изъ нихъ побилъ. Этотъ Протопопъ былъ въ запрещеніи у Митрополита Исидора который въ это время стоялъ на градской стѣнѣ, съ воеводою Княземъ Иваномъ Никитичемъ Одоевскимъ; видя мужество и храбрость Амоса *), Владыка послалъ къ нему съ благословеніемъ разрѣшеніе. Шведы, не могши одолѣть Амоса, заняли его домъ; но доблестный служитель алтаря предпочелъ постыдному плѣну честную, хотя мучительную, смерть **). Такъ погибъ, говоритъ Карамзинъ, „послѣдній славный въ исторіи Новогородецъ“ ***). Приведемъ еще одинъ примѣръ храбрости священно-служителей. Олонецкій попъ Иванъ Окуловъ, въ 1702 году, собравъ охочихъ людей до 1000 человѣкъ, ходилъ за Шведскій рубежъ, разбилъ четыре непріятельскія заставы, побилъ до 400 Шведовъ, и со взятыми рейтарскими знаменами, бара-

---

*) Судебникъ Царя Іоанна Васильевича, изд. В. Татищева, изд. А. М. 1786, въ 8, стр. 233—237.

**) Новый лѣтописецъ по списку Кн. М. А. Оболенскаго. М. 1835 въ 8,

***) *Карамз.* И. Г. Р. XII, 619.

банами, оружіемъ и лошадьми, возратился въ торжествѣ; чего же забрать не могъ съ собою, то предалъ огню *).

Въ 1812 году, отечественное духовенство обнаружило также воинственный духъ, съ коимъ дѣйствовало противъ враговъ Церкви и Отечества.

Когда потребуетъ Царь и Отечество, Россія всегда встрѣтитъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицина, въ каждомъ гражданинѣ Минина **). Сколько блистательныхъ, примѣровъ неустрашимости, мужества и самоотверженія представляетъ наше духовенство, готово положить душу свою за Св. Вѣру, Помазанника Божія Отечество! Давно ли Русскіе священники съ крестомъ въ рукѣ подъ градомъ пуль и картечь, нерѣдко вели своихъ духовныхъ дѣтей въ пылъ битви и къ побѣдѣ! На многихъ изъ нихъ знаки военнаго ордена свидѣтельствуютъ о ихъ подвигахъ ***).

---

*) Дѣянія Петра Великаго, II, стр. 67.

**) Высочайшій манифестъ 1812 г. Іюня 5.

***) Статья эта была напечатана въ № 59 Вѣдомостей Московской Городской Полиціи 1854 года.

Освященіе храма Преображенія Господня въ Московскомъ Кремлѣ, что на Бору.

Этотъ древній московскій храмъ, нѣкогда соборный великокняжескаго монастыря, а по перенесеніи монастыря *на новое мѣсто*, дворцовый, столько лѣтъ оставался, къ сожалѣнію благочестивыхъ москвичей, безъ священнослуженія; теперь онъ возстановленъ въ первобытномъ видѣ, украшенъ стѣнописью въ старинномъ пошибѣ. Основанный Іоанномъ Калитою въ 1333 году, вновь сооруженный, вмѣсто ветхаго, въ 1527 году Василіемъ IV, этотъ храмъ въ нѣдрахъ Московскаго Кремля переживаетъ четвертое столѣтіе, испытавъ пожары и грабительство Татаръ, Поляковъ и Французовъ, также позднѣйшія передѣлки, отчасти измѣнившія его характеръ.

Нынѣ царствующій Государь повелѣлъ возстановить это маститое созданіе своихъ предковъ въ первобытномъ его видѣ и внутренность его оживить стѣнописью по древнимъ образцамъ. Одно поручено было

архитектору Рихтеру, а другое Московскому иконописцу Рогожкину. Старинные и древніе образа алтарнаго иконостаса, поступившіе изъ упраздненнаго въ 1801 году Срѣтенскаго собора, возобновлены безъ измѣненія ихъ пошиба; стоящіе на поклонѣ въ нижнемъ тябліѣ украшены серебряными съ позолотою ризами; въ числѣ ихъ достопамятны древнѣйшая чудотворная икона Боголюбскія Божіей Матери изъ Боголюбова и Похвалы Ея изъ упраздненной церкви въ Потѣшномъ дворцѣ. Надъ св. мощами равноапостольнаго святителя Пермскаго Стефана, опочивающаго здѣсь подъ спудомъ уже пятое столѣтіе, устроена сѣнь изъ желѣза. Наконецъ Москва увидѣла этотъ маститый храмъ Преображенія Господня освобожденнымъ отъ позднѣйшихъ пристроекъ и передѣлокъ, въ древнемъ его святолѣпіи. 4 Августа текущаго года онъ освященъ Московскимъ Митрополитомъ Філаретомъ, который первый еще разъ священнодѣйствовалъ въ этой соборной дворцовой церкви, гдѣ совершали литургію патріархъ Філаретъ и другіе патріархи московскіе, гдѣ цари наши въ праздникъ Боголѣпнаго Преображенія, присутствовали при богослуженіи и разговлялись освященными плодами своихъ садовъ, гдѣ въ родительскія субботы отправляли панихиды на прародительскихъ гробахъ, на дняхъ святой недѣли приходили хрістосоваться съ предками, здѣсь погребенными въ притворѣ, прощались съ ними, какъ бы съ живыми, предъ отъѣздомъ

въ дальній путь. Такіе изконные благочестивые обычаи свято и непарушимо хранились.

Лишь только окончилась, послѣ великаго освященія, божественная литургія, какъ народъ, собравшійся около храма, не вмѣщавшаго въ себѣ многихъ, съ радостію устремился поклониться св. мощамъ Святителя Стефана, друга преподобному Сергію, и облобызать чудотворную икону Боголюбскія Божіей Матери, полюбоваться святолѣпнымъ устройствомъ дома Божія, возобновленнаго щедротами благовѣрнаго Царя.

Въ притворѣ храма, нѣкогда служившемъ княжескою усыпальницей, ничто не напоминаетъ намъ погребенныхъ здѣсь великихъ князей и княгинь, кромѣ свидѣтельства лѣтописей и обнаруженныхъ, при починкѣ въ 1836 году помоста, каменныхъ гробовъ съ тлѣнными останками усопшихъ. По указанію лѣтописи, здѣсь похоронены: сынъ Димитрія Донскаго Іоаннъ, въ иночествѣ Іоасафъ † 1393 г. подлѣ гроба бабы своей, княгини Александры княжъ Ивановны, вдовы в. к. Іоанна Іоанновича, скончавшейся † 1364 года; Великая княгиня инока Елена † 1332 г.; первая супруга в. к. Симеона-гордаго Марія, съ нимъ разведенная, въ иночествѣ Ѳеотинія † 1399 г. и вторая его супруга Анастасія Литовская † 1345 г. При возобновленіи притвора в. к. Іоанномъ III въ 1473 г. Ѳеотинія обрѣтена «въ тѣлѣ повреждена ничѣмъ, только ряса истлѣла» *). Великій князь, призвавъ благочести-

*) Софійскій временникъ. I, 423 и II, 140.

вую игуменью Алексѣевскую Іуліанію, повелѣлъ ей облечь мощи прабабки своей, «во всѣ новыя ризы монашескія». На каменныхъ гробахъ, покрытыхъ каменными плитами, нѣтъ надписей; въ одномъ изъ нихъ найдены остовъ, довольно хорошо сохранившійся въ полуистлѣвшей шелковой одеждѣ коричневаго цвѣта, кожаные съ вытиснутыми изображеніями Святыхъ и писменами парамандъ и поясъ, также скудельный сосудецъ, изъ коего возливали на покойника, при отпѣваніи, оставшееся отъ елеосвященія масло, смѣшанное съ краснымъ виномъ. Такой же сосудецъ открытъ въ другомъ гробѣ. Утвари сіи хранятся въ алтарѣ.

Но однѣ безгласныя кости и священныя утвари не говорятъ намъ, кому именно онѣ и когда принадлежали. Предполагать можно, что уцѣлѣвшій остовъ и епаки иноческаго чина принадлежатъ блаженной Ѳеотиніи. Согласно съ древнимъ обычаемъ, здѣсь въ притворѣ надъ могилами, вѣроятно, стояли каменныя или деревянныя надгробницы съ покровами на нихъ, съ выноснымъ образомъ, неугасимою свѣчей и кануномъ. Надъ ними совершалось соборное поминовеніе въ родительскія субботы. Но, какъ видно, надгробницы были разломаны, и гробовой покой усопшихъ нарушенъ Поляками, которые, по свидѣтельству Авраамія Палицына, «искали въ могилахъ сокровищъ». Непріятели въ 1812 году, обратившіе святилище это въ житницу, не касались неизвѣстныхъ имъ княжескихъ могилъ. Древніе сунодики у Спаса на Бору, вѣроятно, истлѣли

въ пожарахъ, посѣщавшихъ этотъ многолѣтній храмъ.

Справедливость и самое приличіе требуютъ, чтобы вырѣзать на мѣдныхъ доскахъ имена погребенныхъ здѣсь и выставить на полыхъ мѣстахъ у западныхъ дверей. Такія надписи замѣнили бы настѣнные сѵнодики; хотя бы однажды въ годъ должно совершать въ притворѣ поминовеніе надъ гробами сына Донскаго и великихъ княгинь, принявшихъ въ Спасоборской обители предсмертное постриженіе. Здѣсь великій князь Іоаннъ Калита изъ своей калиты (сумки) одѣлялъ стекавшихся къ нему нищихъ заупокойною милостыней. Примѣру его слѣдовали и преемники его, нерѣдко посѣщавшіе этотъ храмъ, какъ свое государское богомолье. Столько историческихъ воспоминаній оживляютъ этотъ, по своему началу, древній великокняжескій храмъ, какъ священный памятникъ вѣры и благочестія московскихъ державцевъ!

Южный придѣлъ во имя св. Исповѣдниковъ Гурія, Самона и Авіва и верхній въ сѣверозападной части храма въ честь Святителя Стефана Пермскаго приготовлены къ освященію. На звонницѣ въ западныхъ пролетахъ повѣшены прежніе колокола Спасоборскаго собора, находившіеся дотолѣ на Никольской башнѣ.

Низменный многовѣковый храмъ, окруженный огромными и великолѣпными зданіями царскаго дворца, составляетъ разительную и вмѣстѣ поучительную противоположность.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУВАЛОВЪ,

основатель Московскаго Университета и русскій меценатъ.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ родился въ Москвѣ 1-го Ноября 1727 года, и на десятомъ году жизни потерялъ отца, который пользовался отличною довѣренностію Петра Великаго. Сначала обучался онъ только грамотѣ у дѣда своего, имѣвшаго пребываніе въ деревнѣ, потомъ въ Москвѣ у одного учителя съ Суворовымъ, и оказалъ большіе успѣхи въ Математикѣ, во Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Когда вступила на Престолъ Императрица Елисавета Петровна, тогда родственники Шувалова, пользовавшіеся особеннымъ благоволеніемъ Государыни, опредѣлили его Пажемъ къ Высочайшему Двору. Молодой Шуваловъ не походилъ на рѣзвыхъ товарищей своихъ: отличался скромнымъ повседеніемъ, любилъ обогащать умъ свой науками, и чаще другихъ посылаемъ былъ къ иностраннымъ Министрамъ съ разными порученіями. Расторопность его и усердіе награждены были званіемъ

Камеръ-Пажа и золотыми часами отъ Императрицы; вскорѣ онъ пожалованъ былъ Камеръ-Юнкеромъ и 27-ми лѣтъ произведенъ въ Генералъ-Поручики и Генералъ-Адъютанты. Къ такому быстрому возвышенію Шувалова, соединявшаго съ добротою души красоту лица, наиболѣе содѣйствовала супруга Графа Петра Ивановича Шувалова. Юный царедворецъ, на верху почестей, сохранилъ прежнюю скромность въ обхожденіи. Чуждый гордости, какою отличаютъ себя ничтожные самолюбцы, онъ употреблялъ свою силу, знатность, имѣніе и все время на благотвореніе, и домъ и сердце его открыты были нуждающимся въ его помощи; просители входили къ нему прямо безъ доклада; онъ слушалъ ихъ съ терпѣніемъ и снисхожденіемъ разрѣшалъ ихъ просьбы безъ промедленія, часто самъ предупреждая застѣнчивую бѣдность. Ходатайствуя у Высочайшаго Престола за угнѣтенныхъ, онъ старался водворять миръ и тишину въ семействахъ; часто не соглашался съ Графомъ, державшимся противныхъ правилъ. Но главнымъ стремленіемъ Шувалова было распространеніе Наукъ и Художествъ въ Россіи. Когда Царедворцы, въ кругу увеселеній, вели жизнь разсѣянную, онъ бесѣдовалъ съ Учеными и Художниками: покровительствовалъ Ломоносова, поощрялъ занятія Сумарокова, мирилъ его съ Ломоносовымъ, ходатайствовалъ за нихъ у Императрицы, которая по его предстательству ихъ награждала. Онъ внушилъ безсмертному пѣвцу Петра и Елисаветы мысль пе-

редать потомству дѣянія Россіянъ. «Нѣтъ одного дня» — писалъ къ своему Меценату Ломоносовъ — «въ кото-«рой бы я не упоминалъ о вашей ко мнѣ милости и ею бы не радовался.» Видя недостатокъ Высшаго Училища въ средоточіи Россіи, Москвѣ, для образованія Государственныхъ людей, Шуваловъ заботился объ этомъ. Въ бесѣдахъ своихъ съ Ломоносовымъ и Исторіографомъ Миллеромъ онъ сообщилъ свою мысль основать въ сердцѣ Россіи, въ древней столицѣ, Университетъ; планъ поручилъ онъ разсмотрѣть этимъ двумъ Ученымъ, которые соединялись въ кабинетѣ своего Начальника-друга: и благотворная мысль его для Отечества осуществилась въ 1755 году, когда по предстательству Шувалова учрежденъ Московскій Университетъ, съ двумя при немъ Гимназіями. Какъ почтительный сынъ, Иванъ Ивановичъ поднесъ Императрицѣ докладъ объ основаніи Университета въ день Ангела своей матери, 12 Декабря, желая ознаменовать память ея добрымъ дѣломъ для Россіи. И Санктпетербургская Академія Художествъ обязана сочувствіемъ своимъ предстательству Шувалова (1758 г.) Многіе иностранные Профессоры и Художники вызваны имъ въ Россію, гдѣ онъ распространилъ вкусъ къ Италіянскому и особенно Французскому языкамъ: справедливо отозвался о немъ Ломоносовъ, что онъ «для счастія Наукъ въ Отечествѣ рожденъ» *). Меж-

*) См. письмо Ломоносова, напечат. въ Поэмѣ: Петръ Великій.

ду тѣмъ полезная служба Ивана Ивановича не оставалась безъ наградъ: Императрица возложила на него (1754 г.) Польскій орденъ Бѣлаго Орла; пожаловала его Куратором Московскаго Университета и Конференцъ-Министромъ. Если бы онъ гонялся за почестями, которыя возвышаютъ людей только на время, не дѣлая ихъ высокими, то безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ бы тогда орденъ Св. Апостола Андрея, Графское и Княжеское достоинства; но Шуваловъ, скромный и уклончивый, доволенъ былъ собственнымъ своимъ значеніемъ; оставлялъ въ покоѣ зависть, не помышляя о наградахъ; трудился для славы Монархини и блага Россіи. Елисавета предлагала ему шесть тысячъ душъ, Графское достоинство, хотѣла выбить медаль въ честь его; но высокій смиреніемъ Шуваловъ отъ всего того отказался. Въ 1760 году Иванъ Ивановичь употребленъ былъ по дипломатической части; участвовалъ 7 Марта въ постановленномъ актѣ приступленія Россійскаго Двора къ трактату, заключенному 30 Декабря 1758 года, между Вѣнскимъ и Французскимъ Дворами, о продолженіи общими силами войны противъ Короля Прусскаго; 10 Марта въ другомъ актѣ приступленія нашего Двора къ договору, постановленному въ Копенгагенѣ (4 Мая 1758 г.) Франціею и Даніею, и подписалъ 21 числа того же мѣсяца, вмѣстѣ съ Канцлеромъ Графомъ-Воронцовымъ и Цесарскимъ Посломъ Графомъ Эстергазіемъ трактатъ и конвенцію о взаимной между двумя Импера-

торскими Дворами дружбѣ и оборонительномъ союзѣ. 25 Декабря 1761 года, Императрица Елисавета переселилась въ вѣчность. Шуваловъ оплакалъ сію чувствительную для него потерю, но не лишился прежняго значенія; онъ пріобрѣлъ полное право на признательность Монарха. Петръ III пожаловалъ его на свое мѣсто Директоромъ Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса, встрѣтилъ его предъ фронтомъ Кадетъ, самъ отдалъ ему честь эшпантономъ и поднесъ рапортъ. Вскорѣ потомъ Императоръ объявилъ войну Даніи (1762 г.) за наслѣдственныя Испанскія земли, намѣревался отправиться въ армію и приказалъ Шувалову слѣдовать за собою: какъ вдругъ произошла неожиданная перемѣна въ правленіи. Иванъ Ивановичъ, готовившійся было къ отъѣзду, съ прискорбіемъ узналъ о кончинѣ Петра III, и въ Санктпетербургскомъ Казанскомъ Соборѣ привѣтствовалъ Императрицу Екатерину II со вступленіемъ на Престолъ. Она съ благосклонностію ему сказала: «*мнѣ пріятно, Иванъ Ивановичъ, что и вы съ нами.*» Давши присягу Императрицѣ, любимецъ Елисаветы удалился отъ Двора, гдѣ новые Царедворцы заняли мѣста старыхъ. Пятнадцать лѣтъ провелъ онъ въ дали отъ родины: сначала жилъ въ Вѣнѣ, потомъ въ Парижѣ. Вездѣ принимали его съ знаками уваженія. Герцогъ Орлеанскій подарилъ ему табакерку съ финифтянымъ портретомъ Петра Великаго, — ту самую, которую Государь, во время пребыванія своего въ Парижѣ, вручилъ отцу

его Регенту, въ знакъ благодарности, за сдѣланный ему отличный пріемъ. Вдовствовавшая супруга Фельдмаршала Люксанбурга, всѣми уважаемая, заказала для Шувалова золотую карманную книжку съ слѣдующею надписью, сочиненною Мармонтелемъ:

Le souvenir est doux à l'homme heureux et sage,
Qui; sut jouri; de tout et n'abuser de rien,
Et qui de la faveur fit un si; bon usage,
Que même les rivaux n'en dirent que du bien.

Изъ Парижа Шуваловъ отправился въ Италію и основалъ пребываніе свое въ Римѣ. Слѣдуя обычаю отцевъ своихъ, онъ ежегодно постился, и, какъ не было церкви Грекороссійской въ Римѣ, то ѣздилъ для этого въ Неаполь. У воротъ Шувалова дома всегда стекались бѣдные, получавшіе милостыню. Художники удивлялись его знаніямъ и утонченному вкусу; Вольтеръ, съ которымъ онъ лично познакомился, отдавалъ справедливость вѣжливому обращенію его и любезности *). «Петръ Великій и Екатерина II сблизили Россію съ Европою?» сказалъ между прочимъ Фернейскій мудрецъ Шувалову. «Нѣтъ» — отвѣчалъ послѣдній — «они Европу приблизили къ Россіи!» Основатель Московскаго Университета велъ ученую переписку съ Вольтеромъ, который тогда завладѣлъ вним-

*) «C'est un des bommes les plus polis et les plus aimables, que j'aie jamais vu»—писалъ онъ Далламберту. См. Oeuvres complets de *Voltaire*, vol. LXX, p. 202.

ніемъ Европы; доставлялъ ему драгоцѣнные матеріалы для сочиненія *Исторіи Петра Великаго*, которыми не умѣлъ или не хотѣлъ воспользоваться Фернейскій Сатирикъ, продававшій перо свое Европейскимъ Дворамъ. Первое изданіе Исторіи Преобразователя Россіи Вольтеръ украсилъ виньетою, изображавшею медаль, выбитую на основаніе Московскаго Университета. Императоръ Іосифъ II, въ бытность свою въ Римѣ, отличилъ Шувалова предъ прочими иностранцами и бесѣдовалъ съ нимъ на развалинахъ древней столицы міра. И Папа Римскій изъявилъ ему особенное свое уваженіе, предоставивъ выборъ другаго Нунція въ Варшаву, вмѣсто Дурини, человѣка безпокойнаго и недрожелательнаго Россіи; позволилъ ему снять формы съ лучшихъ древнихъ статуй въ Римѣ, Флоренціи и Неаполѣ, которыми Шуваловъ обогатилъ С.-Петербургскую Академію Художествъ. Такъ успѣшно совершилъ онъ возложенное на него порученіе Екатерины II, оказавъ содѣйствіе и Графу Орлову, по обширному кругу знакомства своего въ сношеніяхъ ихъ съ Греціею, за что произведенъ изъ Генералъ-Поручиковъ въ Дѣйствительнѣе Тайные Совѣтники (1775 г.). Наконецъ, послѣ долговременнаго отсутствія, возвратился онъ въ свое Отечество, и 17 Сентября 1777 года прибылъ въ Санктпетербургъ. Графъ Орловъ, находившійся въ тотъ день дежурнымъ Генералъ-Адъютантомъ, испросилъ у Императрицы позволеніе поздравить Шувалова съ прибытіемъ въ сто-

лицу. На другой день Иванъ Ивановичъ отправился во Дворецъ: Потемкинъ и Графъ Орловъ оспаривали одинъ у другаго честь представить его Государынѣ. Столь блистательно было его появленіе! Екатерина приняла его весьма милостиво, сказала ему, что для такого дорогаго гостя она назначаетъ Эрмитажъ вечеромъ *). Потомъ, когда онъ являлся во Дворецъ, Она ни съ кѣмъ такъ долго не разговаривала; Она даже желала знать: «какого онъ мнѣнія о всѣхъ новыхъ Ея учрежденіяхъ и преобразованіяхъ? какія онъ сдѣлалъ наблюденія въ иностранныхъ Государствахъ?» Вскорѣ Шуваловъ получилъ ключь Оберъ-Каммергерскій и принялъ по прежнему начальство надъ Московскимъ Университетомъ. Однажды, разговаривая съ нимъ, Императрица вдругъ спросила его: «Иванъ Ивановичь, Я знаю, что ты не богатъ!» — «Слава уже меня дѣлаетъ богатымъ» — отвѣчалъ Шуваловъ. Тогда Екатерина опредѣлила ему сверхъ получаемаго жалованья по шести тысячь рублей, во уваженіе заслугъ, оказанныхъ Отечеству и достоинствъ его (1777 г.). Симъ не ограничились награды признательной Монархини: Она пожаловала Ивану Ивановичу, въ 1785 году, два старшіе ордена Россійской Имперіи: Св. Апостола Андрея Первозваннаго (28 Іюня) и Св. Владиміра первой степени, въ самый день учрежденія его. Въ то время дошло до свѣдѣнія Императрицы, что Шуваловъ, благодѣтельствуя другимъ, вошелъ въ

*) Т. е. театральное представленіе и балъ.

долги и продавалъ уже пожалованный ему Государынею серебряный сервизъ и другія свои вещи; Екатерина препроводила къ нему шестьдесятъ тысячъ рублей. Продолжая неослабно поддерживать и возвышать любимое свое святилище Наукъ въ Москвѣ, вмѣсто неудобнаго помѣщенія Университета въ казенномъ старинномъ домѣ у Воскресенскихъ воротъ, гдѣ нынѣ Дума и Магистратъ, Шуваловъ заложилъ новое огромное зданіе на Моховой (1786 г.). Во время путешествія Императрицы въ Тавриду, онъ ей сопутствовалъ. Вскорѣ прекратилась жизнь Екатерины II, о которой Шуваловъ всегда говорилъ съ чувствительностію и удивленіемъ. Здоровье Ивана Ивановича примѣтнымъ образомъ ослабѣвало; онъ не могъ присутствовать въ Москвѣ при короновапіи Императора Павла I, поздравилъ его письмомъ, и Государь милостивымъ рескриптомъ обнадежилъ заслуженнаго старца: что всегда съ благодарностію воспоминаетъ попеченіе его объ немъ во время младенчества и не сомнѣвается въ его усердіи. Безкорыстіе и недостаточное состояніе Шувалова были извѣстны щедрому Монарху, который пожаловалъ ему три тысячи душъ въ торжественный день, ознаменованный неимовѣрными милостями. Но общеполезная жизнь Шувалова склонилась къ своему западу: онъ скончался въ С. Петербургѣ 17 Ноября 1797 года, заслужпвъ имя *Русскаго Мецената* *) Лю-

*) И. И. Шуваловъ покровительствовалъ и извѣстнымъ нашимъ Проповѣдникамъ: Гедеону Криновскому, Платону; желалъ отправить послѣд-

бя Науки и Художества, Шуваловъ преимущественно занимался Отечественною Литературою, писалъ стихи *), вырѣзалъ на мѣди свой портретъ, сочинилъ *проектъ*, неодобренный Бецкимъ, о заведеніи въ Римѣ Академіи Россійской. Онъ перевелъ съ Французскаго: 1) *Сокращеніе стихотворческой Исторіи*, или введеніе въ Миѳологію. Москва, 1784, въ 8, и съ Нѣмецкаго 2) *Энциклопедію*, или краткое начертаніе всѣхъ частей учености. Москва, 1781 г. въ 8. Хорошо разумѣвъ Латинскій, Италіянскій, Французскій и Нѣмецкій языки, Шуваловъ собралъ превосходную библіотеку, которая открыта была всѣмъ ученымъ и любознательнымъ людямъ. Подчиненные и служители любили его, какъ отца: ими онъ умѣлъ управлять и дѣлать ихъ счастливыми, и благоразуміемъ и добротою своею никого не дѣлалъ несчастнымъ. Признательные подчиненные почитали его отцемъ, а онъ ихъ дѣтьми; прямо относились къ нему въ своихъ нуждахъ и никогда не получали отказа. Кому не извѣстно, чѣмъ ему обязанъ былъ Пѣвецъ Душеньки и первый нашъ

пяго, на своемъ иждивеніи, въ Парижъ для усовершенствованія въ наукахъ.

*) Шуваловъ сочинилъ слѣдующіе стихи къ портрету Ломоносова:

Московскій здѣсь Парнасъ изобразилъ Витію,
Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ;
Открылъ Натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ:
Примѣръ ихъ остроты въ Наукахъ — Ломоносовъ.

Комикъ, Фонъ-Визинъ? Онъ покровительствовалъ знаменитымъ нашимъ Проповѣдникамъ, Гедеону Криновскому и Платону Левшину, котораго хотѣлъ-было отправить въ чужіе краи для дальнѣйшаго образованія. Онъ поощрялъ наградами и таланты нашихъ Зодчихъ Баженова и Старова, Живописцевъ и Ваятелей Шубина, Скородумова, Лосенкова, Рокотова и Самотоцкаго, и Механика Кулибина. Великодушны его поступки съ Ермиломъ Костровымъ: изъ уваженія къ таланту, онъ умѣлъ снисходить къ слабостямъ Поэта. Однажды рѣшился Шуваловъ продать деревню для уплаты долговъ: крестьяне немедленно сдѣлали складчину и явились къ нему съ просьбою, чтобы онъ принялъ эту жертву благодарности, оставивъ ихъ за собою, говоря, что *не нажить такого добраго помьщика.* Источникомъ такой рѣдкой благотворительности въ Шуваловѣ были доброе отъ природы сердце и благочестіе, которыя ознаменовали истинною славою имя сего Вельможи, *рожденнаго*, по выраженію Ломоносова, *для счастія Наукъ въ Отечествѣ.* Чуждый лицемѣрія и самообольстительной гордости, онъ въ счастіи другихъ находилъ собственное наслажденіе, достойное великой души. Снисхожденіе его и терпѣливость выражались въ поступкахъ и въ самой поговоркѣ: *тихонько, мало по малу* *). Державинъ, пользовавшійся покровитель-

*) Рѣчи и стихи, читанные въ воспоминаніе кончины основателя Московскаго Университета И. И. Шувалова. М. 1800, въ 4 д.

ствомъ Шувалова, прекрасно описалъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Безсмертны Музами Периклы
И Меценаты въ вѣкъ живутъ.
Подобно память, слава, титлы
Твои, Шуваловъ, не умрутъ.
Великій Петръ къ намъ ввелъ Науки,
А Дщерь Его ввела къ намъ вкусъ;
Ты къ знаньямъ простирая руки,
У Ней предстателемъ былъ Музъ.
Досель гремитъ намъ въ Иліадѣ
О Несторахъ, Улиссахъ громъ:
Равно безсмертенъ въ Петріадѣ
Ты Ломоносовымъ перомъ *).

---

*) Нашлись лица, которыя сдѣлали мнѣ упрекъ, что въ біографическомъ очеркѣ И. М. Снегирева, составленномъ мною на основаніи дневника, есть много лишняго, то во избѣжаніи новаго упрека за перепечатку составленныхъ Снегиревымъ біографій, мы считаемъ не лишнимъ оговорить, что, по нашему мнѣнію, и *біографическія* статьи его, такъ и *археологическія* не утратили значенія *по времени*, когда они были напечатаныя. Вѣдь исторія Карамзина и теперь еще съ удовольствіемъ читается, хотя и появились новѣйшія изслѣдованія по части отечественной исторіи.

Воспитатель благороднаго юношества въ духѣ вѣры и благочестія

Минуло уже 16 лѣтъ, какъ покоится въ могилѣ почтенный ректоръ московскаго университета и директоръ благороднаго при немъ пансіона Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій. Но могильный его покой потревоженъ вызовомъ его на судъ предъ потомствомъ. Въ замѣчательной статьѣ «Душеполезнаго Чтенія» за мартъ 1864 г. приведены между прочимъ обвинительныя свидѣтельства противъ воспитателя юношества, нашего Песталоцци; они набрасываютъ обидную тѣнь сомнѣнія на его религіозныя и нравственныя убѣжденія. Замѣтимъ, что такія свидѣтельства не принадлежатъ собственно благонамѣренному сочинителю статьи, но приводятся имъ, какъ личныя мнѣнія покойнаго протопресвитера Полубенскаго, вызванныя особеннымъ случаемъ. Не приписываемъ ихъ враждебному чувству Полубенскаго противъ Антонскаго, но особенной ревности по благочестію, какою отличался первый.

Усопшіе безъотвѣтны предъ судомъ людскимъ; но ихъ современники, еще живые, ихъ воспитанники и сослуживцы не должны оставаться безмолвными и равнодушными при отзывахъ, оскорбительныхъ для памяти усопшихъ наставниковъ и начальниковъ, чтобы самое молчаніе не почли за согласіе. Поставимъ на видъ читателямъ самое обвиненіе, возводимое на покойнаго Антона Антоновича.

«Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ умре прежде бывшій Донской архимандритъ (нѣкогда законоучитель въ московскомъ университетѣ) Викторъ (Прокоповичъ-Антонскій). братъ родной ректору московскаго университета и другому (оберъ-секретарю въ сенатѣ) Михайлѣ. Многіе священники *изъ любопытства* были на погребеніи. Одинъ передъ тѣмъ сказалъ, что ректоръ Антонскій надсядется съ печали и въ землю будетъ молиться, а другой возразилъ: «а я объ закладъ бьюсь, что ни разу не перекрестится; ибо его превосходительство не очень это жалуетъ». — Какъ, говоритъ первый, что вы говорите, ужъ по братѣ родномъ не станетъ молиться? увидите, что станетъ.» — Начался выносъ: ни тутъ-то было, ни разу не перекрестился. Началась литургія—тоже. Херувимскую пропѣли—тоже. Началось и кончилось отпѣваніе—тоже. Наконецъ, какъ тѣло понесли къ могилѣ, Антонскій слабо по брюху перекрестился нись *отъ радости*, нись *отъ печали*».

Таковъ былъ приговоръ одного изъ любопытствовавшихъ священниковъ при гробѣ усопшаго архимандрита

родному его брату. Не подвергаетъ ли онъ сомнѣнію не только благочестіе воспитателя благороднаго юношества, но даже и братскую его любовь? Но посмотримъ, справедливо ли такое сомнѣніе.

Конечно, молитва въ храмѣ должна сопровождаться крестнымъ знаменіемъ, какъ явнымъ свидѣтельствомъ о нашемъ вѣрованіи въ распятаго на крестѣ Іисуса Христа. Это только внѣшняя молитва. Но истинная молитва не ограничивается крестнымъ изображеніемъ, поклонами и колѣнопреклоненіями; она преимущественно состоитъ въ обращеніи ума, сердца и воли къ вездѣсущему и вся исполняющему Богу. Сокрушеніе духа и глубокая скорбь погруженнаго въ молитву, не всегда сопровождается внѣшними знаками благочестія; случаются и такія минуты къ жизни, что человѣкъ, убитый горестью, не въ состояніи молиться. Примѣръ тому видимъ въ лицѣ безчадной Анны, матери Самуила; ея молитва о дарованіи Ей сына была безъ словъ, и однакожъ услышана была отъ Бога.

Обратимся къ подсудимому. Антонъ Антоновичъ, потерявъ въ преклонныхъ уже лѣтахъ, въ безбрачной жизни, любимаго своего брата, друга, втораго отца, безъ совѣта и благословенія котораго не предпринималъ никакого важнаго дѣла, глубокою скорбію низведенъ былъ въ такое состояніе, когда душа цѣпенѣетъ, не высказываетъ себя ни вздохами, ни рыданіями, ни слезами, даже коснѣетъ въ самой молитвѣ. А что онъ былъ истинно религіозный и благочестивый человѣкъ,

объ этомъ свидѣтельствуетъ вся жизнь и долголѣтняя служба его.

Антонъ Антоновичъ былъ питомецъ Кіевской духовной академіи, потомъ дружескаго ученаго общества, гдѣ товарищами своими имѣлъ Десницкаго и Глаголевскаго, въ послѣдствіи С.-Петербургскихъ митрополитовъ Михаила и Серафима. Въ званіи цензора книгъ, директора благороднаго университетскаго пансіона и ректора московскаго университета, онъ постоянно показываетъ себя строгимъ блюстителемъ православія и примѣромъ благочестія. Его сочиненіе о воспитаніи проникнуто духомъ вѣры, благочестія и любви къ отечеству, которыя онъ всегда внушалъ питомцамъ университетскаго пансіона, воспитавшаго многихъ знаменитыхъ мужей на гражданскомъ, военномъ и литературномъ поприщахъ. Въ изданномъ отъ него наставленіи возрастному воспитаннику «для всегдашняго памятованія» онъ говоритъ: «Источникъ небесныхъ даровъ есть Богъ. Да сіяетъ непрестанно въ умѣ вашемъ, какъ свѣтильникъ, озаряющій все ваше существо, высокая мысль о Его величествѣ, всемогуществѣ, благости, правосудіи, вездѣсущности (вездѣсутствіи?), всевѣдѣніи; исполняйте всѣ чувствованія способнаго къ тому сердца вашего глубочайшимъ благоговѣніемъ, страхомъ и живѣйшею къ Нему любовію и благодарностію! Безъ сего, все воспитаніе ваше ничто и мнимое просвѣщеніе тщетно, или болѣе зловредно». Къ этому присоединимъ слова, сказанныя архимандритомъ Митрофа-

номъ при отпѣваніи Антонскаго: «любимымъ завѣтнымъ правиломъ его ума и сердца была всегда сія святая истина: Да не хвалится премудрый премудростію своею и да не хвалится богатый богатствомъ своимъ, но о семъ да хвалится хваляйся, еже разумѣти Господа и творити судъ и правду посреди земли. И какъ вѣровалъ, такъ всегда и глаголалъ сію истину; какъ глаголалъ, такъ тщился и творить оную къ славѣ Божіей, ко благу ближнихъ, къ утѣшенію церкви и отечества, къ спасенію души своей».

Одинъ изъ благородныхъ и почтенныхъ питомцевъ университетскаго благороднаго пансіона Н. В. Сушковъ такъ отзывается въ любопытномъ сочиненіи своемъ *) о духѣ воспитанія подъ руководствомъ Антонскаго: «Дѣятельно сѣялись сѣмена вѣры въ дѣтскихъ сердцахъ, не однимъ преподаваніемъ Богословія питомцамъ, но утвержденіемъ ихъ въ благочестивой привычкѣ творить утреннія и вечернія молитвы, посѣщать Божію церковь, пѣть на клиросѣ, соблюдать посты, слушать внимательно св. Евангеліе, читать дѣянія Апостольскія и назидательныя ихъ посланія». Классы начинались молитвой «Царю небесный», и оканчивались «Достойно». Таковъ порядокъ заведенъ и поддерживаемъ былъ Антонскимъ въ университетскомъ благо-

*) См. Московскій Благородный пансіонъ и воспитанники университета, гимназіи, Бл. П. и Дружеск. общества. М. 1858 г. въ 4. Книгу эту, достойную вниманія начальниковъ духовныхъ и свѣтскихъ училищъ, и теперь еще съ удовольствіемъ можно читать.

родномъ пансіонѣ! Для употребленія въ классахъ, по совѣту Антонскаго, товарищъ его М. М. Снегиревъ, преподававшій тамъ Законъ Божій и Священную Исторію, составилъ и приготовилъ къ изданію: 1) Краткую Грамматику Славяно-церковнаго языка, 2) Избранныя мѣста изъ св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта и 3) объяснительный къ нимъ словарь. Но учебникъ этотъ, разсмотрѣнный духовною цензурою, не вышелъ въ свѣтъ за кончиною составителя. Попеченія Антона Антоновича о распространеніи и внѣдреніи христіанскаго благочестія въ питомцахъ наставленіемъ и примѣромъ ознаменовали все теченіе педагогической его дѣятельности.

Бывшіе питомцы университетскаго пансіона конечно помнятъ, съ какимъ благоговѣніемъ ихъ начальникъ слушалъ божественную литургію и присутствовалъ при чтеніи ими утреннихъ и вечернихъ молитвъ; они видали его колѣнопреклоненнымъ въ часы богослуженія и ограждавшимъ себя знаменіемъ крестнымъ. Антонскимъ сооружены церкви въ пансіонѣ и въ подмосковномъ сельцѣ его. Въ своей приходской церкви св. Николая въ Хлыновѣ онъ, нѣсколько лѣтъ сряду, исправлялъ должность старосты, самъ въ генеральскомъ чинѣ сбиралъ съ блюдомъ на церковное строеніе и за усердное служеніе награжденъ золотою медалью на Аннинской лентѣ.

Почти девяностолѣтная жизнь его свидѣтельствовала о воздержности его и благоразуміи въ жизни, а

мирная и непостыдная смерть, о которой молитъ православная Церковь, о вѣрѣ и благочестіи; къ этой смерти онъ давно готовился съ спокойствіемъ христіанскаго мудреца. За нѣсколько дней до кончины своей онъ сказалъ: «Мнѣ такъ хорошо, что хотѣлось бы умереть». Постоянную его любовь къ брату своему Виктору доказываетъ, между прочимъ, и то, что не желая разлучиться съ нимъ и послѣ смерти, онъ завѣщалъ себя положить въ одной съ нимъ могилѣ, которая находится въ трапезѣ Сергіевской церкви въ Донскомъ монастырѣ.

Столько фактовъ не свидѣтельствуютъ ли намъ какъ о внѣшнемъ и внутреннемъ благочестіи, такъ и примѣрно о братской любви Антонскаго *)?

---

*) Въ имѣющемся у меня собственноручномъ дневникѣ И. М. Снегирева неоднократно встрѣчается фамилія А. А. Антонскаго, съ которымъ соединяли его самыя близкія отношенія. Почему неудивительно, что священною обязанностью считалъ для себя Снегиревъ явиться защитникомъ памяти уважаемаго ректора для опроверженія несправедливо взводимаго обвиненія на покойнаго Антона Антоновича.

Письма Митрополита Евгенія къ И. М. Снегиреву.

(съ примѣчаніемъ издателя).

1.

Отъ 2 іюля 1822 года, Кіевъ.

Милостивый государь мой,

Иванъ Михайловичъ!

Письмо ваше отъ 7 іюня и при ономъ ваше сочиненіе о преосвященномъ митрополитѣ Платонѣ имѣлъ я честь получить и покорно благодарю за то и другое. Книгу вашу прочиталъ съ особеннымъ удовольствіемъ и самъ воспользуюсь ею при второмъ изданіи моего Словаря. Но при семъ и для васъ, на случай новаго изданія сей книги, прилагаю нѣкоторыя мои *замѣчанія*. Другъ другу помогать мы должны.

Примите отъ меня увѣреніе, что я всегда готовъ быть съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Замѣчанія.

Стр. 7 Преосвященный Платонъ самъ безъ посторонняго пособія выучился съ французскаго только переводить, но ему хотѣлось выучиться и говорить и

для сего держалъ онъ въ Петербургѣ на Троицкомъ подворьѣ у себя француза; однакожъ не выучился произношенья, начавши сію науку уже въ пожилыхъ лѣтахъ и говорилъ дурно.

Стр. 8 анекдотъ принца де Линя не нужно бы вводить.

Стр. 9. Вымыслъ стихотворца В. (не Волкова-ли?) о сходѣ оратора къ гробу Петра Великаго совершенно несбыточенъ. Въ Петропавловскомъ соборѣ отъ каѳедры до гроба Петра Великаго разстоянія не менѣе 10 саженъ и притомъ надлежало бы оратору проходить сквозь всю императорскую свиту, стоявшую на правой сторонѣ возлѣ столба. Не говоря уже, что такіе сходы ораторовъ съ каѳедры нигдѣ въ свѣтѣ необыкновенны, а гробъ Петра Великаго виденъ тамъ и съ каѳедры. Мнѣ извѣстно отъ самовидцевъ, что эта проповѣдь говорена на каѳедрѣ. Обращеніе къ гробу Петра Великаго весьма тронуло Императрицу и всю придворную свиту, но стоявшій за столбомъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій, извѣстный шутливостью своею, помѣшалъ дѣйствію сей статьи надъ прочими слушателями вельможами. Слыша повторяемое къ Петру Великому воззваніе оратора, онъ въ полголоса сказалъ: *чего онъ его кличе? якъ устане, то всимъ достанется;* и сіе замѣчаніе всѣхъ окружавшихъ его разсмѣшило *).

---

*) Блистательныя побѣды, одержанныя русскими войсками надъ турецкимъ флотомъ, представили митрополиту Платону благопріятный случай во всемъ блескѣ явить таланть своего краснорѣчія, и, заслуживъ новое благоволеніе Императрицы, привести въ удивленіе придворный генералитетъ. Воспользовавшись этимъ столь важнымъ для Россіи событіемъ, увѣнчавшимъ созданіе Петра Великаго безсмертными лаврами, Екатерина Вторая повелѣла совершить поминовеніе въ Петропавловскомъ соборѣ, при гробѣ самаго основателя россійскаго флота. Для

Стр. 10. Дидеротъ не искалъ быть воспитателемъ наслѣдника, а его искали и для того вызывали или по крайней мѣрѣ хотѣли только узнать его мнѣніе, но онъ имѣлъ гордость отказаться.

Стр 11. Чтобы преосвященному Платону поручались дѣла государственныя, сего ни отъ кого не было слышно и онъ былъ тогда еще молодъ, и Екатерина Великая въ разсужденіи своихъ духовныхъ, имѣла особый образъ мыслей.

Стр. 12. Указъ данъ была синоду о сочиненіи увѣщательной книги раскольникамъ и синодъ поручилъ Платону.

Стр. 15. Поводомъ къ просьбѣ объ увольненіи отъ епархіи были стекшіяся ему непріятныя замѣчанія отъ синода по волѣ императрицы и это было въ 1782 году, а не въ 1775.

этого избранъ былъ день поминовенія всѣхъ воиновъ, положившихъ животъ свой за вѣру, Царя и отечество, праздникъ усѣкновенія главы святаго Іоанна Предтечи, августа 29 дня 1772 г.

По окончаніи заупокойной литургіи и панихиды въ Петропавловскомъ соборѣ, Императрица приявъ отъ вице-президента адмиралтейской коллегіи графа Чернышева первый флагъ турецкаго адмирала, взятый при Митилени, подошла къ гробницѣ Петра Великаго, и преклонивъ колѣна предъ нею, повергла флагъ къ ея подножію въ знакъ признательности съ слѣдующими словами: «твоя отъ твоихъ къ тебѣ приношу». Послѣ этого митрополитъ Платонъ съ каѳедры произноситъ слово во вѣчную память Петра Перваго, которую хотѣла Императрица соединить съ настоящимъ торжествомъ новой побѣды. Исчисливъ труды и побѣды преобразователя Россіи, при остававшихся еще его современникахъ и потомкахъ, духовный витія, какъ бы вдохновенный, восклицаетъ; «Возстань теперь, великій монархъ и воззри на любезное изобрѣтеніе твое; оно не истлѣло отъ времени и слава его не помрачится. Возстань и насладися плодами трудовъ твоихъ. Флотъ тобою устроенный—уже не на морѣ Черномъ, не на Окіанѣ сѣверномъ,—но гдѣ?—онъ на морѣ Средиземномъ, въ Архипелагѣ, близъ стѣнъ Константинопольскихъ, то есть въ тѣхъ мѣстахъ, куда ты нерѣдко око твое обращалъ и гордую намѣревался смирить Порту. О какъ бы твое, великій Петръ, сердце возрадовалось.. если мы Тебѣ, какъ живому, вѣщаемъ, слышишь: флотъ твой въ Архипелагъ, близъ береговъ Азійскихъ, Оттоман-

Стр. 16. Академія московская до конца существованія своего въ Заиконоспаскомъ монастырѣ была подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ синода. Директоръ всегда представлялъ въ званіе ректоровъ и префектовъ, конхъ утверждалъ синодъ, а иногда и не утверждалъ. Съ реторики учителей утверждалъ ректоръ.

Стр. 19. Викаріи московской епархіи были и прежде, но они не управляли московскою епархіею, а Сѣвскою отдѣльною, а въ Москвѣ жить начали уже съ 1788 года.

Стр. 24. Не протодіаконъ первый выкликнулъ имя митрополита, а служившій съ нимъ въ то время духовникъ императрицынъ Памфиловъ въ возгласѣ по задостойникѣ: во первыхъ помяни Господи и пр. Преосвященный Платонъ духовнику тогда сказалъ: Вы ошиблись, а онъ отвѣчалъ: такъ приказано. Послѣ сего уже, по предварительному ученію духовника, тоже превозгласилъ и протодіаконъ, и по окончаніи его пре-

---

ский флотъ до конца истребилъ. Россійскіе высокопарные орлы, торжествуя, именемъ твоимъ весь востокъ наполняютъ и стремятся предстать предъ стѣны Византійскія».

Столь внезапный переходъ рѣчи, столь смѣлое и необыкновенное ораторское движеніе поразило служителей изумленіемъ и даже невольнымъ страхомъ. Стоявшій у гробницы Петра Перваго правнукъ его и наслѣдникъ дочери его Елисаветы Павелъ I-й испугался, какъ самъ послѣ сказывалъ Платону, что дѣдушка встаетъ изъ гроба. Но среди восторга и удивленія слушателей, среди торжества витія, замѣтили на нѣкоторыхъ лицахъ улыбку, впрочемъ старательно утаиваемую. Нѣкоторые стали спрашивать, чему и какъ здѣсь можно улыбаться, когда у всѣхъ на глазахъ видны были слезы и всѣхъ души потрясены? Оказалось, что извѣстный своей добродушной остротой графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій, услышавъ воззваніе Платона къ Петру Первому, тихонько сказалъ окружающимъ себя: *чего винъ его кличе, якъ устане, то всимъ намъ достанется*». Въ одно и тоже время воззваніе духовнаго витія удивило однихъ, а простодушное замѣчаніе вельможи разсмѣшило другихъ, представивъ противоположность двухъ вѣковъ и двухъ царствованій которую такъ искусно умѣла согласить Екатерина Великая.

возглашенія Преосвященный вышедъ по порядку съ осѣнѣніемъ трипаріи и кончивъ сіе поклонился въ царскихъ дверяхъ императрицѣ въ поясъ, а на третій уже день во дворцѣ говорилъ благодарственную рѣчь, которая была приготовлена. Въ соборѣ же послѣ обѣдни только кратко поблагодарилъ.

Стр. 25. Не дѣла поручены были Преосвященному Платону, а только книжная лавка освидѣтельствованы, которыя и свидѣтельствованы были префектомъ академіи Моисеемъ съ полицмейстеромъ Годеномъ.

Стр. 26. Власть папская совершенно никогда не пресѣкалась въ католическихъ церквахъ Россіи, а только ограничена была указомъ о бѣлоруссіи 1783 года. Указъ сей и донынѣ въ силѣ по части католической церкви *)

2.

Отъ 3 января 1828 года, Кіевъ.

Письмо ваше, отъ 17 декабря, получилъ я и покорно благодарю, а жалѣю только о вашемъ нездоровьѣ, вѣрно отъ чрезвычайныхъ занятій, къ концу года у всѣхъ бывающихъ. Молю Господа да возвратитъ Онъ вамъ силы.

---

*) О дружескихъ отношеніяхъ преосвященнаго Евгенія къ П. М. Снегиреву свидѣтельствуютъ слѣдующія письма его, прекратившіяся за нѣсколько дней до кончины Іерарха. Въ уцѣлѣвшей замѣткѣ, писанной Иваномъ Михайловичемъ значится, что онъ въ первый разъ съ преосвященнымъ видѣлся въ Вологдѣ, гдѣ ему пришлось быть вмѣстѣ съ отцомъ, въ качествѣ письмоводителя, при обозрѣніи имъ, какъ визитаторомъ, вологодскихъ училищъ.

О Преосвященномъ Евгеніѣ приводитъ слѣдующій анекдотъ: однажды

Статья Кирикова *) поелику невелика, то можетъ помѣститься и въ Трудахъ, а естьли передадите Калайдовичу, то не скоро выдетъ. Кирикъ молодой въ XI вѣкѣ съ математическими выкладками—любопытный феноменъ, а чтобы Калайдовичъ не сталъ вносить и ваши акты въ свой антико-модный журналъ, **) вы можете предупредить Общество. Онъ на чужбину былъ всегда охотникъ и за то отъ Саввина монастыря ***) пострадалъ, а описи синодальной библіотеки намъ отъ него не дождаться.

Нетерпѣливый и хвастливый баронъ (Розенкампфъ) пусть потерпитъ отъ замедляемаго печатанія его кормчологіи, въ которой помѣстилъ онъ вѣрно множество бездоказательныхъ парадоксовъ. Онъ упрямъ и я не могу переспорить его самонравныхъ мнѣній, кои онъ безпрестанно перемѣняетъ. Это знакъ неосновательнаго писателя, не имѣющаго твердыхъ началъ. Сперанскій мнѣ весьма характеристично о немъ однажды сказалъ: *онъ всегда зарывается.* Таковъ же и нашъ другъ Апастасевичъ, обладающій рѣдкимъ сборомъ своей архивы, но не умѣю-

---

замѣтилъ, что во время богослуженія какой-то господинъ громко разговаривалъ, преосвященный выслалъ къ нему діакона замѣтить неприличіе подобнаго поведенія въ храмѣ. Недовольный такимъ замѣчаніемъ господинъ этотъ, послѣ обѣдни, обратился къ архіерею съ заявленіемъ, что онъ почитаетъ для себя обидою напоминаніе дьякона. Что же мнѣ оставалось дѣлать—отвѣчалъ ему Евгеній. Если вы обижаетесь на скромное замѣчаніе, то дѣйствительно я признаю себя виновнымъ передъ вами въ томъ, что не велѣлъ вывести васъ изъ церкви».

*) Свѣдѣніе о Кирикѣ, предлагавшемъ вопросы Нифонту епископу новгородскому, напеч. въ 4. г. Труд. Общ. истор. и древн. стр. 122 и 129.

**) «Русскій зритель» издаваемый Калайдовичемъ вмѣстѣ съ М П. Погодинымъ

***) Высокопреосвященный намекаетъ на заключеніе его въ этой обители (см. матеріалы для біографіи К. Ѳ. Калайдовича, собр. Безсоновымъ, въ Чтеніи Общ.).

щій ею пользоваться. Посему не дивитесь, что они полюбили и вѣтренаго телеграфиста [1]), перескакивающаго безъ связи съ предмѣта на предмѣтъ и часто метафизическимъ вздоромъ или иностранными рецензіями наполняющаго свой журналъ *для Русскихъ*.

Свиньинъ журналистъ, а потому и хочетъ на равнѣ съ братьею сдѣлаться судьею и вашихъ трудовъ, но самъ безпрестанно вретъ. Въ № 90 статья его о нашемъ Вышгородѣ чудовищная и Берлинскій стыдится его ссылки на него. У Вышгорода онъ нашелъ источники не только Борнстена, но и Тапаиса [2]), а во Псковѣ гостивши у купцовъ *Трубовскихъ* прозвалъ ихъ въ «Сѣверной Пчелѣ» *Трубенщкими*.

Московскій большой требникъ, въ коемъ упоминается о руссаліяхъ, въ каждой церкви есть.

Студенты изъ вашего университета, требуемые въ Лифляндію, не научатъ лифляндцевъ рускому языку, который они презираютъ, какъ и наши поляки. Дерпту давно данъ указъ, что естьли студенты не будутъ знать по-руски, то не примутся въ рускую службу, но они и службу нашу не больше любятъ, какъ и языкъ. Довольно для нихъ, что они титулуются баронами лифляндскими. Естьлибы поворотили указъ Екатерининъ, чтобы всѣ суды производить на рускомъ языкѣ и по рускимъ законамъ, то бы это лучше научило.

Благодарю за 1-е отдѣленіе вашего каталога; въ

---

[1]) Полеваго, издателя «Московскаго Телеграфа».

[2]) По всей вѣроятности преосв. Евгеній, не читавъ еще самъ статьи, повѣрилъ словамъ Берлинскаго. Статья Свиньина (Отеч. Записки. Октябрь 1827 г. стр. 3—22), вовсе не *чудовищна*, и нисколько ни хуже другихъ работъ Свиньина и прочихъ писателей того времени. Тѣмъ болѣе, что это—отрывокъ изъ путешествія издателя «Отечественныхъ Записокъ».

немъ есть и опечатки напр. стр. 31 *Θеофила Сигарра* вмѣсто *Θеофила Сигфрида*, по книгами вы не богаты. Каковъ-то будетъ каталогъ вашихъ рукописей?

Сумашедшіе Шиллингисты [1]) опять надѣлаютъ у васъ суматоху въ воспитаніи. Отцы наши старались просвѣщать тьму философіи, а наши современники любятъ затмѣвать и свѣтъ мистицизмомъ не только богословскимъ, но и философскимъ. Они, какъ сказалъ нашъ Спаситель, не приходятъ ко свѣту, да не явятся дѣла ихъ.

Пѣснь Мудрова незавидна.

Посмотримъ, какъ будутъ браниться телеграфисты и Калайдовичъ съ Каченовскимъ, а статья послѣдняго о рускихъ деньгахъ въ «Вѣстникѣ Европы» любопытна.

1-ю часть Исторіи Россійской Іерархіи я уже отпечаталъ и скоро къ вамъ ее пришлю [2]); по отъ продолженія отказываюсь. Слишкомъ трудна работа, да и нужнѣе намъ только 1-я часть.

Будьте благополучны и благоуспѣшны въ трудахъ, а я всегда преданный вамъ Е.

---

[1]) Послѣдователи извѣстнаго мистика Юнгъ-Шиллинга. Переводчикъ московской медицинской академіи Степанъ Смирновъ перевелъ «Іудейскія письма къ Вольтеру» изданныя въ Москвѣ 1808 и 1816 г. и посвященныя Государю Императору Александру I-му. 17 августа 1816 года онъ всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія на напечатаніе опроверженія «Побѣдной повѣсти Шиллинга». Опроверженіе осталось ненапечатаннымъ, а письмо Смирнова помѣщено въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей при московскомъ университетѣ въ 1858 г. 3 ч. стр. 139 — 142. Опроверженіе осталось въ рукописи, а изданныя «письма къ Вольтеру» въ русскомъ переводѣ Смирнова и въ настоящее время могутъ быть весьма полезны.

[2]) Она уже была доставлена къ заключенію отчета Общ. ист. и древн. за 1827 г. и упомянута въ немъ, какъ *полученная*.

3.

отъ 5 декабря 1828 года.

Письмо ваше, отъ 17 ноября, имѣлъ я честь и удовольствіе получить и первымъ пріятнымъ долгомъ себѣ поставляю отъ всего сердца поздравить васъ съ достойною вами избрачною супругою [1]), да благословитъ Господь васъ на всю жизнь любовью, согласіемъ и достойнымъ васъ потомствомъ, а съ моей стороны на благословеніе вамъ посылаю святую икону нашихъ лаврскихъ преподобныхъ. Теперь буду ждать васъ въ Кіевъ уже не однихъ и радъ буду видѣть.

Мѣру доски, какая можетъ помѣститься не на гробѣ, который открывается, а надъ гробомъ преподобнаго Нестора, я давно вамъ послалъ, пріищите мое письмо, но я велю и еще вымѣрять стѣпку надъ гробомъ и повторю вамъ увѣдомленіе. Я жду въ московскихъ или петербургскихъ газетахъ описанія вашего собранія [2]): но до сихъ поръ не вижу.

Много въ подвѣдомство вашему университету приписали прежде бывшихъ самовластныхъ училищъ. Система независимости въ прежнее время вошла было въ употребленіе, а отъ того много было и своевольства въ ученыхъ. Единство власти лучше раздѣленія.

Надпись вами предполагаемая на доскѣ Нестору кажется витіевата, а по моему мнѣнію лучше бы короче: *преподобному Нестору, отцу россійской исторіи отъ Императорскаго Историческаго Общества Московскаго 1828 года*, а Давидовы слова у него подъ рукою на хартіи.

---

[1]) Анна Андреевна, урожденная Петрова, дочь коммерціи Совѣтника.
[2]) Т. е. библіотеки московскаго общества исторіи и древностей.

Безконечный баронъ [1]) не утерпитъ, чтобы не присылать вамъ еще прибавленій [2]). Ему кажется и для публики все то любопытно, что ему встрѣчается.

Все еще не успѣваю я прислать къ вамъ мою находку въ Десятинной церкви, но авось удосужусь [3]).

Свидѣтельствуя вамъ и почтенной вашей супругѣ Аннѣ Андрѣевнѣ мое почтеніе съ благодарностію за ея приписку, имѣю честь быть всегда и пр.

Евгеній, митрополитъ Кіевскій.

Прошу прилагаемое письмо доставить Михайлѣ Трофимовичу [4]).

Я читаю изданныя вами Кешеновы Понтійскія древности: но не нахожу при книгѣ оттисковъ медалей. Будутъ ли они? пришлите.

4.

Отъ 21 сентября 1830 года.

Письмо ваше, отъ 29 августа, я получилъ и благодарю, какъ за оное, такъ и за приложенія. Книжку вашу о *Пословицахъ* съ удовольствіемъ я прочиталъ. Скорѣе докончивайте сей курсъ національной нашей морали и доставьте мнѣ вполнѣ. Рѣчь *Малова* [5]) нашимъ у васъ не понравилась, можетъ быть потому, что она

---

[1]) Г. А. Розенкампфъ.

[2]) Къ обозрѣнію Кормчей книги.

[3]) Это кусокъ серебра вѣсомъ въ 38 золотниковъ, который Евгеній считалъ за кіевскій рубль, какъ видно изъ письма его къ предсѣдателю московскаго общества и. и древн. помѣщеннаго въ журналѣ общества 18 марта 1829 г.

[4]) Каченовскому.

[5]) Михаилъ Яковлевичъ Маловъ, Экстраординарный профессоръ

уничижаетъ новую философію, коею у васъ многіе заражены, такъ многіе изъ нашихъ мрачныхъ мистиковъ. Прошу сказать мою благодарность г. Сандунову [1]) за актъ древняго нашего судопроизводства. Старики наши умѣли разбирать дѣла и судить безъ нынѣшнихъ формъ, въ которыхъ канцеляріи больше запутываются.

Въ мнѣніи о Глинкѣ [2]) я съ вами согласенъ. Декламаторы всегда жалкіе люди и, проповѣдуя всегда больше о себѣ, не заслуживаютъ жалости, а накопецъ отъ досады съ ума сходятъ и въ сумашествіи еще декламируютъ.

2-й томъ Полеваго исторіи я прочиталъ. Довольно разборчиво, по жалѣю, что онъ разбранилъ Владиміра Мономаха, въ которомъ были слабости и пороки его вѣка, но въ вѣкѣ его не было его достоинствъ и добродѣтелей.

Чудно что вашъ президентъ Общества М. (Малиновскій) еще не утвержденъ, развѣ не надѣются на его дѣятельность?

магистръ политическаго отдѣленія, произнесъ въ торжественномъ собраніи Московскаго университета, въ воспоминаніе незабвеннаго дня учрежденія университета, 12 января 1830 года: *Слово о благотворномъ вліяніи истинной нравственности на образованіе юношества.* Въ этой рѣчи ораторъ упоминаетъ сначала о семидесяти-пятилѣтіи, протекшемъ съ основанія университета и потомъ переходитъ къ главному вопросу, показывая важность нравственнаго воспитанія для воина, судьи, воспитателя и т. д. Маловъ скончался въ 1849 году.

[1]) Николай Николаевичъ Сандуковъ, ординарный профессоръ русскаго гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Московскомъ университетѣ Извѣстно его *слово о необходимости знать законы гражданскіе, и о способѣ учить и учиться россійскому законовѣдѣнію*, произнесенное имъ въ торжественномъ годовомъ собраніи М. У. іюля 6 дня 1822 года. Біографическую о немъ замѣтку см. мой біографическій очеркъ Снегирева, а болѣе подробныя свѣдѣнія помѣщены въ Біографическомъ Словарѣ Профессоровъ Московскаго университета.

[2]) Конечно о Сергѣѣ Николаевичѣ.

Газеты ваши набряжжали намъ уши жалобами о В. Пушкинѣ. Я читалъ его стихотворенія, очень цѣховыя и плоскія.

Что-то Великій Князь Михаилъ Павловичъ, получилъ-ли у васъ облегченіе отъ искуственныхъ минеральныхъ водъ.

Г. Самойлову мое почтеніе. Теперь въ дворянствѣ больше будетъ писать.

Прилагаемое письмо Селиваповскому прошу отослать.

Всегда преданный вамъ Е.

5.

Отъ 8 Іюля 1831 года.

Два письма ваши, отъ 26 мая и 12 іюня съ 1-ю частью моей Псковской исторіи я получилъ и покорно благодарю. Замедлилъ я отвѣчать вамъ потому, что спѣшилъ отдѣлать послѣднія три части сей Исторіи, которыя при семъ къ вамъ и посылаю, покорно прося поскорѣе возвратить ихъ, а 1-я часть отдана уже въ типографію. Увѣдомьте меня, въ Рязанѣ *исадъ* [1]) что значитъ? По прочимъ замѣткамъ вашимъ я поправлю.

Всѣ свои *записки о свѣтскихъ русскихъ писателяхъ* я охотно къ вамъ пришлю, но это будетъ цѣлый коробъ и разбирать вамъ будетъ много хлопотъ, по крайней мѣрѣ я ввѣряю его другу, а у меня по смерти все пропадетъ. Я и *словарь духовныхъ писателей* намѣренъ завѣщать вашему историческому обществу.

---

[1]) См. слѣдующее письмо.

Благодарю за книжку указателя произведеній отечественной промышленности и за программу университетскаго пансіоннаго экзамена. Благодарю и за увѣдомленіе о новомъ вашемъ викаріѣ. Я отмѣтилъ его по вашей запискѣ въ исторіи Іерархіи.

Изъ Петербурга слышно, что вашъ владыка отказывается слабостью здоровья отъ поѣздки туда, правда-ли?

Въ нашей губерніи мятежи всѣ прекращены и болѣе 600 мятежниковъ заключены въ нашей крѣпости и судятся. Военныя вѣсти къ намъ доходятъ скорѣе, нежели до васъ и даже до Петербурга. Дѣйствій еще нѣтъ, но наши уже готовятся въ двухъ пунктахъ переходить за Вислу. Въ Варшавѣ контр-революція и многіе генералы и граждане уже заарестованы поляками. При всемъ напряженіи они уже не надѣются устоять. Клубъ патріотическій, въ которомъ Лелевель оракуломъ, въ подозрѣніи уже у Варшавцевъ.

Жаль, что въ вашемъ университетѣ несогласіе, а еще жалчѣе, что вамъ въ образецъ ставятъ Дерптскій, въ которомъ много уже было своевольствъ и возмущеній. Казанскій отъ того и пострадалъ.

Нашъ вѣкъ есть вѣкъ революцій и народъ склоненъ къ бунтамъ. Вотъ и въ Петербургѣ народъ нашалилъ по улицамъ, отъ испуга холеры, но она и вездѣ опять воскресаетъ. Проскакиваетъ и у насъ: но болѣе надъ пріѣзжими и проходящими войсками. У насъ безпрестанные дожди и отъ того сырость. Это способствуетъ холерѣ, а въ другихъ городахъ она умножается отъ воздуха. Найпаче въ свѣжихъ мѣстахъ, гдѣ она еще не бывала, преимущественно она свирѣпствуетъ. Читая разныя мнѣнія о ней врачей, приходитъ на мысль всѣхъ ихъ почитать вралями.

Телескопъ [1]) я читаю, Сынъ Отечества [2]) рѣзко обличилъ его въ одной лжи.

Строеву [3]) больше находокъ около Москвы, нежели въ дальнихъ сторонахъ, но когда онъ до насъ доѣдетъ, впрочемъ у насъ старины онъ не много найдетъ.

Вотъ и Цесаревичъ [4]) скончался по манифесту отъ холеры, а по вѣстямъ изъ Витебска отъ апоплексіи. Да и о Дибичѣ въ Варшавскихъ газетахъ пишутъ, что не отъ холеры, потому что и Пултускій аптекарь и каноникъ, у котораго Дыбичь обѣдалъ, и хозяинъ квартиры будтобы нашими арестованы.

Посылаю вамъ 2 экземпляра новоотпечатаннаго у насъ 2-го изданія описанія лавры. [5]) Первое 1200 экз. распродано въ 3 года. Одинъ экз. для вашей библіотеки, а другой въ Общество Исторіи, которое у васъ доселѣ безъ головы [6]). Еще между книгами влагаю нѣсколько монетъ въ кабинетъ Общества же. Многія Константинопольскія монеты найдены въ Переяславлѣ. Вотъ куда ихъ Греки занесли! Еще есть у меня 2 монеты, одна серебряная, а другая мѣдная нынѣшнихъ Грековъ съ именемъ Каподистрія, но ихъ одинъ охотникъ взялъ у меня посмотрѣть, послѣ пришлю.

Молю Господа Бога, да сохраняетъ онъ васъ со всѣми вашими среди нынѣшнихъ опасностей и призы-

---

[1]) Издатель П. И. Надеждинъ, б. профессоръ М. У.

[2]) Издатель Н. И. Гречъ.

[3]) Павлу Михайловичу, отправленному отъ археографической экспедиціи для собранія историческихъ памятниковъ.

[4]) Великій князь Константинъ Павловичъ.

[5]) Исторія княжества псковскаго и пр. въ 4 частяхъ, напечатана въ Кіево-печерской Лаврѣ.

[6]) т. е. безъ предсѣдателя.

вая на васъ благословеніе Его, есмь всегда преданный вамъ Е.

6.

Отъ 2 августа 1831 года.

Два письма ваши, отъ 11 и 18 Іюля, я получилъ, а на прошлой почтѣ и 2-ю часть моей исторіи. За все сіе покорно благодарю. 1-ой части почти половина уже отпечатана, посему прошу не задержать и слѣдующихъ частей.

Замѣтки ваши во 2-й части я пересмотрѣлъ и согласенъ, прошу и въ слѣдующихъ частяхъ замѣчать, но не понимаю почему вамъ сомнительными показались годы о Судиславѣ князѣ въ Кіевѣ постриженномъ.

Въ 1-й части вы по рязанскому смыслу замѣтили вмѣсто *исады*, *сады*. Я знаю, что и въ Москвѣ на травляхъ зайцевъ называютъ *садкою*, но рыбная ловля не *садка* и въ Псковскихъ грамматахъ вездѣ пишутся *исады*, да и нынѣ притонья тамъ называются также; посему я удержалъ свое названіе.

Благодарю за актъ университетскій 3 іюля. Теперь диссертацій о *краснорѣчіи* много уже написано, а диссертація Ейнбродта [1]) весьма любопытна. Годовой

---

[1]) Петръ Петровичъ Эйнбродтъ, ординарный профессоръ Анатоміи въ М. У. (род. 1802 ум. 1840). Въ 1826 г. удостоянъ былъ степени доктора медицины за анатомическую диссертацію de nervis abdominis. Ревностный ученикъ знаменитаго Европейскаго ученаго Лейбъ-Медика и профессора Х. Н. Лодера, преподававшаго въ М. У. анатомію тѣла человѣческаго, въ память заслугъ своего наставника и благодѣтеля произнесъ, по смерти его, рѣчь въ Анатомическомъ театрѣ 18 апрѣля 1832 года и предложилъ членамъ университета и извѣстнымъ лицамъ столицы собрать сумму, на которую его стараніями воздвигнутъ бюстъ

отчетъ университетскій очень нуженъ. Естьлибы и предки такъ дѣлали, то легко бы составить исторію университета, которую нынѣ трудно отыскать.

Благодарю и за заглавный листокъ къ жизни Платона. Подъ заглавіемъ почеркъ точной руки покойнаго, но портретъ очень молодъ. Въ старости физіономія его была совсѣмъ другая. Я прочиталъ вашу 1-ю часть его жизни. Это не біографія, а панегирикъ со всѣми мелочами житейскими. Можетъ быть въ третій разъ передѣлаете сію книгу. Bon mot графа Разумовскаго, подставленный къ тирадѣ изъ проповѣди, ослабляетъ дѣйствіе оной и вмѣсто восхищенія смѣшитъ и читателя. А за 1-ю книжку вашихъ *пословицъ* премного благодарю. Мастерски отдѣлана и не напрасно вы медлили, чтобы обогатить ее начетливостью.

Жаль мнѣ моего товарища и друга Тверскаго владыку. [1]) Его не почтили не только архіерейскимъ погребеніемъ, но ниже извѣщеніемъ о смерти въ газетахъ. Не знаю, успѣлъ ли онъ собрать и исправить свои проповѣди, которымъ и Москвичи завидовали. А мнѣ онъ писалъ, что хотѣлъ много ихъ исправить и ненавистные лишки выключить. Кромѣ проповѣдей онъ въ литературѣ ничѣмъ не занимался. Хорошо зналъ языки: греческій, латинскій, нѣмецкій и французскій. Краткую біографію его я сообщилъ Гречу, помѣщенную въ его учебной книгѣ.

Лодера, хранящійся теперь въ анотомическомъ кабинетѣ М. У. Если бы нашелся подобный Эйнбродту ревнитель, который слѣлалъ бы предложеніе членамъ университета, собрать подписку на сооруженіе надгробнаго памятника на могилѣ И. М. Снегирева; на ней нѣтъ и креста!!!

[1]) Этимъ товарищемъ и другомъ преосв. Евгенія былъ Амвросій (Алексѣй) Протасовъ, бывшій съ 1799 года ректоромъ Петербургской духовной Академіи, съ 1801 г. епископомъ тульскимъ, съ 1816 г. архіепископомъ казанскимъ, а съ 1827 года тверскимъ скончался въ 1831.

Не бойтесь угрозъ объ отравѣ и пожарахъ. Все это народный terror panicus. У насъ также съ весны были такія же угрозы: но никто отъ отравы не умеръ и ни одного пожара не было.

Объ этомъ іерархѣ митрополитъ Платонъ говорилъ: «если-бы я такъ писалъ, какъ онъ, меня-бы сходилась слушать вся Россія». Слова его изданы въ Спб. 1856 г. Для образчика, какъ въ своихъ проповѣдяхъ Амвросій бичевалъ современныхъ ему дѣятелей, приводимъ слѣд. строки: «Что слышимъ мы? Чтобы поддержать свое мѣсто, чтобы содѣлать значительнымъ свой чинъ,—надлежитъ имѣть, говорятъ, пышный столъ,—надлежитъ обиловать серебромъ и золотомъ, надлежитъ богатѣть, роскошествовать, веселиться. А добродѣтель? О! вооруженному мечемъ власти не нуженъ утлый посохъ добродѣтели. А попеченіе о благѣ сущихъ подъ рукою нашихъ? О! когда имъ заниматься тамъ, гдѣ все призываетъ къ удовольствію, къ забавамъ, къ разсѣянности!—А дѣла общественнаго служенія? О! ихъ можно утверждать именемъ власти и не читавши. А творить судъ и милость? Можно, когда сіе входитъ въ разсчетъ власти, выгодъ жизни или уваженія свѣта. Но обиженные вопіютъ о правосудіи? Пусть вопіютъ они: вопли ихъ можно заглушить силою власти! Но притѣсненные неправдою проливаютъ слезы горести, страданія, слезы, отъ коихъ каменная душа должна растаять, какъ воскъ? Пусть они проливаютъ слезы яко воду, только бы намъ было весело, говорятъ въ свѣтѣ. Но совѣсть, яко стражъ, не дремлющій на стражѣ своей будетъ угрызать душу твою? О! совѣсть есть страшилище простодушныхъ, а не приставникъ дѣламъ нашимъ. ...

«Согласимся братья, что все сіе такъ будетъ.—Пусть Господь коснитъ судъ свой, люди налагаютъ перстъ на уста: однакожъ собственная честь его не страдаетъ-ли? Что ежели возлежитъ онъ на ложѣ безпечности и спитъ крѣпкимъ сномъ, а корабль правленія его власти въ волнахъ и среди неправдъ и безпорядковъ и неустройствъ и волненій бури житейскія»? (272.273).

Эта выдержка отчасти можетъ характеризовать самый тонъ проповѣдей, за который едва-ли могли терпѣть проповѣдника мѣстныя власти а потому неудивительно, что послѣ смерти его власти не позаботились ни объ архіерейскомъ погребеніи своего не потворствовавшаго ихъ слабостямъ архипастыря, ни объ извѣщеніи въ газетахъ объ его кончинѣ?

Кстати считаемъ не лишнимъ присовокупить, что латинская грамматика Амвросія, по отзыву Филарета Черниговскаго и Нѣжинскаго (см. обзоръ рус. дух. лит. стр. 221) понынѣ остается классическою для духовныхъ училищъ.

Дружеская переписка Евгенія съ Амвросіемъ, если она уцѣлѣла, заслуживаетъ того, дабы она была издана.

Пользуемся симъ случаемъ заявить нашу покорнѣйшую просьбу къ тѣмъ лицамъ, у коихъ находится переписка преосвященнаго Евгенія съ кѣмъ бы то ни было, дабы они благоволили таковую или въ подлинникахъ

Изъ арміи мы имѣемъ благопріятныя вѣсти о разбитіи Скрынецкаго за Вислою и о богатой добычѣ его пушекъ. Нашему фельдмаршальскому Сакенову штабу и самому фельдмаршалу велѣно переѣхать въ Дубно, поближе къ дѣйствующей его арміи.

Наша епархія отъ разбора духовныхъ уволена и мы спокойны. Нѣтъ уже у насъ и бунтовщиковъ, кромѣ схваченныхъ уже и судимыхъ въ нашей крѣпости.

Записокъ къ Словарю о писателяхъ русскихъ я не начиналъ еще собирать. Всѣ разбросаны по бумагамъ, которыхъ у меня много. Но отдѣлавшись отъ псковской исторіи, примусь собирать и къ вамъ отправлю.

Не удивительно, что и Дерптъ заразился холерою. Онъ на большой дорогѣ изъ Петербурга въ Ригу Докторовъ тамъ много, но все школьные теоретики, а Мудровъ [1]) нашъ и практикъ былъ и печаталъ наставленія противъ холеры: но самъ ею умеръ. Не напрасно народъ золъ и на докторовъ.

Я отыскалъ и еще у себя монеты пришлю ихъ вамъ въ общество.

Слышно у насъ, что и въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ что-то непріятное случилось, всему причиною поселенскія строгости военныя.

Въ Молдавіи сверхъ холеры свирѣпствуетъ еще и Азіатская чума, а Яссы и отъ нихъ и отъ пожара совершенно опустошены.

Призывая на васъ благословеніе Божіе,

есмь всегда преданный вамъ Е.

или въ копіяхъ доставить для напечатанія въ Евгеніевскомъ сборникѣ матеріаловъ для біографіи митрополита Кіевскаго Евгенія, издаваемомъ въ память столѣтняго юбилея рожденія этого Іерарха.

[1]) Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ профессоръ патологіи, и терапіи; род. 1772 г., въ Вологдѣ, ум. 8 іюля 1831 въ Петербургѣ отъ холеры,

7.

Отъ 18 мая 1832 года,

Два письма ваши, отъ 2 и 23 апрѣля, я получилъ и благодарю за оныя. Преосвященный Кириллъ Подольскій гостилъ у насъ 5 дней и вчера выѣхалъ въ свою епархію.

И такъ скончался и Калайдовичъ! а за біографію Розенкампфа, напечатанную вами въ Московскихъ вѣдомостяхъ и я вамъ благодарю.

Отъ священника Діева [1]) попросите его описаніе Костромскихъ монастырей и ко мнѣ пришлите.

Вашъ соревнователь Самойловъ опредѣлился на службу въ Кіевъ. Онъ собираетъ исторію о русскихъ кабакахъ и русской винной продажѣ!

Буду ждать вашихъ замѣчаній на исторію Іерархіи.

Въ Воронежѣ преосв. Рязанскій открылъ уже коммисію о мощахъ пр. Митрофана.

Призывая на васъ благословеніе Божіе и пр.

Е.

8.

Отъ 11 іюня 1833 года.

Письмо ваше отъ 23 апрѣля получилъ я по возвращеніи изъ моего объѣзда по епархіи, а потому то и замедлилъ и отвѣчать вамъ.

гдѣ и похороненъ на Выборгской сторонѣ на б. холерномъ кладбищѣ за Самсоніевскою церковью. См. о немъ замѣтка въ біографіи П. М. Снегирева.

[1]) Переписка священника Діева со Снегиревымъ будетъ напечатана въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ.

Весьма жалѣю о непріятныхъ вашихъ обстоятельствахъ, но кажется, вы больше ихъ воображаете, нежели сколько есть. Всякъ имѣетъ въ жизни непріятелей и самъ Богъ ихъ имѣетъ, но они полаютъ, полаютъ и уставши, сами перестанутъ, а послѣ обратятся на кого нибудь другого.

Баптышъ-Каменскій [1]) самъ будучи въ Петербургѣ и лично видаясь съ министромъ, легче могъ бы заступиться за васъ, нежели я изъ Кіева. Да я и не въ перепискѣ съ министромъ. Не больше двухъ писемъ я отъ него получилъ и то по дѣламъ, а приватнаго ничего. Какъ же я могу вступаться въ московскія дѣла? Молитесь Богу, заступнику гонимыхъ, Онъ постыдитъ враговъ вашихъ.

Въ послѣднемъ засѣданіи вашего общества, президентъ представлялъ кожаныя монеты, доставленныя ему изъ слободы Александровской. Нельзя-ли съ нихъ снять слѣпки, хотя на облаткахъ и мнѣ прислать? Вы много симъ меня обяжете.

Призывая на васъ благословеніе Божіе и пр. Е.

9.

Отъ 20 апрѣля 1834 года.

Письмо ваше, отъ 7 марта, получилъ я и покорно благодарю за 3-ю часть вашихъ *пословицъ*. Эта книжка тучно напитана историческими свѣдѣніями, дѣлающими вамъ честь. Въ благодарность посылаю вамъ *польскія пословицы* въ 3 частяхъ, купленныя мною

[1]) Дмитрій Николаевичъ, который, былъ нѣсколько лѣтъ подъ судомъ за управленіе Тобольской губерніей, въ этомъ году получилъ полное удовлетвореніе за потерпѣнную несправедливость и по повелѣнію Государя Николая Павловича былъ снова принятъ на службу.

на прошлыхъ контрактахъ. Я ихъ прочиталъ съ удовольствіемъ, тутъ также много историческаго и характеристическаго; есть нѣкоторыя и сходныя съ русскими. Польская литература начала было процвѣтать и я каждый годъ покупалъ здѣсь много хорошихъ новыхъ книгъ. Но теперь все у поляковъ умолкнетъ.

Читалъ въ ученыхъ запискахъ вашего университета прекрасную вашу статью о *древней картинѣ* [1]). Спасибо вамъ. Продолжайте постыжать завистниковъ хорошими сочиненіями.

Отъ предсѣдателя вашего получилъ я 6-ю часть Трудовъ Историческаго Общества и благодарилъ его за оную.

Благодарю за присылку кожаной вашей монеты и возвращаю ее вамъ съ благодарностью. Вы ее найдете въ 1-й части польскихъ пословицъ. Мой пріятель нумизматоманъ баронъ Шодоаръ проситъ, нельзя-ли въ Москвѣ закупить для него нѣсколько кожаныхъ монетъ, чего бы они ни стоили. Я отъ себя посылаю вамъ въ той же книгѣ три монеты псковскихъ разнаго клейма, такихъ я получилъ изъ Пскова 30-ть. Справьтесь есть-ли они въ мюнцъ-кабинетѣ вашего общества, — я бы прислалъ.

Катихизиса [2]) съ пропускомъ воскресенья мертвыхъ я еще не отыскалъ, но на всякаго мудреца довольно простоты.

Съ приближающимся христіанскимъ праздникомъ васъ поздравляю и желаю вамъ со всѣми вашими оный проводить въ радости, здравіи и спокойствіи, а съ мо-

---

[1]) Статья эта будетъ напечатана въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ

[2]) Митрополита Филарета.

ей стороны призывая на васъ благословеніе Божіе, и пр. Е.

10.

Отъ 16 іюня 1834 года.

Не успѣлъ я еще отвѣчать вамъ на письмо, отъ 21 мая, за отлучкою моею изъ Кіева, какъ получилъ и другое отъ 1 іюня; теперь на оба отвѣчаю. Изданное вами Гарлесовое начертаніе Римской Литературы хорошо. У меня есть Фабриціево и подробнѣе сего, но у Гарлесса больше критики. Читалъ я въ ученыхъ запискахъ вашего университета статью вашу, *исторію Университета* [1]). Прекрасно! Вы достойны имени университетскаго исторіографа.

Вотъ и пресловутый Телеграфъ дождался запрещенія; но деньги съ подписчиковъ впередъ забраны, и Богъ вѣсть, чѣмъ заплатитъ. Хотя бы поскорѣе оканчивалъ свою исторію, а романы пересталъ бы писать.

Чудно, что Анастасевичъ вызвалъ васъ опять къ перепискѣ. Онъ сталъ лѣнивъ и ко мнѣ рѣдко пишетъ.

Рано у васъ въ Москвѣ начали толковать о перемѣнѣ вашего владыки. Онъ отпущенъ на четыре мѣсяца, а изъ Петербурга ничего болѣе не пишутъ. Думаю не Казанскому, а Тверскому достанется его мѣсто.

Радъ я буду видѣться и познакомиться съ вашимъ купцомъ анитикваріемъ Царскимъ [2]), такіе люди рѣдки.

---

[1]) Статья эта будетъ напечатана въ Снегиревскомъ Сборникѣ.

[2]) Все собраніе этого любителя и знатока уцѣлѣло для науки и поступило къ гр. Уварову. См. біогр. очеркъ И. М. Снегирева.

Дипломъ вашъ Нестору въ рамѣ, и потому другой не надобно.

Книги Глаголева: *Умозрительныя и опытныя основанія словесности* я не видалъ, но теперь выписываю ее.

Хвостовъ графъ [1]) пишетъ ко мнѣ, что онъ собираетъ по алфавиту *замѣчанія о русскихъ писателяхъ* и что окончилъ до буквы М. Хочетъ напечатать, а я все еще не удосужусь собрать и послать къ вамъ мои *записки*. Куча большая и разбросана между бумагами.

Статьи вашей о *византійскомъ искусствѣ въ отношеніи къ русскому* я не получалъ, а потому и не знаю, что отвѣчать вамъ.

У васъ будетъ посвященіе Томскаго Архіерея. Увѣдомьте, когда посвященъ будетъ.

Преданный вамъ Е.

11.

Отъ 10 марта 1836 года.

Два письма ваши, отъ 22 и 1 февраля получилъ я, а также и 1-й листъ вашихъ *праздниковъ*. Сіе сочиненіе ваше столь же любопытно, какъ и о пословицахъ. Вы глубоко и съ обширными свѣдѣніями изслѣдываете предметы.

Много у васъ въ Москвѣ перемѣнъ. Вотъ и Малиновскій отъ васъ отходитъ. Каковъ-то будетъ новый. VII части Трудовъ вашего Общества буду ждать.

Полевой обремененъ работами — пишетъ и исторію

[1]) См. Переписку гр. Хвостова съ митр. Евгеніемъ въ *Сборникѣ Отд. I яз. и сл.*, т. V, вып., 1, стр. 236 и выше.

рускую и романы, а теперь задался еще и исторіею Петра I-го.

Благодарю за благопріятіе моего предложенія объ изданіи *словаря русскихъ писателей*. Я приначалъ уже готовить ящикъ на всѣ сіи бумаги и отправляю къ вамъ съ транспортною почтою. Напишу вамъ и совѣтъ откуда брать дополненія. Лѣтъ 20 уже я пересталъ самъ работать надъ сими біографіями, а потому достанется вамъ много дополнить.

Буду ожидать каталога Царскаго и вѣрю, что много у него любопытныхъ книгъ.

Рукописи изъ патріаршей библіотеки требуются въ Петербургъ, потому что М. Ф. [1]) дерется съ раскольниками и уже издалъ нѣсколько брошюръ.

Желаю вамъ здоровья, спокойствія и удовольствія,

всегда преданный вамъ Е.

12.

Отъ 19 іюня 1836 года.

Посылаю къ вамъ недавно отпечатанный у насъ по вашей цензурѣ *Кіевскій Синопсисъ* для полученія билета на выпускъ, который прошу покорно, не замедля и выслать ко мнѣ. Тутъ одинъ непереплетенный экземпляръ для васъ, три для цензуры и одинъ для билета.

Хотя книга сія отцензурована вами еще въ 1831 году, но за недосугомъ типографіи не могла до нынѣ быть напечатана.

Я возвратился изъ епархіи 9 іюля; а до отъѣзда еще моего по транспортной почтѣ отправилъ я къ вамъ

[1]) Митрополитъ Филаретъ.

коробь съ словаремъ русскихъ свѣтскихъ писателей и васъ о томъ предувѣдомлялъ, но не знаю, получиль-ли вы его доселѣ. Я еще нашелъ въ своей архивѣ списокъ другой сего словаря, который препровожду къ вамъ же. Работайте надъ нимъ къ вашей чести и славѣ! я никакого вознагражденія не хочу, кромѣ нѣсколькихъ отпечатанныхъ экземпляровъ.

Прилагаю письмо къ Царскому и прошу отослать ему.

Преданный вамъ Е.

13.

Отъ 13 іюля 1836 года.

Письмо ваше, отъ 14 іюля, получилъ я 10 числа. Слава Богу, что мой ящикъ съ бумагами сохранно до васъ дошелъ. Я уже писалъ вамъ, что нашелся у меня еще списокъ словаря, который на слѣдующей недѣлѣ отправлю къ вамъ также съ транспортною почтою, а особой выписки моихъ статей, напечатанныхъ въ Сынѣ Отечества, у меня нѣтъ, но вамъ и не нужно. Вы можете ихъ отыскать въ печатномъ журналѣ.

Напѣрскаго словарь объ остзейскихъ ученыхъ у меня есть и по требованію вашему посылаю вамъ его: но долго не держите и возвратите.

Есть еще у меня *словарь ученыхъ поляковъ* [1]), напечатанный во Львовѣ 1833 года въ трехъ томахъ. Въ немъ есть и наши малороссійскіе писатели и много относительнаго до Россіи. Не знаю, читаете ли вы по польски. Я бы также вамъ его прислалъ.

Ваше историческое общество потеряло уже свое

---

[1]) Chodyniecki. Dykcyonarz uczonych Polaków. Lwów 1833. 3 t.

право на сію книгу давнимъ небреженіемъ, а у автора никогда не можетъ отнять права на исправнѣйшее и полнѣйшее изданіе.

При Словарѣ Напѣрскаго посылаю вамъ еще списокъ членовъ Россійской академіи [1]), тутъ найдете членовъ, съ означеніемъ чиновъ и смерти, а это не лишнее для вашего словаря.

Прилагая отвѣтъ г. Муханову [2]), присланному мнѣ свой сборникъ, прошу доставить.

Наши университетскіе изъ Германіи профессоры похожи на вашихъ. Не умѣя учить русской юриспруденціи, толкуютъ ученикамъ только энциклопедію нѣмецкихъ всѣхъ царствъ юриспруденцій. О какъ они обрадовались, доставши Дерптскаго профессора Рейца [3]) книгу *Исторію россійскихъ законовъ*, переведенную у васъ Морошкинымъ, и не показывая ее ученикамъ, выдаютъ содержаніе ея за свои изслѣдованія!

Билета на Синопсисъ съ почтою я еще не получалъ, а еще экземпляръ онаго къ вамъ пришлю.

Будьте здоровы и благополучны и пр. Е.

14.

От 2 августа 1836 года.

Два письма ваши, отъ 4 и 25 іюля, я получилъ и поздравляю васъ съ начатіемъ вашего труда надъ словаремъ русскихъ писателей. Я увѣренъ, что вы

---

[1]) Онъ впослѣдствіи напечатанъ въ 1 ч. *Трудовъ Рос. Акад.* Спб. 1840.

[2]) Письма Евгенія къ Предсѣдателю археографической коммиссіи П. А. Муханову будутъ напечатаны въ Евгеніевскомъ Сборникѣ.

[3]) Переписка преосв. Евгенія съ профессорами Дерптскаго университета Рейцомъ и другими будетъ напечатана въ «Евгеніевскомъ Сборникѣ».

издадите его хорошо и съ хорошими дополненіями, а я лѣтъ двадцать имъ уже не занимался и думалъ, что отданный мною вашему историческому обществу въ 1813 году экземпляръ само общество исправитъ и дополнитъ; но оно его растеряло и за медленность лишило само себя права пользоваться имъ.

27 іюля съ транспортною почтою послалъ я къ вамъ и другой экземпляръ моего Словаря. Сличайте его съ прежнимъ. Изъ энциклопедическаго лексикона вы можете взять всѣ помѣщенныя тамъ біографіи писателей.

При отправленномъ къ вамъ чрезъ транспортную почту спискѣ Словаря приложилъ я книгу о *Зміевыхъ валахъ* съ ландкартою. Прошу процензуровать и возвратить, а ландкарту наймите вырѣзать на мѣди и корректуру ко мнѣ пришлите. Мы хотимъ эту книгу здѣсь напечатать.

При семъ письмѣ посылаю вамъ требуемый вами еще экземпляръ Синопсиса и Dykcyonarz uczonych Polaków Ходынецкаго. Учитесь потверже читать по польски и пересмотрите словарь и мнѣ возвратите.

Билетъ на Синопсисъ я получилъ только 31 іюля: но рѣчей вашихъ университетскихъ вы не прислали мнѣ.

При изданіи вами Словаря не упоминайте о моемъ имени. Журналисты и публика сами вспомнятъ обо мнѣ, а по смерти моей, какъ хотятъ.

Не знаю какой преосвященный Кириллъ доставилъ вамъ нашу диссертацію о *праздникахъ господскихъ*. Нашъ викарій Кириллъ скончался 16 апрѣля 1836 г. бывъ боленъ въ параличѣ больше года. Не Подольскій ли Кириллъ вамъ доставилъ?

Тяжелый для всѣхъ епархій Нечаевъ — Прокуроръ къ счастью нашему удаленъ отъ насъ; хуже его не будетъ.

Да подкрѣпитъ Господь ваши силы, а я всегда преданный вамъ Е.

15.

Отъ 15 февраля 1837 года, Кіевъ

Во первыхъ поздравляю васъ *высокородіемъ*, котораго вы давно достойны и желаю дамъ дослужиться до *превосходительства*.

На два письма ваши отъ 24 декабря и 16 января доселѣ не отвѣчалъ я, ожидая продолженія листовъ вашего Словаря. Но еще не вижу.

Возвращаю при семъ корректурный листъ плапъ зміевыхъ валовъ и прошу приказать еще одну ошибку исправить и потомъ отпечатать 25 экземпляровъ и съ самою доскою ко мнѣ прислать, приложивъ щетъ за вырѣзаніе доски и за почтовую пересылку. Прочіе экземпляры мы сами здѣсь отпечатаемъ.

Преосвященный Иннокентій къ намъ уже возвратился и не думайте, чтобы онъ противъ васъ подпалъ какому нибудь непріязненному вліянію. Да мнѣ кажется вы слишкомъ недовѣрчивы и сами себѣ выдумываете враговъ, о которыхъ никто не знаетъ.

Въ Устьсысольскѣ, гдѣ нынѣ Надеждинъ, я былъ. Городокъ не большой, но холодный, тамъ въ іюнѣ мѣвяцѣ видѣлъ я морозъ, а за рѣкою Сысолою, протекающею подъ городомъ, безкопечныя болота, простирающіяся до печерскихъ горъ; отъ чего въ городѣ всегда сыро.

Въ предисловіи къ вашимъ праздникамъ прошу не упоминать обо мнѣ.

Статью Надеждина о ходѣ русской исторіи я читалъ въ журналѣ. Довольно хороша. Онъ способенъ на многое; но неизвѣстно, долго-ли онъ пробудетъ въ заточеніи.

Вотъ и стихотворецъ Пушкинъ умеръ отъ поединка. Онъ былъ хорошій стихотворецъ; но худой сынъ, родственникъ и гражданинъ. Я его зналъ въ Псковѣ, гдѣ его фамилія.

Устрялова исторіи я не видалъ, такъ какъ и Демонологіи Сахарова [1]), но о послѣдней читалъ въ журналѣ. Что за причина, что Каченовскій не благоволитъ къ издаваемому вами Словарю. Вѣрно изъ зависти. Читалъ я въ журналѣ просвѣщенія статью о его ополченіи и противъ Русской Правды, охота у него на парадоксы.

Прилагая письмо къ П. А. Мухапову прошу отослать, а мнѣ квартира его неизвѣстна. Онъ мнѣ прислалъ изданную имъ *рукопись Филаретову*.

Желая вамъ найлучшаго здоровья и призывая на васъ совсѣми вашими благословеніе божіе, есмь преданный вамъ Е.

Баронъ Шодоаръ, находящійся еще въ Петербургѣ, желаетъ вашему историческому обществу подарить экземпляръ своей греческой нумизматики и спрашиваетъ меня, какъ доставить. Я отвѣчалъ, что можно на имя самаго общества или на имя ваше. Не знаю, прислалъ-ли онъ.

---

[1]) О Сахарсвѣ см. очеркъ И. М. Снегирева.

Замѣтка отъ издателя.

Это послѣднее письмо къ Снегиреву, быть можетъ, было послѣднимъ изъ всей переписки Іерарха, ибо оно писано за нѣсколько дней до кончины его, какъ извѣстно, послѣдовавшей 23 февраля 1837 года.

Снигиревъ, получивъ, еще при жизни Іерарха рукописные матеріалы его для Словаря и издавъ нѣсколько листовъ его, вмѣнилъ себѣ въ обязанность почтить память заслугъ Іераха некрологомъ, который былъ имъ составленъ и напечатанъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Некрологъ этотъ заключаетъ въ себѣ много теплоты и истиннаго признанія заслугъ опочившаго Іерарха, заслугъ, которыя онъ, болѣе другихъ, понималъ и цѣнилъ и всегда съ особеннымъ уваженіемъ отзывался объ нихъ.

Письмо 1-е и замѣчанія напечатаны по черновымъ спискамъ, сохранившимися въ бумагахъ митрополита и переданнымъ наслѣдниками его. Слѣдующія затѣмъ письма Евгенія напечатаны съ автографовъ, сохранившихся у него И. М. Снигирева; нѣкоторыя другія изъ адресованныхъ къ нему преосвященнымъ письма находятся у любителей.

Воспоминанія И. М. Снегирева. Введеніе къ собственноручному его дневнику, съ приложеніемъ біографической замѣтки [1]).

Снегиревъ, Иванъ Михайловичъ Ординарный Профессоръ Римскихъ Древностей и Латинскаго языка, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Цензоръ Московскаго Цензурнаго Комитета, имѣющій знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ, Орденовъ Св. Владиміра 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени Императорскою короною украшеннаго Кавалеръ, родился въ Москвѣ, 1793 года, Апрѣля 23-го, и крещенъ въ Университетской залѣ, на квартирѣ Директора П. И. Фонъ-Визина.

Первоначально обучался въ домѣ родительскомъ, подъ руководствомъ отца своего, потомъ отданъ былъ въ Академическую Гимназію при Университетѣ и съ 1802 года является уже въ спискахъ учениковъ ея; въ 1807 году произведенъ въ Студенты; въ 1809 и 1810 го-

---

[1]) Біографическую замѣтку перепечатываемъ, безъ дополненій, въ томъ видѣ, какъ она явилась въ Словарѣ профессоровъ Московскаго Университета; она можетъ служить введеніемъ къ воспоминаніямъ его, напечатаннымъ въ „*Русскомъ Архивѣ*“ (№№ 5 и 6. 1866 г.); сіи же послѣднія дополняютъ дневникъ его, который начинается съ 1821 года и будетъ печататься въ слѣдующихъ выпускахъ «Старины Русской Земли».

дахъ удостоенъ два раза серебряной медали, за двѣ диссертаціи, отъ двухъ отдѣленій: Этико-Политическаго и Словеснаго. Въ 1810 г. произведенъ въ Кандидаты. Въ 1815 году 25-го Іюля, по испытаніи и защищеніи диссертаціи, удостоенъ степени Магистра Словесныхъ наукъ.

Съ 1810 г. Маія 27-го въ теченіи десяти лѣтъ отправлялъ должность Письмоводителя при Цензурномъ Комитетѣ и семь лѣтъ Архиваріуса при Совѣтѣ и переводчика при Правленіи Университета. По назначенію Университетскаго Совѣта преподавалъ Логику и Нравственность для чиновниковъ, службою обязанныхъ. Преподавалъ въ Университетѣ приготовительныя лекціи Латинской Словесности съ 1816 г. по 1826 г.—По назначенію Университетскаго Совѣта, преподавалъ начала Логики съ 1821 по 1826 г., занималъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ классы Россійской и Латинской Словесности; съ 1817 г. Ноября 8-го по 1827 годъ обучалъ въ Университет. благ. пансіонѣ латинской словесности и Римскимъ Древностямъ, Логикѣ и Нравоученію съ 1823 по 1826 г. — Адъюнктомъ произведенъ 1819 г. Февраля 19-го. По представленію Совѣта Воспитательнаго Дома, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Орденовъ Св. Анны 3-й степени, 1821 г. Мая 26-го, и Св. Владиміра 4-й степени, 1825 г. Декабря 23-го. — По порученію Г. Попечителя Московскаго Университета, осматривалъ училища Ярославской губерніи и Переяславскія учи-

лища Владимірской губерніи и окончилъ спорное дѣло, возникшее по случаю постройки Гимназическаго дома въ Ярославлѣ въ 1824 г. — Въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей состоитъ Дѣйствительнымъ Членомъ съ 1827 г., и съ того времени въ теченіи семи лѣтъ занималъ должность Секретаря. — Въ званіи члена Училищнаго Комитета обозрѣвалъ училища Тверской и Новгородской губерніи 1827 г. — Кромѣ исполненія возложенныхъ на него должностей, занимался изданіемъ учебныхъ книгъ Латинскаго языка: Грамматики и Христоматіи, 4-хъ томовъ Рѣчей Профессорскихъ съ біографіями и другихъ сочиненій (1819—1823), по порученію Общества Любителей Россійской Словесности, и произнесъ въ торжественномъ собраніи Совѣта Университета двѣ Русскія рѣчи, относившіяся къ торжеству основанія Университета, и одну Латинскую. Утвержденъ въ званіи Экстраординарнаго Профессора для каѳедры Римскихъ Древностей и Латинскаго языка 1826 г., Маія 3-го; Ординарнымъ Профессоромъ по той же каѳедрѣ 1826 г. Декабря 8-го. По избранію Совѣта Университетскаго и по утвержденію Г. Попечителя, былъ Членомъ Училищнаго Комитета въ продолженіи шести лѣтъ, съ 1826 г. по 1832 г. — Высочайше утвержденъ Цензоромъ Московскаго Цензурнаго Комитета, 1828 г. Ноября 16-го; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ, 1831 г. Августа 22-го.—Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ор-

дена Св. Станислава 3-й степени, 1834 г. Марта 2-го. За участіе въ изданіи Ученыхъ Записокъ объявлено ему Его Императорскаго Величества Высочайшее благоволеніе, 1834 года, Августа 6.—Изданная имъ книга: *«Русскіе въ своихъ пословицахъ»* удостоена Его Императорскимъ Величествомъ благосклоннаго принятія 1834 г. Мая 29. — Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ, 1834 г. Августа 22. — Изъявлена Г. Помощникомъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа совершенная благодарность за ревностное и успѣшное участіе въ изданіи Ученыхъ Записокъ въ 1834 и 1835 Академическомъ году, 1835 г. Іюня 24-го; Г. Министромъ Народн. Просвѣщ. за дѣятельное участіе и труды въ изданіи журнала Министерства Народнаго Просвѣщ. объявлена благодарность, 1835 г. Ноября 6-го. Въ слѣдствіе преобразованія Университета по Высочайше утвержденному 26-го Іюля 1835 г., уставу, по просьбѣ его, уволенъ отъ должности Профессора съ оставленіемъ въ должности Цензора, 1836 г. Января 1-го. Произведенъ въ Статскіе Совѣтники со старшинствомъ со дня выслуги въ прежнемъ чинѣ, 1836 г. Декабря 18-го.—Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, 1836 г. Августа 22-го. Опредѣленъ сторонним Цензоромъ Московскаго Цензурнаго Комитета, 1838 г. Августа 10-го. — За сочиненіе свое: *Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды*, удостоился получить отъ Государя Императора брил-

ліантовый перстень, 1839 г. въ Апрѣлѣ; — Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Станислава 2-й степени, Императорскою короною украшеннаго, 1843 г. Окт. 8; — назначена ему къ производству, сверхъ жалованья, пенсія серебромъ 428 р. 88 коп. въ годъ, со дня выслуги имъ 15-ти лѣтняго въ званіи Цензора срока, 1843 г. Ноября 16-го; Всемилостивѣйше утвержденъ въ званіи Члена Высочайше учрежденнаго Комитета для изданія Русскихъ Древностей, 1844 года Сент. 13-го. За руководство Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, при обозрѣніи Московскихъ достопамятностей, Всемилостивѣйше награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ, 1846 г. Марта 13; Всемилостивѣйше награжденъ за отличіе по службѣ подаркомъ въ 500 р. сер., 1847 г. Дек. 30. Съ разрѣшенія Г. Министра Народн. Просв., при введеніи дѣйствіе новаго устава Цензурнаго управленія по вѣдомству Министерства Народн. Просвѣщ., оставленъ въ занимаемой Цензорской должности, 1850 г. Ноября 17-го. По удостоенію Комитета Гг. Министровъ въ слѣдствіе ходатайства Начальства, Всемилостивѣйше пожалованъ за отлично-усердную службу въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, 1851 г. Дек. 29-го. Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XL-лѣтнее достоинство, 1853 г. Авг. 22; Всемилостивѣйше пожалованъ Орденомъ Св. Владиміра 3-й степени 1854 г. Февраля 23.

Съ 1816 года по 1835 годъ И. М. Снегиревъ за-

нималъ въ Университетѣ каѳедру Латинской Словесности, сначала какъ Адъюнктъ, приготовительную, потомъ какъ Профессоръ, Ординарную; но когда, въ слѣдствіе преобразованія Университета, оставилъ сію каѳедру, то, предавшись свободно любимому предмету своихъ занятій, изученію отечественныхъ древностей, «трудами своими, какъ сказано въ Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ, представилъ не только богатый запасъ и пособіе для изслѣдованій, но и начала самыхъ изслѣдованій.» Къ основанію Рус. Археологіи, какъ науки, кромѣ любви къ ней, неутомимаго труда, обширныхъ знаній, онъ употребилъ ученую методу, которую заимствовалъ у наставниковъ своихъ Буле, Маттеи и Тимковскаго. Плодомъ этихъ занятій явились книги, справедливо заслужившія у насъ въ отечествѣ и за границею всеобщую извѣстность. П. М. имѣетъ дипломъ на званіе Члена: 1) Императорскаго, Моск. Общ. Исторіи и Древ. Рос. съ 10-го Маія 1824 г.; 2) Королев. Копенгаг. Общ. Сѣверн. Антикваріевъ съ 31-го Ян. 1835 г.; 3) Одесск. Общ. Любителей Исторіи и Древн. съ 23-го Апр. 1839 г.; 4) Члена Корреспондента Императорскаго Археолого-Нумизматическаго Общ. въ С.-Петерб. съ 9-го Фев. 1848 года.

Литературная дѣятельность П. М. обнаружилась весьма рано, сначала въ Вѣстникѣ Европы, гдѣ помѣщалъ онъ многіе свои переводы, потомъ въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Сочиненія его:

1) Nova Chrestomathia Latina, M. 1811, въ 8.—

2) Dissertatio de profectibus Romanorum in disciplinis severioribus, на степень Магистра. 1816 г.—

3) *Очерки жизни Московскаго Архіепископа Августина.* 3-е изд. 1848, въ 8.—

4) Nova Chrestomathia poëtica. M. 1818, въ 8.—

5) *Плутархъ для прекраснаго пола, или галлерея знаменитыхъ Россіанокъ.* ч. V и VI, M. 1819, въ 12. Прибавленіе къ переводу его же, Снегирева, Бланшардова и Проніакова Плутарха для прекраснаго пола въ 4-хъ частяхъ, M. 1816, въ 12. —

6) De origine, statu et incrementis Caesareae Universitatis Mosquensis sub auspiciis Aug. Imperatrici Elisabethae I conditae ab anno 1754 ad 1762. M. 1830, in 4. Тоже сочиненіе въ Русскомъ переводѣ напечатано въ Ученыхъ Запискахъ 1834 года.—

7) *Начертаніе житія Московскаго Митрополита Платона* 2 ч. новое изд. M. 1831, въ 8.—

8) *Русскіе въ своихъ пословицахъ* 4 кн. M. 1831—1834, въ 12.—

9) *Латинская Грамматика, приспособленная къ Русскому языку,* изд. 3-е, съ дополненіями, M. 1836 г. въ 4. —

10) *Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды.* 4 выпуска, съ 1837 по 1839, M. въ 4.—

11) *Троицкая Лавра.* M. 1842 г. въ 12.—

12) *Новоспасскій монастырь.* M. 1843 г. въ 12—

13) *О лубочныхъ картинкахъ Русскаго народа.* М. 1844 г. въ 8.—

14) *Письмо объ иконописи къ Графу А. С. Уварову.* Спб. 1848 г. въ 8. Это сочиненіе послужило главнымъ матеріаломъ для сочиненія Г. Сабатье: Notions sur l'iconographie sacrée. St. Pet. 1849.—

15) *О порядкѣ словъ Латинскаго языка,* по Цицерону. М. 1848 г. въ 8.—

16) *Памятники Московской Древности,* XI тетрадей въ 4.—

17) *Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества.* М. XV тетрадей съ 1846 по 1854 годъ, въ листъ. Другое изданіе въ 12, съ дополненіями и поправками, 4 кн.—

18) *Русскія народныя пословицы и притчи* съ предисловіемъ. М. 1848 г. въ 8—

19) *Древности Россійскаго Государства,* изданныя по Высочайшему повелѣнію, отдѣленіе I, IV и VI. М. 1849, 51, 53. въ 4. —

20) *Памятники древняго художества въ Россіи.* 3 тетр. М. 1850 г. въ листъ.—

21) *Дополненіе къ собранію Русскихъ народныхъ пословицъ и притчей.* М. 1854 г. въ 8. Сверхъ того издалъ *Изслѣдованія Барона Розенкампфа о Кормчей книгѣ; Повѣданіе и сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ,* вмѣстѣ съ *Словомъ о Полку Игоревѣ.*

Разныя статьи П. М. помѣщены въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, въ Губернскихъ и Вѣдомостяхъ Мос-

ковской Городской Полиціи, въ журналахъ: Другъ Юношества, Отечественныя Записки, изд. Свиньинымъ, въ Вѣстникѣ Европы, въ Историческомъ, Статистическомъ и Географическомъ Журналѣ, въ Новомъ Магазинѣ Естественной Исторіи, Физикѣ, Химіи и свѣдѣній Экономическихъ изд. Г. Двигубскаго, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, въ Библіотекѣ для Чтенія, въ Телеграфѣ, въ Ученыхъ Запискахъ, въ Москвитянинѣ и проч.

Переводы:

1) *Письма Принца Делинь*, въ 8, вмѣстѣ съ Профессоромъ Немировымъ, въ 10 томахъ.—

2) *Всеобщая Миѳологія сравненная съ Исторіею*, соч. Аб. Трессана. 4 ч. М. 1818 г. въ 12.—

3) *Рустрингія, первоначальное отечество перваго Россійскаго Великаго Князя Рюрика и его братьевъ*, соч. Герм. Голлманна. М. 1819 г. въ 8.—

4) *Досуги моего уединенія*. 2 ч. М. 1820, въ 12, и проч. *)

*) Въ концѣ дневника воспоминаній И. М. будетъ помѣщенъ подробный указатель всѣхъ его журнальныхъ статей, съ обозначеніемъ, гдѣ именно онѣ первоначально были напечатаны. Перепечатывая Воспоминанія И. М. мы позволили себѣ оставить сдѣланныя къ нимъ примѣчанія редакторомъ «*Русскаго Архива*» Петромъ Ивановичемъ Бартеневымъ.

Воспоминанія.

Кто не находилъ отрады и особеннаго наслажденія обращаться мыслію къ лѣтамъ дѣтства и молодости, когда все представлялось намъ въ другомъ видѣ и цвѣтѣ, нежели въ лѣта старости? Казалось, и самая природа и окружавшіе насъ люди тогда были не тѣ, какіе нынѣ. Но все прошло, все изчезло какъ обаятельное сновидѣніе, какъ прелестный призракъ, или миражъ; осталось только воспоминаніе, которое мы теперь усиливаемся возобновить въ памяти и воображеніи своемъ, къ услажденію случайныхъ горестей жизни. Приближаясь къ могилѣ, мы любимъ возвращаться воображеніемъ къ своей колыбели. Какъ драгоцѣнны намъ и тѣ мѣста, гдѣ мы провели время своего ребячества! Для насъ интересны тѣ люди, которые насъ окружали, на насъ имѣли вліяніе, принимали въ насъ участіе!

Не могу опредѣлительно сказать, подобно другимъ автобіографамъ, съ какихъ лѣтъ началось у меня сознаніе и воспоминаніе. Апрѣля 23-го 1792 г. бабушка моя, вдова *Анна Ивановна Кондратьева*, слушала всенощную въ церкви св. Георгія въ Ендовахъ, какъ возвѣстилъ ей отецъ мой, магистръ, потомъ профессоръ Московскаго университета *Михаилъ Матвѣевичъ*, что Богъ ему послалъ сына *Ивана*. Бабушка приняла эту вѣсть съ восторгомъ, можетъ быть, особенно потому, что у нея дѣдъ назывался *Иванъ Михайловичъ Комаровъ*. По обычаю, новорожденному пророчили разныя счастливыя предсказанія; находили даже, что онъ родился о шести пальцахъ, какіе имѣли, по Библіи, исполины, но бабушка и судьба «на двое сказали».

Колыбелью моей былъ, на Никитской улицѣ въ Москвѣ, домъ священника противъ Никитскаго монастыря. Я крещенъ въ квартирѣ директора университета Павла Ивановича Фонъ-Визина; воспріемникомъ моимъ былъ архимандритъ Новоспаскій, а потомъ архіепископъ Ярославскій Павелъ, а воспріемницей дочь Фонъ-Визина, Марья Павловна, Съ Никитской мы переѣхали на Рожественку.

Помню, хотя и темно, то время, когда родители мои жили въ домѣ священника Рождественскаго монастыря Адріана Николаевича, лица весьма благочестиваго, который велъ строгую, подвижническую жизнь, почти ночи проводилъ въ молитвѣ, спалъ на голыхъ доскахъ, и вмѣсто мягкаго изголовья былъ у него камень. Въ памяти моей мелькаютъ отрывочныя подробности о разныхъ мелочныхъ въ жизни обстоятельствахъ; но глубоко впечатлѣлись слова, слышанныя отъ моей няньки Аграфены:

«Прежде были люди нѣжники, а то будутъ все тужики».

— «Что жъ это такое?» спрашивалъ я няню.

«А вотъ что: люди прежде все нищились, да прохлаждались, а то станутъ тужить и ничѣмъ не будутъ довольны».

— «Да отъ чего же это?»

— «Да Богъ знаетъ, отъ чего, чай отъ грѣховъ своихъ; такое уже настанетъ время».

— Бывши уже лѣтъ десяти, я ужасно сердился и спорилъ съ нянькою, когда она повторяла народное пророчество, что «Москва будетъ взята на 40 часовъ». Но это самое я слышалъ не отъ одной няньки, но и отъ моей бабушки Анны Ивановны Кондратьевой. Подобно голосу, летающему въ пустыняхъ Африканскихъ, и въ народѣ носятся темныя преданія и предсказанія, въ которыхъ таятся истины, распечатываемыя въ будущемъ и нерѣдко сбывается то, что̀ кажется намъ несбыточнымъ.

Предоставля себѣ сказать въ послѣдствіи о другихъ событіяхъ въ моей жизни, обращусь къ подмосковному царскому селу Измаилову, интересному для меня не по одному только историческому его значенію, но драгоцѣнному также по воспоминаніямъ: тамъ были жилища моихъ прадѣдовъ и дѣдовъ, тамъ ихъ священныя для меня могилы, тамъ

я провелъ лучшія лѣта моей жизни, лѣта самозабвенія и мечтанія. Я еще засталъ тамъ, въ самомъ началѣ XIX вѣка, дворецъ съ каменными службами, аптекарскій и виноградный сады, старый и новый звѣринцы, наполненные оленями, кабанами, Американскими свиньями и другими животными; въ звѣринцѣ цапельники, гдѣ на вершинѣ вѣковыхъ сосенъ цапли вили себѣ гнѣзда. Тамъ на моихъ глазахъ рыскала царская псовая охота за зайцами, лисицами, волками и медвѣдями. Словно теперь вижу, какъ медвѣдь, преслѣдуемый охотниками и собаками, перескочилъ черезъ высокій тынъ, окружавшій звѣринецъ. Кажется, будто теперь отдаются въ ушахъ моихъ стройныя и веселыя пѣсни охотниковъ, сопровождаемыя звуками тарелокъ и ложекъ съ бубенчиками, съ хлопаньемъ арапниковъ и выстрѣлами изъ ружей. Такъ живы и сильны впечатлѣнія этихъ охотничьихъ пѣсенъ, которыхъ съ тѣхъ поръ уже нигдѣ не слышу! Ихъ любили слушать юный Петръ II, Елисавета Петровна и Анна Ивановна съ Бирономъ, нерѣдко забавлявшіеся охотой и стрѣльбою изъ ружей въ Измайловскомъ звѣринцѣ. Это царское приволье для меня драгоцѣнно еще потому, что тамъ жила почти вся родня моей матушки и что тамъ женился мой батюшка; мимоходомъ замѣчу, что матушка моя родилась въ Казани, въ Пугачевщину, а батюшка увидѣлъ свѣтъ въ Александровѣ, въ то время, когда тамъ, въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, пребывала цесаревна Елизавета Петровна, крестная мать отца моего.

Заговорившъ объ охотѣ, не могу пропустить, что начальникомъ псовой охоты и форшмейстеромъ звѣринца тамъ былъ мой дядя (по женѣ его) *Павелъ Матѳеевичъ Изволь-скій*, охотившійся съ императоромъ Павломъ I и съ графомъ А. Г. Орловымъ: лихой наѣздникъ, рьяный охотникъ, мѣткій стрѣлокъ, который одинъ ходилъ съ рогатиной и ружьемъ на медвѣдя, 85-ти лѣтъ стрѣлялъ на лету ласточекъ и 90-та лѣтъ убилъ волка. Занимая нѣсколько лѣтъ выгодную должность форшмейстера въ Измайловскомъ звѣринцѣ, онъ оставилъ въ неотъемлемое наслѣдство женѣ и дѣтямъ честь и доброе имя. Въ 1812 году, потерявъ свое имущество, онъ, какъ искренно вѣрующій, не потерялъ надежды на помощь Божію; такое упованіе его не посрамило.

Къ нему можно примѣнить слова Псалмопѣвца: «юнѣйшій быхъ и се состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмени его просяща хлѣбы».

Дядя его, *Гавриила Матвѣевичъ*, былъ любимымъ стремяннымъ у императрицы Елизаветы Петровны, которая иногда посѣщала уютное его жилище, кушала у него любимую свою яишницу-верещагу, блины, домашнюю наливочку, бархатное пивцо и янтарной медокъ; зимою она съ нимъ каталась въ саночкахъ, а по прудамъ на конькахъ. Гавриила Матвѣевичъ былъ силачь и смѣльчакъ стараго Русскаго закала, прямо говорилъ правду, потому что жилъ честно и благочестиво, безъ лицемѣрія, царицѣ своей, разумѣется, и матушкѣ святой Руси, преданъ былъ душой и сердцемъ. Это давало ему смѣлость, которая не могла нравиться придворнымъ. Наши слова оправдаемъ самымъ примѣромъ изъ жизни Гавриила Матвѣевича.

Однажды случилось ему ѣхать у кареты государыни, которая, увидѣвъ, что онъ нюхаетъ табакъ изъ берестовой тавлинки, сказала ему:

«Какъ тебѣ не стыдно, Гавриила, нюхать изъ такой табакерки! Ты вѣдь царской стремянной; что подумаютъ обо мнѣ иностранные послы, коли увидятъ у тебя берестовую тавлинку? Эка, дескать, у нихъ голь царскіе слуги»! А они тогда были въ Москвѣ.

— «Гдѣ мнѣ взять серебряной табакерки? не воровать же стать».

— «Ну хорошо, я тебѣ пожалую золотую табакерку».

Послѣ того, прошло нѣсколько времени, а табакерки Гавриила не получалъ. Императрица собиралась куда-то ѣхать; карета стояла у подъѣзда, Гавриила былъ на готовѣ въ пріемной залѣ дворца, гдѣ собралось нѣсколько царедворцевъ. Между ними зашелъ разговоръ о правосудіи, въ который вплелся и Гавриила, какъ близкій къ государынѣ человѣкъ.

«Что вы толкуете о правдѣ, когда и въ царяхъ нѣтъ ея».

Такія слова подхватили придворные и передали государынѣ. Вотъ какъ, дескать, поговариваетъ жалуемый вашимъ величествомъ Гавриила! Надобно замѣтить, что въ то времроковое *слово и дѣло* вело въ истязательный Преображен-

скій приказъ. Добрая Елисавета, не чуждая придворныхъ сплетенъ, позвавъ Гаврилу Матвѣевича къ себѣ въ кабинетъ, съ кротостію спросила своего стремяннаго:

«Я слышала, ты говоришь, что въ царяхъ правды нѣтъ; скажи мнѣ, какую же неправду я сдѣлала предъ тобою»?

— «А вотъ какую», смѣло отвѣчалъ Гаврила, обѣщали мнѣ золотую табакерку, и вотъ сколько прошло мѣсяцевъ, а не исполнили своего обѣщанія»!

— «Ахъ, виновата, забыла»,— и съ этимъ словомъ вынесла изъ кабинета Гаврилѣ серебряную вызолоченную табакерку, Устюжской работы съ чернью. Тотъ, взявъ ее, поклонился до земли, а, посмотрѣвъ на подарокъ, молвилъ:

«Все таки моя правда, что въ царяхъ нѣтъ правды».

— «Какъ такъ»? шутя спросила императрица.

— «Да вѣдь ты изволила обѣщать золотую табакерку, а жалуешь вызоло́ченную, серебряную»!

— «Ну. ну, опять неправа, подай мнѣ серебряную, обмѣняю ее на золотую».

— «Нѣтъ, матушка, эта будетъ у меня будничною; извольте вынести мнѣ праздничную».

Такъ и сдѣлалось, какъ сказалъ Гаврило. И государыня, и стремянный остались довольными: одна шуткою, а другой двумя подарками отъ царицы.

Однажды, на именины, императрица прислала къ Разумовскому пирогъ, начиненный рублевиками. Когда онъ благодарилъ ее за такую милость, она спросила его:

«По вкусу ли ему пирогъ съ груздями»?

— «Какъ, матушка царица, не любить царскаго пирога съ груздями, хоть бы и съ рыжиками»!

Но завистливые козлодѣи уловили какія-то слова Гаврилы и онъ попалъ не только въ опалу, но и въ страшный Преображенскій приказъ, гдѣ сидѣлъ нѣсколько времени; потомъ, по ходатайству жены своей, прощенъ императрицею. Нынѣ покажется странною простота обращенія императрицы въ домашней жизни. Она любила слушать сказки и росказни простыхъ людей; даже брали для этого съ площади торговокъ къ ней въ опочивальню. Во время послѣобѣденнаго отдыха онѣ сиживали у ея постели и разсказывали всякую всячину, что́ видѣли и слышали въ го-

родѣ. Императрица, чтобы дать имъ свободу говорить между собою, иногда притворялась спящею; не укрылось это отъ смѣтливыхъ бабъ и отъ придворныхъ; послѣдніе подкупали первыхъ, чтобы онѣ, пользуясь мнимымъ сномъ императрицы, хвалили или хулили, кого имъ надобно въ своихъ шушуканьяхъ между собою. Такимъ образомъ обѣ стороны обольщались. Подъ смертною казнію имъ запрещалось разглашать, что онѣ бывали у государыни во дворцѣ и говорили съ нею.

«Смотри же», говаривалъ имъ царскій стремянный «ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами, а не то жилы вытянутъ, въ уголь сожгутъ, по уши въ землю вколотятъ» *).

Такіе угрозы, заимствованныя изъ Преображенскихъ и Константиновскихъ застѣнковъ, не рѣдко тогда употреблялись, когда хотѣли кого пристращать.

Возвратимся еще къ Гаврилѣ. Онъ былъ атлетическаго сложенія, силенъ тѣломъ и духомъ, крѣпокъ вѣрою въ Бога, непоколебимъ въ честности и въ преданности своей царицѣ. Благородство онъ ставилъ не въ знатномъ происхожденіи, а въ справедливости и добродѣтели, хотя происходилъ изъ столповыхъ дворянъ. Случилось какъ то, жена его пекла блины, а онъ, сидя у печки подлѣ нея, чинилъ свои сапоги: дѣти вокругъ ихъ вертѣлись въ ожиданіи горячихъ блиновъ. Толкуя о томъ и о семъ съ женою, они договорились до дворянскаго происхожденія своего. «Вѣдь мы не выходцы какіе и не разночинцы, а природные столповые дворяне!»

Съ этимъ словомъ Гаврило кинулъ сапоги и, схвативъ

---

*) Въ запискахъ Порошина, стр. 462: «Говорили, что въ то время (при Елисаветѣ) многіе по любви съ тѣми женщинами получали себѣ чины и мѣста выгодныя. Рѣчь была о Васильѣ Ивановичѣ Чулковѣ, что онъ во время государынинной болѣзни, по самую ея величества кончину, почти безотлучно при ней былъ и спалъ въ ея опочивальнѣ, такъ какъ камердинеръ. Зашелъ разговоръ о Елисаветѣ Ивановичѣ (?), что тогда всѣ дѣла черезъ нея государынѣ подавали...» — Въ Запискахъ Храповицкаго, стр. 52: «Изволила (Екатерина II-я) изъясняться о разности придворныхъ во время импер. Елисаветы Петровны и нынѣшнее.... Я говорилъ о старухахъ, чесальницахъ ножекъ». Домашній бытъ импер. Елизаветы Петровны превосходно описанъ Державинымъ въ стихахъ его *Царь-Дѣвица*, изд. Я. К. Грота, III, 122 — 130 *П. Б.*

изъ ящика подъ образами древнія жалованныя грамоты и дипломы дворянамъ Извольскимъ, кинулъ въ печь.

«Вотъ тебѣ и дворянство!» промолвилъ онъ.

Жена только ахнула, хотѣла что-то сказать; но, взглянувъ на висѣвшую на стѣнѣ ѣздовую нагайку, прикусила языкъ. Гаврило спокойно принялся за сапоги, а жена его за блины. Такъ въ огнѣ сжегъ онъ хвастовство своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, подобно царю Ѳедору Алексѣевичу, предавшему пламени мѣстническія книги!

Почему же жена не сдѣлала ему ни упрековъ, ни возраженій? Потому что она помнила возглашенныя слова Апостола при бракосочетаніи, а еслибъ ей случилось ихъ забыть, то мужъ напомнилъ бы ей тѣмъ осязательнымъ средствомъ, которое рекомендуетъ Домострой. Для новой Руси не понятно, даже дико, какъ это средство въ старой, до-Петровской, даже и по позднѣе, могло служить выраженіемъ супружеской любви. Впрочемъ не думайте, чтобы это было только въ необразованной Россіи; оно существовало и во Франціи, гдѣ закономъ дозволялось бить свою жену по произволу (battre sa femme à loisir).

Не легче было женамъ и въ ученой Германіи. Въ домашнемъ быту плетка и розга поддерживали и водворяли порядокъ и устройство. Гдѣ грозно, говоритъ пословица, тамъ честно, или: хорошо честь и гроза.

Это средство испыталъ на себѣ и племянникъ Гаврилы, Павелъ Матвѣевичъ Извольскій. Жена его, моя тетка, была красавица тѣломъ и душей; но молодой мужъ, при пылкомъ характерѣ, увлекся какъ-то соблазномъ, конечно не безъ содѣйствія бѣса, на котораго въ тотъ вѣкъ люди сваливали всѣ вины свои. Гаврила, провѣдавъ объ этомъ, пріѣхалъ сдѣлать племяннику увѣщаніе не въ сухихъ и общихъ наставленіяхъ, но въ осязательныхъ поученіяхъ, такъ что тотъ отъ его нагайки пролежалъ съ недѣлю не на спинѣ, а на животѣ.

Я знаю по преданію отъ родной бабки и отъ матери о прадѣдѣ своемъ *Василіѣ Кондратьевичѣ Кондратьевѣ*, который служилъ при Измайловскомъ дворцѣ и умеръ въ селѣ Измайловѣ на 113 или 114 году (а прабабка моя на 107 году). До меня не дошли подробности о его службѣ и дѣ-

лахъ; только одно мнѣ извѣстно, что наши Филемонъ и Бавкида жили въ счастливомъ супружествѣ 90 лѣтъ. Когда уже прадѣдъ положенъ былъ во гробъ, прабабушка успѣвалась плакать, но источникъ у нея уже изсякъ. Причитая по старому обычаю, она голосила: «отецъ ты мой, я съ тобою пожила, словно у печки погрѣлась». Въ счастливой жизни, во взаимной, неостывавшей теплотѣ сердца, такъ ей показались короткими 90 лѣтъ супружества. Кондратьевыми переименовалъ Петръ I Вороновыхъ. Одинъ изъ нихъ служилъ у него въ канцеляріи; на немъ нерѣдко бывала царская рука, и чуть не дубинка. Такъ я слыхалъ отъ бывшаго управителя подмосковными дворцами, коллежскаго ассессора Ивана Саввича Брыкина.

На погостѣ церкви Измайловской, Рождества Богородицы, погребенъ дѣдъ мой съ материнской стороны, придворный коммисаръ *Петръ Васильевичъ Кондратьевъ*, въ 1776 году, не старыхъ лѣтъ. Въ Казанской губерніи онъ былъ управителемъ казенныхъ крестьянъ. Въ то время, какъ грозный Пугачевъ приближался къ Казани, дѣдушка съ семействомъ своимъ сидѣлъ за столомъ. Вдругъ на дворъ въѣзжаетъ нѣсколько троекъ, входятъ въ столовую мужики. Дѣдушка не зналъ, что̀ и подумать, особливо въ то кипучее время, когда самозванецъ возмущалъ крестьянъ противъ господъ и когда многіе изъ помѣщиковъ дѣлались жертвами своеволія и самоуправства.

«Что вамъ надобно, братцы?» спросилъ дѣдушка.

— «Тебя съ женушкой и дѣтками», отвѣчали мужики.

При такомъ отрывистомъ отвѣтѣ, онъ могъ подумать объ угрожающей ему съ семействомъ опасности, даже о мучительной смерти, какой предавали необузданные крестьяне своихъ начальниковъ.

— «Нѣтъ, отецъ нашъ, не думай ничего худаго, мы пріѣхали спасти васъ за ваше радѣніе объ насъ, собирайтесь скорѣе! Пугачевъ близко».

Взявъ съ собою, что̀ успѣли, въ тороняхъ, бабушка съ дѣтьми, въ томъ числѣ, съ матушкою моей, поѣхала въ Москву—въ Измайлово. Дѣдушка скрылся въ крѣпости. Въ домѣ остался дворецкій Прокопій. Не замедлили явиться бунтовщики; приняв Прокопія за господина, они подняли

его на копья; имя его сохранилось въ указѣ; дѣвокъ Пугачевъ взялъ къ себѣ въ палатку; одна изъ нихъ, красивая собою, заняла у мнимаго Петра III мѣсто императрицы и носила на головѣ родъ короны, которую мнѣ довелось видѣть у Н. Полеваго.

По освобожденіи Казани отъ осады и по взятіи въ плѣнъ самаго Пугачева, дѣдушка переѣхалъ въ Москву и поселился въ Измайловѣ, ближе къ женинымъ и своимъ роднымъ. Въ числѣ ихъ тамъ находился мой прадѣдушка *Иванъ Саввичъ Брыкинъ*, о которомъ скажемъ нѣсколько словъ (о немъ упомянуто и въ энциклопедическомъ лексиконѣ) *).

Онъ родился въ Измайловѣ. Отецъ его Савва Григорьевичъ, братъ Михайла Брыкина, тамъ былъ подъячимъ приказной избы съ 1712 года января 28 и продолжалъ свою службу до 1733 года; умеръ 60 лѣтъ, а его мать, Елисавета Варѳоломеевна, на 100 году, отъ рожденія, въ 1758 г., оставляя сына своего Ивана сиротою. По сношенію и свойству съ придворными служителями, они видали императоровъ Петра I и Петра II, императрицъ Анну Ивановну и Елисавету Петровну могли знать и слышать о многихъ событіяхъ при дворѣ. Иванъ Брыкинъ, начавшій свое служеніе при отцѣ своемъ, любилъ разсказывать переданное ему отъ родителей, между прочимъ и то, что «государь Петръ Великій родился въ Измайловѣ».

Это самое и отвѣтилъ онъ собственноручно на лѣтописцѣ, доставшемся ему отъ отца, о рожденіи тамъ Петра Великаго, и съ такимъ убѣжденіемъ умеръ.

Всего не припомнишь, что́ я слыхалъ отъ Ивана Саввича въ своей молодости; но въ памяти моей запечатлѣлись разсказы его, какъ Петръ I пожаловалъ ему (или, кажется, отцу его) серебряный рублевикъ, примолвилъ: «смотри же, береги, на орѣхахъ не пролакомъ».

Этотъ царскій рублевикъ хранилъ старецъ, какъ святыню, носилъ его въ шелковомъ кошелечкѣ на груди, съ крестомъ, и заповѣдалъ похоронить себя съ нимъ, что́ при мнѣ исполнено. Имѣя твердую, до глубокой старости, память, вспоминалъ огненныя потѣхи и пирушки на Петра I лугахъ и въ рощахъ Измайловскихъ съ любимцами; видѣлъ, какъ

*) Плюшара, VII, 187

убилъ своею дубинкою у дворцоваго крыльца одного придворнаго служителя, который не успѣлъ снять предъ нимъ шапки; какъ Анна Іоановна велѣла повѣсить предъ окнами повара, который подалъ ей къ блинамъ прогорклое масло.

Когда эта государыня гуляла по лугамъ съ Бирономъ, мальчикъ Брыкинъ въ затрапезномъ халатѣ носилъ за нею кубчикъ съ медомъ, а за пазухой у себя имѣлъ оловянный стаканъ. Обернувшись къ нему, она спросила его:

«Дьячекъ что ли ты?»

— «Нѣтъ ваше царское величество, сынъ вашего слуги.»

Смышленный и расторопный Иванъ Брыкинъ, выучась грамотѣ у сельскаго дьячка, поступилъ писаремъ въ приказную избу и, какъ видно, иногда прислуживалъ при дворѣ; потомъ былъ подъячимъ и смотрителемъ дворцовъ подмосковныхъ. Во время моровой язвы, постигшей древнюю столицу, онъ сохранилъ Измайлово отъ губительной чумы, и за то въ сенатскомъ указѣ 1772 года названъ «попечительнымъ и усерднымъ всемилостивѣйшей государынѣ и прямымъ сыномъ отечества.»

Строгое воздержаніе и юношеское цѣломудріе сохранили и укрѣпили его тѣлесныя и душевныя силы до ста лѣтъ. Лѣтъ сорока, онъ не зналъ вкуса ни въ винѣ, ни въ пивѣ и оставался отрокомъ до женитьбы своей; съ женой жилъ 30 лѣтъ и прижилъ съ нею двухъ дочерей. Вдовство его было столь же цѣломудренно, какъ и юность и мужество. Онъ былъ мущина средняго роста, плотный, коренастый, статный въ полнотѣ силъ, неистрачепныхъ развратомъ, съ выразительнымъ лицемъ; словомъ, молодецъ, кровь съ молокомъ; но не онъ заглядывался на красавицъ, а онѣ на него; сердце его не было растлѣннымъ и воображеніе испорченнымъ, да и заповѣди Господни онъ твердо помнилъ. Можетъ статься, нынѣ этому не повѣрятъ, какъ можно дожить до 40 лѣтъ здоровому мущинѣ въ цѣломудріи? Но прадѣдушка не завѣщевалъ мнѣ лгать, да и самъ почиталъ ложь великимъ грѣхомъ, потому что отецъ лжи—дьяволъ. Послѣ женитьбы, уже вступивъ за сорокъ лѣтъ, Иванъ Саввичъ въ пріятельскомъ обществѣ позволялъ себѣ подгулять дни два, три; опорожнивъ стакановъ пять и даже десять пуншу, нѣсколько рюмокъ домашней наливки и не одну кружку пива,

онъ никогда не бывалъ пьянъ и не пошатнется; но изъ строгаго, молчаливаго и серьознаго становился говорливымъ, веселымъ и шутливымъ. У него винцо не связывало, не притупляло языка, но развязывало его. Онъ любилъ воспоминать про старину; она оживала въ его рѣчахъ, которыя лились рѣкою; къ нимъ приплеталъ онъ пословицы, прибаутки и притчи, которыя и я у него запмствовалъ.

«Нынѣ такъ уже не живать», повторялъ онъ, «какъ встарь живали; тогда безъ лекарствъ были здоровы, безъ баловъ веселы, безъ книгъ умны.»

Современникъ Тредьяковскаго, Иванъ Саввичъ, до самой глубокой старости, любилъ читать его стихотворенія, пѣвалъ его пѣсни, которыя ему казались очень замысловатыми и веселыми.

Въ Анакреонтическихъ его пѣсняхъ, напечатанныхъ въ Спб., сколько помню, въ 1740 годахъ*), одно примѣчаніе поэта означаетъ слѣдующее: «Пѣснь эту я имѣлъ незабвенное благополучіе воспѣть въ императорскомъ царскомъ дворцѣ, стоя на колѣняхъ предъ камиюмъ, и отъ всещедрыя десницы ея императорскаго величества удостоился получить всемилостивѣйшую оплеушину».

У Ивана Саввича дворовой его, Калина Кузмичъ, варивалъ отличное пиво и завелъ пивоварню на дворѣ. Его пиво было пряное, тонкое, вкусное и здоровое, которое не густило крови, не дѣйствовало на голову—такое, какъ говаривалъ шутя Иванъ Саввичъ: «хлебнешь, упадешь, вскочишь, опять захочешь.» У него этого русскаго напитка, безъ химическихъ примѣсей, было три сорта: *дѣдушка*, *батюшка*, *сынокъ*, по различію степеней его крѣпости. Употребленіе его рекомендовали доктора больнымъ; его выписывали въ С. Петербургъ ко двору и въ другіе города, даже въ Пруссію. Хозяйство Ивана Саввича было прекрасно устроено безъ заморскихъ затѣй; домъ былъ, какъ полная чаша: всего въ изобиліи, и при томъ еще, на маломъ пространствѣ земли, грунтовые сараи и сады доставляли ему прекрасные фрукты, огороды, — овощи, пчельникъ — медъ.

---

* Эту весьма рѣдкую книжку въ 12-ю д., а я видѣлъ и читалъ у профессора Мерзлякова. (*Примѣч. И. М. Снегирева*).

Въ ледникахъ засѣчены были бочки мартовскаго пива, квасу, разныхъ медовъ, которыми прежде щеголяли хозяева. Видно, они въ древности были хороши, что самые иностранные путешественники предпочитали ихъ Венгерскимъ винамъ*) У кого въ селѣ попросить квасу, или дрожжей.— У Ивана Саввича. Къ кому итти испить пивца? — Къ Ивану Саввичу. У кого взять медку на канунъ для помину родителей?—У Ивана Саввича. А онъ, надобно замѣтить, хоть былъ и скупенекъ, но не отказывалъ въ помощи бѣдному и доброму человѣку. Уютный, гостепріимный его домикъ навѣщали и архіереи, и архимандриты, даже самъ митрополитъ Платонъ, и почтенные граждане Москвы. Баташевъ, Жигаревы и пр. Я съ батюшкой и матушкой не рѣдко встрѣчали у Брыкина почтенныхъ профессоровъ университета Страхова, Антонскаго, Политковскаго, Гейма, Шлёцера, Францова, Гаврилова, Аршеневскаго, которые находили удовольствіе въ бесѣдѣ не ученаго, но умнаго, опытнаго и своеобразнаго старца: имъ нравился простой образъ патріархальной его жизни, радушный безъ лести пріемъ и угощеніе, чѣмъ Богъ послалъ. Къ незваному обѣду подавался и кусокъ домашней ветчины, лапша, яишница-верещага или глазунья, индѣйка съ солеными лимонами, утка съ такими же сливами, свѣжій варенецъ, бѣлоснѣжный творогъ съ густыми сливками. Вмѣсто Фряжскихъ винъ и ликеровъ, подносилъ гостепріимный хозяинъ домашнія многолѣтнія наливки: малиновку, смородиновку, вишневку, рябиновку, розановку, въ промежуткахъ холодное со льда мартовское пиво и янтарный медъ. Въ ихъ пріятельско-оживленной бесѣдѣ, безъ картъ и фальши, можно было услышать много любопытнаго, занимательнаго и поучительнаго; казалось, въ ней соединялись опытъ жизни съ наукою о жизни. Обы-

*) О домовитости нашихъ дѣдовъ и сильномъ развитіи отдѣльныхъ хозяйствъ свидѣтельствуетъ и С. Н. Глинка въ запискахъ своихъ (Р. Вѣсти. 1866, кн. 1), разсказывая о жизни въ Смоленской губерніи. Несомнѣнно, что не одни дворяне, но и крѣпостные люди жили зажиточнѣе теперешняго. Это объясняется во-первыхъ большимъ привольемъ (вслѣдствіи сравнительной малости народонаселенія). и во-вторыхъ особливою заботливостью объ этомъ предметѣ Екатерины II. См. ея записку о манufактурахъ въ Р. Архивѣ 1865. стр. 495—510 втораго изданія) *П. Б.*

.кновенно, подъ конецъ бесѣды, при прощаньи, старецъ нашъ вставалъ и посреди своей горенки затягивалъ басомъ псаломъ: «Господи, кто обитаетъ въ жилищѣ твоемъ»; нѣкоторые изъ гостей подтягивали ему. Но у Ивана Саввича не обходилось *безъ посошка* на дорожку, что̀ Нѣмцы называютъ Johannistrunk.

Не имѣя въ рукахъ послужнаго списка Брыкина, я не могу сказать, за что именно онъ пожалованъ императоромъ Павломъ I въ коллежскіе ассессоры, или, какъ говорилось тогда, въ маіоры. Комендантомъ въ Москвѣ былъ добрый нѣмецъ Иванъ Крестьяновичъ Гессе, точный блюститель военной дисциплины и наблюдатель за городскими заставами, гдѣ спрашивали тогда объ имени и званіи въѣзжавшихъ и выѣзжавшихъ и, кажется, записывали. Этотъ комендантъ, ѣздившій всегда стоя въ саняхъ и дрожкахъ, такъ обрусѣлъ, что не чуждался зелена вина. Получивъ повѣстку о своемъ производствѣ въ маіоры, Иванъ Саввичъ поѣхалъ въ Москву для принятія присяги. Послѣ присяги заѣхалъ онъ къ одному старому пріятелю и порядочно подкутилъ съ нимъ на радости. Возвращаясь вечеромъ въ свое Измайлово, на вопросъ караульнаго: «Кто ѣдетъ?» отвѣчалъ: «Янька, золотыя пуговки». Такъ назвался онъ, вѣроятно, потому, что при Екатеринѣ II маіоры носили золотыя, т. е. золоченыя пуговицы на мундирѣ, а на камзолѣ и на самомъ мундирѣ залотые галуны. Караульный остановилъ его, и новый маіоръ долженъ былъ провести ночь въ караульнѣ. На другой день его представили при рапортѣ къ коменданту. Гессе, распросивъ Брыкина, отпустилъ его во свояси. Но нашъ маіоръ остановилъ коменданта:

«Что-же ваше превосходительство», сказалъ онъ, «ничѣмъ не соблаговолили поздравить меня съ высокимъ чиномъ? Со вчерашняго поздравленія голова трещитъ».

Подана была водка, и рюмка за рюмкой, судья съ подсудимымъ попатянулись на порядкахъ; потомъ одинъ, на веселѣ, поскакалъ осматривать заставы, а тотъ поѣхалъ въ свою Преображенскую заставу, гдѣ его пропустили уже безъ всякой остановки, хотя Иванъ Саввичъ и откликнулся на вопросъ часоваго Янькою съ золотыми пуговками, потому что Гессе далъ ему записку: «пропустить безпрепятственно

Яньку съ золотыми пуговками». Домашнимъ отданъ былъ маіоромъ приказъ величать его: ваше высокоблагородіе, что сообщено и сельскимъ жителямъ.

Между тѣмъ неожидано нагрянулъ на Москву роковой 1812 годъ... Но прежде чѣмъ передамъ воспомпнанія о незабвенномъ годѣ, коснусь знаменитаго сосѣда нашего въ Троицкой улицѣ, митрополита Платона.

Подъ покровительствомъ митрополита Платона спротародитель мой, крестникъ императрицы Елисаветы Петровны, былъ воспитанъ и до самой смерти его пользовался его расположеніемъ, нерѣдко посѣщалъ его на Троицкомъ подворьѣ, въ Троицкой лаврѣ, Вифаніи и Черкизовѣ, куда любилъ уединяться маститый архипастырь. По близкому сосѣдству нашему (потому что мы жили, какъ называется, заборъ объ заборъ) изъ Красноглазова сада, смежнаго съ нашимъ, Платонъ заходилъ иногда и въ нашъ садикъ, гдѣ была калитка. Съ отцемъ моимъ и я иногда бывалъ у него и всякій разъ получалъ то книгу, то просфору, то фрукты; однажды пожаловалъ онъ мнѣ шелковый кошелекъ, сказавъ: «онъ пустой, наполни его своимъ трудомъ.» При началѣ моего ученія, владыка написалъ для меня своею рукою молитву, которая утратилась съ другими драгоцѣнностями нашими въ 1812 году; остался только пустой кошелекъ.

Твердо и живо помню, когда я вступалъ изъ бывшей академической гимназіи въ 1807 или 8 году студентомъ въ Московскій университетъ, отецъ мой, профессоръ университета, привелъ меня на благословеніе къ митрополиту Платону; преосвященный велѣлъ мнѣ перевести съ Латинскаго на Русскій первыя строки своей краткой біографіи въ книжкѣ Fasciculus litterarum; я перевелъ. «Когда меня не будетъ на свѣтѣ» промолвилъ архипастырь, дополни это жизнеописаніе».

Предъ 1812 годомъ, онъ принялъ отъ меня очень благосклонно дѣтскій переводъ мой романа: «Евдоксія, дщерь Велизарія», читалъ его до половины и вмѣсто закладки, оставилъ предъ отъѣздомъ въ Вифанію, носовой платокъ свой въ книгѣ. Все это было для меня сильнымъ побужденіемъ составить жизнеописаніе митрополита Платона*).

*) Жизнь Москов. митрополита Платона. М. 1856. 8°. 2 ч. Сочине-

Въ юношеской моей памяти врѣзались слова святителя о нашемъ домѣ у Троицы въ Троицкой. «Тамъ, еще мальчикомъ, я хаживалъ мимо этого мѣста, гдѣ былъ деревянный домикъ одного купца, который странствовалъ съ дочерью своей въ Іерусалимъ и, снявъ планъ съ святаго града, посвятилъ свой трудъ, время и пождивеніе на сооруженіе огромнаго креста съ изображеніемъ Іерусалима и страстей Господнихъ. На дворѣ у васъ этотъ крестъ стоялъ въ высокомъ сараѣ, у коего на столикѣ, въ деревянную чашечку, сбирали подаяніе на сооруженіе креста, и я клалъ по полушечкѣ.» Крестъ поставленъ былъ въ соборѣ Срѣтенскаго монастыря у сѣверной стѣны, гдѣ и теперь находится. Московское купечество предлагало начальству, въ концѣ царствованія Екатерины II, поставить на Лобномъ мѣстѣ подъ шатромъ этотъ достопамятный крестъ; но неизвѣстно, почему дѣло это не состоялось.

Не повторяю здѣсь того, что́ сказано мною въ біографіи м. Платона о рожденіи его въ самый звонъ къ заутрени на праздникъ первоверховныхъ Апостоловъ, въ селѣ Чашниковѣ, гдѣ отецъ его тогда находился причетникомъ: день рожденія былъ днемъ тезоименитства для новорожденнаго, котораго наименовали Петромъ, по фамиліи Левшинымъ. Сообщу то, что́ слышано мною отъ моего родителя, также отъ преосвященнаго Евгенія, сохранившаго при глубокой старости своей крѣпкую память, отъ покойнаго архіепископа Августина, отъ духовника Платонова о. Аарона, отъ келейника его Моисея Платонова, недавно умершаго и другихъ

ніе *П. М. Спиридова*. Біографія этого высоко-замѣчательнаго лица до сихъ поръ не разработана. Намъ случилось видѣть важные матеріалы для оной въ бумагахъ его антагониста, катихизатора Московскаго университета Петра Алексѣева. Любопытно участіе его въ дѣлѣ профессора Мельмана, исключеннаго изъ Московскаго университета за его мнѣнія (Чтенія въ общ. ист. и древн. 1863 кн. 2-я). Вотъ два отзыва о Платонѣ имп. Екатерины II-й, по запискамъ Храповицкаго (стр. 33): «Новоспасскій архимандритъ Павелъ вчера худо говорилъ рѣчь. Онъ ученикъ Платона. Нарочно стараются, чтобъ ихъ не превзошли, а теперь (1787) въ бѣльцахъ люди лучше, нежели въ чернецахъ.—27 Апрѣля (1788) указъ объ отмѣнѣ сбора съ священно и церковно-служителей Московской епархіи, для бѣдныхъ учениковъ Заиконоспасскихъ, наложеннаго митрополитомъ Платономъ. Онъ блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ» (стр. 59) *П. Б.*

духовныхъ и свѣтскихъ особъ, достойныхъ вѣроятія. О Платонѣ не только они любили вспоминать, но во многихъ семействахъ Московскихъ старожиловъ свято хранятся о немъ преданія; донынѣ разсказываютъ они, какъ о важномъ событіи въ жизни своей: «мы видѣли, мы слышали Платона, приняли отъ него благословеніе; отца моего благословилъ онъ просфорою, или иконою, сказавъ то и то».

Не пропущу здѣсь слышанное мною отъ почтеннаго старожила П. П. Лобкова, лично знавшаго Платона. Однажды онъ пришелъ къ Успенскому собору, полному народомъ, въ то самое время, какъ Платонъ сказывалъ проповѣдь и, не могши пройти за тѣснотою въ соборъ, остановился въ растворенныхъ сѣверныхъ дверяхъ и тамъ, увидѣвъ плачущаго мужика, полюбопытствовалъ спросить его: «объ чемъ онъ плачетъ?»

— «Какъ мнѣ не плакать, вѣрно владыко говоритъ что-нибудь душеспасительное», отвѣчалъ тотъ.

Таково было предубѣжденіе и предощущеніе народа, вполнѣ сочувствовавшаго своему архипастырю! Такъ увѣковѣчилось въ народѣ имя Платона, сроднившагося съ нимъ душею и сердцемъ, потому что онъ былъ Русскій сердечный человѣкъ. Всякое слово, исходившее изъ устъ его, проникало въ душу народа, который ему вѣрилъ и вѣровалъ.

Но возвратимся къ лѣтамъ дѣтства и юности Платона. Когда отецъ его Георгій былъ уже въ Москвѣ викарнымъ священникомъ при церкви Спаса во Спасской, Петръ ходилъ отсюда пѣшкомъ учиться въ бурсу Славяногреколатинской Академіи съ краюшкою чернаго хлѣба за пазухой, составлявшею его обѣдъ. Объ немъ не столько заботился отецъ, не всегда воздержный отъ вина, сколько мать; ея любовь замѣняла недостатокъ образованія, такъ что она отъ скуднаго достатка покупала на площади книжки для сына, который не имѣлъ даже порядочной обуви и лѣтнею порой хаживалъ босикомъ въ школу, и чуть не носилъ лаптей съ портянками. Такъ какъ красивый изъ себя, смышленый, голосистый Петръ по праздникамъ бойко читывалъ и стройно пѣвалъ въ Спасской церкви, то одинъ изъ прихожанъ подарилъ ему коты съ красною сафьянною оторочкой, а другой далъ поношенный бархатный камзолъ.

«Я», говаривалъ Платонъ, «радовался этому едва ли не болѣе, чѣмъ Андреевской лентѣ и, любуясь имп, дорогой спотыкался; въ школу ходилъ босикомъ, а коты несъ подъ мышкою, приближаясь же къ Академіи, надѣвалъ ихъ на себя».

Прилежаніе и дарованія скоро довели Петра до богословскаго класса. По заведенному въ Академіи порядку, онъ тогда, объясняя катихизисъ, успѣлъ привлечь къ себѣ особенное вниманіе Московскихъ гражданъ, любившихъ посѣщать такія чтенія и даже заслужилъ названіе Московскаго Златоуста. Въ это время былъ архіепископомъ Московскимъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, человѣкъ ученый, но строгій до жестокости по своему холерическому*) темпераменту: у него плети и розги служили обыкновеннымп средствами для исправленія подчиненныхъ; отъ нихъ не избавлялись даже священно-церковнослужители: приносившіе безкровную жертву сѣчены бывали до крови; это поселило въ духовенствѣ ненависть къ нему, которая соединилась съ народнымъ подозрѣніемъ его въ еретичествѣ. Неравнодушный къ славѣ мальчика, ничтожнаго въ его глазахъ, онъ потребовалъ къ себѣ его тетради и, нашедши въ нихъ что-то, по своему мнѣнію, предосудительное, хотѣлъ было высѣчь своего преемника при всѣхъ въ Академической аудиторіи. Но за Левшина сильно вступился ректоръ и доказалъ преосвященному неосновательность его осужденія.

Время проповѣдыванія своего въ Академіи Платонъ считалъ счастливѣйшимъ въ своей жизни. Москвичи, любившіе проповѣданіе слова Божія, сочувствовали юному проповѣднику, восхищались имъ. Родители Левшина еще были живы, какъ славный въ свое время проповѣдникъ Гедеонъ Криновъ узналъ его и сталъ убѣждать его принять иноческій чинъ; но мать противилась тому, склоняя его вступить въ супружество; долго не благословляла его на этотъ подвигъ, наконецъ, по любви своей къ нему, уступила твердому его желанію и рѣшимости.

---

*) Полу-молдаванинъ, полу-малороссіянинъ. Конечно отъ бѣлаго духовенства разнеслися объ немъ въ Московской черни тѣ слухи, которые въ 1771 г. повели къ открытому мятежу и къ убіенію архіерея. *П. Б.*

Петръ, уже подъ именемъ Платона, монахъ Троицкой Лавры — помѣщицы болѣе ста тысячъ крестьянъ чудотворцевыхъ. Въ новой для Платона сферѣ руководителемъ былъ Гедеонъ. Этотъ архимандритъ-коренной великороссіянинъ, потерпѣвшій отъ малороссіянъ, изъ которыхъ, до царствованія Елисаветы Петровны, преимущественно избирались архимандриты въ Сергіеву обитель. Отличаясь ученостію и дарованіями, онъ любилъ роскошь. Тогда, по принятому обычаю, соборные старцы и настоятели носили бархатныя и шелковыя рясы, исподнее платье съ шлифными пряжками изъ серебра и золота, обувались въ шелковые чулки. У Гедеона были пряжки на башмакахъ брилліантовыя, какъ гласило преданіе, въ 10,000 р. Объ архіепископѣ этомъ тогда носилась въ народѣ поговорка: «Гедеонъ нажилъ милліонъ.»

Въ Лаврѣ одна половина монашествующихъ были великороссіяне-москали, другая малороссіяне. Отъ этого составились двѣ партіи, между собою враждебныя, что обнаруживалось въ разныхъ столкновеніяхъ. Однажды монахъ-москаль сказывалъ въ Троицкомъ соборѣ поученіе, а гробовымъ тогда былъ инокъ изъ малороссіянъ, неблагорасположенный къ первому. Проповѣдникъ, подражая голосу гробоваго, въ словѣ своемъ замѣтилъ, что нѣкоторые, имуще образъ благочестія и силы его отвергшіеся, гробовымъ голосомъ повторяютъ: «Боже милостивъ, буди мнѣ грѣшному» а подъ языкомъ у нихъ трудъ и болѣзнь, сердце ихъ полно злобы и лукавства, а карманы серебра и золота.

Гробовой принялъ это на свой счетъ, тотчасъ пошелъ въ алтарь жаловаться архимандриту, своему земляку. Проповѣдникъ за обличеніе поставленъ на поклонъ въ трапезѣ, которой былъ лишенъ въ тотъ день.

Но вотъ какой случай обнаружилъ предъ набожною императрицею Елисаветою Петровною враждебное племенное раздѣленіе въ святой обители Сергіевой.

Архимандриту изъ малороссіянъ дано было знать, что императрица прибудетъ туда на богомолье. Призвавъ къ къ себѣ своихъ земляковъ, онъ сказалъ имъ:

«Ея императорское величество изволитъ прибыть въ святую нашу лавру; а какъ ей извѣстно, что св. обитель благословлена богатствомъ по молитвамъ преподобнаго отца

нашего Сергія, и какъ она любитъ велелѣпіе: то постарайтесь, братія, явиться предъ лицемъ ея величества въ лучшихъ одеждахъ.»

Москалямъ онъ присовѣтывалъ представиться въ худшихъ одеждахъ, чтобъ не обнаружить роскоши и показать смиреніе. Такъ и было сдѣлано, какъ приказано.

Императрица, замѣтивъ такое рѣзкое различіе, спросила у архимандрита:

«Вѣдь лавра всѣмъ изобилуетъ, отъ чего же одни монахи одѣты весьма прилично и хорошо, а другіе худо, какъ нищіе?»

«Отъ того, ваше величество, что первые малороссіяне, люди трезвые, благопристойные, а другіе москали, люди невоздержные и нерадивые о себѣ.»

Въ такомъ мнѣніи государыня оставалась до тѣхъ поръ, пока не разсказала она объ этомъ любимому своему истопнику, съ которымъ она привыкла говорить въ свободные часы, а у этого истопника былъ монахъ въ монастырѣ братъ его родной. Тотъ откровенно объяснилъ ей продѣлку настоятеля-малороссіянина. Вотъ что было причиною, что не только въ Троицкую лавру, но и въ Сунодъ преграждень былъ доступъ малороссіянамъ!

Владѣя многими вотчинами, Троицкая Лавра, къ которой приписаны были четырнадцать монастырей, изобиловала всѣми благами. Она славилась своими медами, пивами и квасами; виноградныя вина выписывались бочками, рыба свозилась отъ ея рыбныхъ ловлей на рѣкахъ. Предъ всенощною, въ южный и сѣверный алтарь приносились ведра съ пивомъ, медомъ и квасомъ для подкрѣпленія крилосныхъ, такъ, «что правой крилосъ поетъ, а лѣвой въ алтарѣ пиво пьетъ.» За всенощною въ алтарѣ, послѣ благословенія хлѣбовъ, подавали служащимъ въ чарахъ красное вино, такъ что они выходили на величанье, что́ называлось, *на хвалитѣхъ*. Такъ велось въ Лаврѣ до управленія ею Платономъ.

Торжественно-забавнымъ бывалъ поѣздъ архимандрита на Корбуху, въ баню. Онъ ѣхалъ шестернею въ каретѣ, впереди его верхомъ дьяконъ въ стихарѣ съ посохомъ, позади телѣга съ разными припасами; полъ въ банѣ устилали благовонными травами и цвѣтами. На каменку поддавали

Венгерскимъ виномъ, которымъ окачивался высокопреподобный.

Въ Лаврѣ каждому монаху ежедневно отпускались: бутылка хорошаго кагору, штофъ пѣннаго вина, по кунгану меду, вина и квасу. Платонъ, не пивши ничего хмѣльнаго, мѣнялъ эти питья на деньги и скопилъ ихъ столько, что смогъ купить себѣ шелковую ряску, которою очень любовался, потому что до тѣхъ поръ ничего шелковаго на себѣ не нашивалъ. Это замѣтилъ Гедеонъ.

Однажды онъ взялъ съ собою Платона на Корбуху; тамъ пошелъ съ нимъ по берегу пруда и все его тѣснилъ къ самому краю, наконецъ столкнулъ въ воду. Не столько испугался, сколько огорчился Платонъ, замочившій свою шелковую ряску—предметъ его радости и тщеславія; но не смѣлъ обнаружить неудовольствія предъ начальникомъ, который привезъ его всего измокшаго въ Лавру.

Когда вошли въ настоятельскіе покои, Гедеонъ сказалъ Платону:

«Никогда не сердись, когда начальникъ шутитъ съ тобою для испытанія твоего характера.»

Съ этимъ словомъ онъ ведетъ его въ свою гардеробную, гдѣ развѣшаны были рясы и полукафтанья его.

«Выбирай себѣ двѣ, какія тебѣ нравятся.»

Платонъ выбралъ себѣ похуже. —

«Нѣтъ», сказалъ архимандритъ «выбери лучшія» Такъ и сдѣлалъ юный инокъ.

Уже Платонъ занималъ значительную степень въ Лаврѣ, какъ пріѣхала къ нему любимая имъ его мать. Радостно и трогательно было свиданіе почтительнаго сына съ доброю матерью; онъ угощалъ ее всѣмъ чѣмъ могъ, подарилъ ей сто рублей, шелковую матерію на платье. Старушка была въ восхищеніи.

«Довольна ли, матушка, моими подарками? спросилъ Платонъ.

«Что ты! какъ не довольна! да у меня этого никогда и въ жизни не бывало! —

«Какъ же, матушка, не благословляла меня идти въ монахи?»

— «Вѣдь я не знала», простодушно отвѣчала старушка,

«что ты меня будешь дарить такими дорогими подарками.»

Такъ мнѣ передавалъ преосвященный Евгеній, слышавшій это отъ самаго митрополита Платона.

Бывши Московскимъ митрополитомъ. Платонъ ѣзжалъ мимо оконъ нашего скромнаго домика въ Троицкой и всякій разъ благословлялъ его. Въ торжественные дни онъ отправлялся на служеніе въ золотой каретѣ, пожалованной ему императоромъ Павломъ I и запряженной въ шесть бѣлыхъ лошадей въ шорахъ; предъ нимъ, шли скороходы, ѣхали вершники. Около кареты бѣжалъ народъ, чтобы поглядѣть на святителя и принять его благословеніе.

Въ этомъ экипажѣ однажды онъ пріѣхалъ къ президенту академіи наукъ, ученой княгинѣ Дашковой, этой мужеподобной женѣ. Увидѣвъ его экипажъ, она спросила:

«Преосвященный, васъ возятъ шесть коней, а Христосъ никогда не ѣздилъ въ такомъ экипажѣ, а всегда ходилъ пѣшій?»

— «Такъ, отвѣчалъ пастырь, Христосъ ходилъ пѣшкомъ, и за нимъ овцы слѣдовали, а я ихъ не догоню и на шестернѣ».

Гдѣ служилъ Платонъ, тамъ сбиралось множество народа изъ всѣхъ сословій и, когда полиція не пускала простолюдиновъ въ церковь и къ благословенію Платона, онъ съ негодованіемъ ревностнаго пастыря кричалъ на полицейскихъ: «что вы, волки, разгоняете моихъ овецъ?»

Любилъ Московскій народъ служеніе и проповѣданіе Платона и услаждался имъ. Изъ Сибири купцы и заводчики нарочно пріѣзжали видѣть и слышать Платона. Да и не удивительно! Скажу, что́ впечатлѣлось въ юной, свѣжей памяти, неомраченной и неподавленной заботами жизни. Въ служеніи Платона проявлялось все величіе, торжественность и святолѣпность архипастырскаго сана, глубокое благоговѣніе, важность безъ изысканности, вся постава (поза), всѣ движенія и мановенія приличныя и соотвѣтственныя. Представьте себѣ старца, еще бодраго подъ сѣдинами, у котораго старость не изгладила слѣдовъ рѣдкаго благообразія въ лицѣ оживленномъ и, такъ сказать, одухотворенномъ, сіяющемъ; со слезами умиленія сердечнаго, въ моленіи онъ воздѣваетъ руки къ небу или съ амвона осѣняетъ пред-

стоящихъ дикиріями и трикиріями, или проповѣдуетъ истины Евангельскія. Къ тому, въ чтеніи и пѣніи голосъ сладостно-звучный, стройный, послушный теченію его мыслей и движенію его сердца. Вѣра и убѣжденіе говорили его устами; слова его такъ были осмыслены умомъ, такъ оживлены вѣрою, что проникали сердца слушателей. Къ нему можно по справедливости примѣнить изреченіе Св. Апостола: «Вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ.» Не такова казалась печатная его проповѣдь при холодномъ произношеніи малограмотнаго. Это случилось ему самому испытать.

Обозрѣвая однажды свою епархію, онъ заѣхалъ къ обѣднѣ въ сельскую церковь, гдѣ священникъ, желая угодить своему архипастырю, придумалъ прочесть его проповѣдь; но, какъ не ученый, читалъ такъ, что трудно было добраться до смысла, и узнать себя самому сочинителю. Митрополитъ, по окончаніи проповѣди, спросилъ священника:

«Какой это дуракъ писалъ»?

— «Ваше святѣйшество», отвѣчалъ тотъ простодушно, съ низкимъ поклономъ.

При коронаціи Александра I-го вдохновенное слово Платона возбудило всеобщее удивленіе и восторгъ въ русскихъ —смысломъ, а въ иностранцахъ—ораторскимъ движеніемъ витіи, который казался не простымъ архіереемъ, но пророкомъ. Когда онъ, читая покаянный псаломъ, кадилъ предстоящихъ, при словахъ:

Избави меня отъ кровей, обратился съ каѳиземъ къ Зубову.....

Какъ ревностный блюститель церковнаго благочинія, Платонъ не оставался равнодушнымъ, когда замѣчалъ во время богослуженія какое либо безчиніе и безпорядокъ.

Въ Москвѣ былъ главнокомандующимъ Беклешовъ, человѣкъ умный, справедливый, но вспыльчивый, имѣвшій по дѣламъ службы столкновеніе съ митрополитомъ. Въ одинъ торжественный день онъ былъ у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ. Платонъ говорилъ проповѣдь, во время которой Беклешовъ заговорился съ какимъ-то пріѣзжимъ изъ Петербурга генераломъ. Проповѣдникъ замолчалъ. Когда главнокомандующему адъютантъ замѣтилъ объ этомъ и тотъ прекратилъ разговоръ, Платонъ спросилъ его: «кончили ли,

вы, ваше высокопревосходительство? а я стану продолжать мое слово». — Случилось, при другомъ служеніи въ соборѣ Платона, присутствовать Беклешеву. Преосвященнаго въ алтарѣ прогнѣвалъ протодіаконъ какимъ-то проступкомъ. Платонъ довольно громко выговаривалъ виноватому. Главнокомандующій воспользовался этимъ случаемъ, послалъ къ преосвященному въ алтарь своего адъютанта спросить:

«Какъ его высокопревосходительство изволилъ услышать шумъ здѣсь, то приказалъ мнѣ спросить ваше высокопреосвященство, не нужна ли вамъ полиція?»

— «Полиція я здѣсь», возразилъ Платонъ, «а онъ съ полиціей на площади.»

Раскажу то, что́ слышалъ отъ моего отца, свидѣтеля событій. Платонъ шелъ служить въ Чудовъ монастырь, гдѣ, при входѣ на стѣнѣ большой образъ страшнаго суда. На этотъ образъ смотрѣла одна графиня. Увидѣвъ митрополита, она обратилась къ нему съ испрошеніемъ благословенія. На вопросъ митрополита. «что она смотритъ на образъ страшнаго суда?»

— «Смотрю», отвѣчала, «какъ архіереи идутъ въ адъ».

«А вотъ погляди-ка на это», сказалъ владыко, указывая на адскія мученія вольной женщины....

Возвращаюсь къ прежнему. Послѣ Бородинской битвы, Наполеоновскія полчища ближе приближались къ древней столицѣ, а наши войска отступали. Подъ стѣнами ея, въ Филяхъ, на военномъ совѣтѣ, рѣшено главнокомандующимъ Кутузовымъ сдать Москву самонадѣянному и тщеславному врагу. Между тѣмъ въ Москвѣ одни готовились къ отпору, другіе выѣзжали и выходили изъ нея, такъ что она только начинала пустѣть; по улицамъ ея тянулись обозы съ ранеными и умиравшими отъ тяжкихъ ранъ; проходили и наши полки. Разные слухи и толки, одни другимъ противорѣчащіе, и Ростопч нскія афиши приводили москвичей въ недоумѣніе: колебались между страхомъ и надеждою, не знали, гдѣ спасаться отъ угрожавшей опасности. Уже днемъ съ Поклонной горы была слышна подъ самою Москвой въ непріятельскомъ лагерѣ музыка, а ночью видѣлись огни. Попечитель московскаго университета И. И. Кутузовъ далъ было предписаніе чиновникамъ не отлучаться отъ своихъ

мѣстъ; но потомъ присланы отъ Ростопчина телѣги, для вывоза казенныхъ вещей въ Нижній и Казань, подъ надзоромъ нѣкоторыхъ профессоровъ. Занимая должность архиваріуса совѣта, я успѣлъ сохранить протоколы первыхъ годовъ университета. Трудно описать суматоху и тревогу въ Москвѣ, которая представляла изъ себя позорище какого-то переселенія: всѣ суетились, хлопотали, одни зарывали въ землю, или опускали въ колодцы свои драгоцѣнности, или прятали ихъ въ потаенныя мѣста въ домахъ; другіе сбирались выѣхать изъ Москвы, не зная еще куда безопаснѣе укрыться отъ враговъ, искали лошадей и ямщиковъ; иные оставались на своихъ мѣстахъ, запасались въ арсеналѣ оружіемъ, или, въ упованіи на Божію помощь, молились. Многіе даже готовились къ грозившей напасти исповѣдью и причащеніемъ Св. Таинъ. Разнеслась молва, что непріятели не будутъ касаться казенныхъ мѣстъ. Батюшка все свое, для него дорогое, имущество, въ сундукахъ, свезъ въ кладовую бывшаго на Тверской университетскаго благороднаго пансіона, а ключи взялъ съ собою. У насъ была кибитка и парочка нѣгихъ лошадокъ. Вотъ весь дорожный экипажъ, въ которомъ должно было выѣхать ему съ матушкою, со мною и съ племянницей, недавно вышедшей въ замужество. Кучеръ былъ крѣпостной, свой. Надобно кое-что и съ собою взять для дороги. Двухъ лошаденокъ было недостаточно; батюшка не зналъ, что̀ дѣлать и крайне безпокоился, какъ вдругъ подъѣхалъ казакъ къ окошку и, показывая на свою лошадь, сказалъ: «купи, баринъ, будешь доволенъ! Право, конь добрый!» Въ этомъ неожиданномъ случаѣ батюшка увидѣлъ помощь Божію! Онъ скоро сторговался съ казакомъ и, помолясь Богу и простясь съ теплымъ гнѣздомъ своимъ, отправился въ дорогу со слезами, какъ будто заранѣе оплакивая свой домикъ, обреченный на сожженіе! Но куда и къ кому ѣхать? «Поѣдемъ въ Измайлово къ дѣдушкѣ Ивану Саввичу», сказала плакавшая матушка. Въ такомъ смущеніи уже настало и воскресенье, канунъ того роковаго понедѣльника, когда вошли непріятели въ Москву. Я оставался еще дома для исправленія нѣкоторыхъ распоряженій батюшки: вмѣстѣ съ нашими домашними, зарылъ въ саду шкафъ съ книгами, въ футлярѣ свою скрипку и еще кое-что; по

не догадался, что съ калапчи смежнаго съ нами съѣзжаго двора видѣнъ былъ нашъ садъ и всѣ мои дѣйствія. Конечно, съѣзженскіе подумали, что я зарываю какое-нибудь сокровище и, послѣ насъ, тотчасъ разрыли. Раздавъ мѣдныя деньги оставшейся прислугѣ, въ понедѣльникъ, послѣ обѣда, я побрѣлъ въ Измайлово. По дорогѣ встрѣчались мнѣ разнохарактерныя толпы московскихъ переселенцевъ: одни шли съ семействами грустные и плакавшіе, другіе пьяные куролѣсили и пѣли пѣсни. Прошедши Красный прудъ, я видѣлъ, какъ съ Полеваго двора бросали въ него артиллерійскіе снаряды. На красной горкѣ (гдѣ при Петрѣ I была построена крѣпостца подъ названіемъ Азова, которую онъ бралъ приступомъ) толпа народа осаждала кабакъ: хватали, вырывали другъ у друга штофы и полштофы сладкой и французской водки; вино изъ разбитыхъ бочекъ ручьями текло вокругъ кабака; мужики, припавъ къ землѣ, глотали изъ лужи вино съ грязью; иные, напившись, лежали безъ чувствъ, въ безобразномъ видѣ. Въ Преображенскомъ, близъ заставы, у кабака представилось мнѣ столь же отвратительное позорище. На заставѣ уже не кому было окликать, и шлагбаумъ оставался поднятымъ. Въ Измайловѣ я засталъ у прадѣдушки Ивана Саввича напутственный молебенъ и своихъ родителей; всѣмъ соборомъ молились и прощались со слезами. Каково же было нашему старцу оставить теплое отцовское гнѣздо, свою колыбель! Около его домика собрались провожать Измайловскіе жители. Трогательно было ихъ разставаніе; они цѣловали его, говоря: «прощай нашъ отецъ и милостивецъ! возвращайся къ намъ скорѣе, живъ и здоровъ!» Выпивъ и закусивъ, тронулся весь семейный поѣздъ въ то самое время, какъ непріятель входилъ въ Кремль и когда эхо донесло до Измайлова выстрѣлъ вѣстовой пушки. Иванъ Саввичъ, простясь на сельскомъ кладбищѣ съ родными и знакомыми, облобызалъ уголъ родительскаго дома, потомъ перекрестившись сѣлъ съ правнучатами и внукомъ въ старомодную коляску, запряженную парой здоровыхъ коней: за нимъ кибитка съ родственниками, тѣлега съ боченкомъ пива, съ бутылями наливокъ и съѣстными припасами: тамъ были домашняго приготовленія окороки копченой ветчины, палатки провѣсноя рыбы, кадка меду. Прадѣдушка нашъ

держался пословицы: «ѣдешь на день, бери хлѣба на три дни». Кто же зналъ, что надобно было брать хлѣба на сорокъ дней? Тогда-то мнѣ пришли на память пророческія слова старой моей няни, что «Москва будетъ взята на сорокъ часовъ». Въ этомъ поѣздѣ тянулась и кибитка моего батюшки; къ нему и я присѣлъ на облучекъ. Ѣхали мы по Остромынкѣ къ Берлюковской пустынѣ, въ которую Иванъ Саввичъ былъ усерднымъ вкладчикомъ. Остановясь на часокъ въ селѣ Ивановскомъ, гдѣ онъ возобновилъ и украсилъ церковь, успѣли въ напутствіе напиться чаю, потомъ слѣдовали далѣе. Дорога полна была пѣшими и конными; всѣ спѣшили, но не знали еще навѣрное, гдѣ найдутъ себѣ безопасное пристанище. Между московскими бѣглецами попадались и матери съ грудными младенцами на рукахъ и съ другими вокругъ нихъ малютками. Какъ я долженъ былъ дорогою болѣе идти пѣшкомъ, чѣмъ ѣхать, по тѣснотѣ нашего экипажа, то и мнѣ случалось нести на рукахъ усталыхъ малютокъ. Не могу забыть простодушнаго сосѣда въ Троицкой улицѣ: онъ везъ на себѣ, въ тѣлежкѣ, своего стараго и хвораго отца, ухаживая за нимъ, какъ за младенцемъ со всѣмъ радушіемъ и нѣжностію сына, никакъ не воображая, что его подвигъ равнялся подвигу дѣтей верховной жрицы Юноны въ Аргосѣ, Витона и Клеовиса, которые, за недостаткомъ воловъ, привезли свою мать въ храмъ къ назначенному времени: если бъ она не поспѣла въ храмъ, то была бы казнена. Древніе прославили такой подвигъ дѣтской любви мраморными изваяніями; этотъ примѣръ выставляли на показъ и Геродотъ, и Цицеронъ, и Павзаній; почему же намъ умолчать о подобномъ подвигѣ Василья, развѣ только по тому, что онъ портной и русской? Не думайте, чтобъ отецъ Васильевъ требовалъ, или желалъ отъ сына такой жертвы, нѣтъ! онъ даже упрашивалъ его, какъ говорилъ мнѣ, со слезами «оставить его въ Москвѣ на волю Божію, а самому спасаться отъ непріятелей». Сколько тогда можно было встрѣтить москвичей, которые за плечами несли все свое имущество, какое только успѣли и смогли захватить! Дорогой мы слышали патріотическіе намъ упреки крестьянъ. «Что, продали Москву!» кричали намъ въ встрѣчу и въ слѣдъ, иные даже замахивались на насъ

зубами и грозили кулаками. Если случилось купить въ деревнѣ молока и яицъ для себя, или взять овса и сѣна для лошадей, за все брали втрое и вчетверо. На возраженіе наше отвѣчали: «да вѣдь мы долго ждали такого времени, скоро ли дождемся?» Въ деревняхъ, по дорогѣ, набитыхъ постояльцами и ранеными, трудно было найти ночлегъ; многіе ночевали въ лѣсу и у стоговъ сѣна въ полѣ. Бѣгство наше изъ Москвы удостовѣрило насъ, что общее бѣдствіе сближаетъ людей, пробуждая въ нихъ сочувствіе. Дорогой бѣглецы оказывали другъ другу родственное участіе, радушно помогали одинъ другому, дѣлились чѣмъ кто богатъ былъ, такъ что, казалось, будто всѣ были дѣти одной семьи, всѣ родные. Наконецъ мы добрались до Берлюковской пустыни, стоящей посреди дремучихъ лѣсовъ, и пріютились въ ея гостинницѣ. Иванъ Саввичъ, какъ вкладчикъ, былъ привѣтливо принятъ строителями. Эта пустынь, на рѣкѣ Ворѣ, впадающей въ Клязьму, въ 40 верстахъ отъ Москвы, славится чудотворнымъ образомъ святителя Николая. Бывшая долго въ запустѣніи, она возобновлена въ 1778 году митрополитомъ Платономъ. Но не долго мы гостили въ этой уединенной обители; непріятельскіе мародеры, или какъ называлъ ихъ народъ, *міродеры*, стали появляться въ ея окрестностяхъ, и послышались ружейные выстрѣлы. Подъ предводительствомъ Ивана Саввича, мы поспѣшили къ Махрищскому монастырю, стоящему на устьѣ рѣки Махрища, отъ которой онъ заимствовалъ свое названіе. Разстояніемъ отъ Троицкой лавры онъ въ 30, а отъ Александрова въ 10 верстахъ; основатель его современникъ преподобному Сергію, кіевлянинъ Стефанъ, котораго св. мощи почиваютъ подъ спудомъ въ церкви, посвященной его имени. Ревнитель иноческаго житія, царь Иванъ Васильевичъ любилъ, жаловалъ эту св. обитель и не рѣдко посѣщалъ ее; разграбленная и разоренная литвою и русскими измѣнниками, она возобновлена, по указу царя Михаила Ѳедоровича св. архимандритомъ Діонисіемъ и келарем Авраміемъ Палицынымъ и съ того времени приписана къ Троицкому монастырю.

Тамъ мы застали митрополита Платона, привезеннаго на Махру изъ Виоаніи, когда непріятели появились уже на

Троицкой дорогѣ и угрожали самой лаврѣ, гдѣ было только нѣсколько десятковъ казаковъ для летучей почты. Съ Платономъ находились архимандритъ Евгеній, нынѣ архіепископъ, и племянникъ его Иванъ Платоновъ Шумилинъ. Мы пріютились въ монастырской слободкѣ. Когда мы сидѣли грустные въ избѣ, вдругъ отворилась дверь, и двое послушниковъ вошли къ намъ съ блюдами кушанья. «Его святѣйшество», сказали они, обращаясь къ батюшкѣ «узнавъ о вашемъ сюда пріѣздѣ, изволилъ прислать вамъ три блюда своего кушанья: пирогъ, похлѣбку и жареную рыбу». Такое участіе и милость митрополита тронули до слезъ моего батюшку и матушку; не помню только, плакалъ ли я. Послѣ узнали, что митрополиту дали знать о пріѣздѣ моего отца передъ самымъ обѣдомъ; столъ былъ накрытъ, и кушанье поставлено. «Несите все къ Михайлѣ Матвѣевичу».

Батюшка, послѣ обѣда, ходилъ со мною благодарить его за такое родственное участіе. Первое его слово было: «куда дѣлся злодѣй»?

Батюшка, думая что это относится къ Наполеону, отвѣчалъ: «въ Москвѣ».

— «Нѣтъ, нѣтъ, я спрашиваю о твоемъ злодѣѣ-кучерѣ». Надобно сказать, что нашъ крѣпостной кучеръ, обокравши насъ, убѣжалъ; въ то время уже разнеслась въ простомъ народѣ пущенная Наполеономъ молва, ко вреду Россіи, что онъ дастъ крѣпостнымъ волю.

«А Бонапарту съ ватагою своей», продолжалъ Платонъ съ разстановкою, не сдобровать и въ Сергіевой обители не бывать. Слышь, я вѣдь не велѣлъ убирать тамъ мощей и драгоцѣнностей. Бонапартъ возстанетъ на святыню, а святыня противъ него. Куда ему устоять!» Потомъ, какъ бы обращаясь на самаго себя, сказалъ: «Каковъ же сталъ теперь Платонъ, хуже богадѣленнаго старика».

Мы слушали въ монастырѣ вечерню. Платонъ стоялъ въ простомъ тепломъ полукафтаньѣ и въ бѣлой шапочкѣ, похожей на клобукъ, у лѣваго крилоса, опершись на палку. Не повторяю здѣсь другихъ подробностей, какія, если кому угодно прочесть, найдутъ въ изданномъ мною жизнеописаніи митрополита Платона. Иванъ Саввичъ также ходилъ къ митрополиту за благословеніемъ. Узнавъ его, преосвящен—

ный сказалъ: «Здравствуй, Иванъ Саввичъ, вотъ гдѣ и въ какое время, Богъ привелъ мнѣ видѣться съ тобою! Я было тебя обѣщалъ отпѣть, когда умрешь; а видно, тебѣ придется меня помянуть, а не мнѣ тебя отпѣвать.» Оба старика 76 и 96-лѣтній зарыдали. Иванъ Саввичъ палъ въ ноги владыкѣ, но встать самъ не могъ; его подняли.

Одинъ римскій поэтъ сказалъ: Totam quia vitam miscet dolor et gaudium т. е. вся жизнь смѣшена изъ печали и радости. И въ разсказѣ мы отъ трогательнаго и печальнаго перейдемъ на минуту къ забавному и смѣшному, а «отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ» говаривалъ Донъ-Кихотъ-покойникъ Наполеонъ I.

Мы прежде замѣтили, что Иванъ Саввичъ везъ съ собою порядочный боченокъ съ пивомъ, который поставилъ на сохраненіе въ монастырскій ледникъ. Ему захотѣлось поподчивать имъ владыку, спутниковъ и самому отвѣдать. По его приказанію, притащенъ былъ боченокъ изъ монастыря на квартиру прадѣдушки; предъ раскупоркою позванъ священникъ прочитать установленную на этотъ случай молитву и благословить питіе. Приглашены были родные и знакомые для этого торжественнаго дѣйствія и для вкушенія завѣтнаго напитка. Послѣ молитвы откупоренъ боченокъ; но въ гвоздь ничего не текло: пива уже не было, остались на днѣ только дрожжи; оно ушло въ ледъ монастырскаго погреба, какъ объяснилъ казначей.

Иванъ Саввичъ оставался еще на Махрѣ, а батюшка съ нами отправился въ свой родимой городъ Александровъ, достопамятный въ жизни царя Ивана Васильевича и цесаревны Елисаветы Петровны: тамъ въ монастырѣ онъ иночествовалъ съ опричниками, за монастыремъ въ прудѣ топилъ заподозрѣнныхъ имъ въ измѣнѣ, казнилъ виновныхъ; тамъ и дочь Петра I готовилась было къ постриженію, но вскорѣ промѣняла черную одежду монахини на царскую порфиру. Живыя преданія, хотя и занимали мое вниманіе, но мысль стремилась къ Москвѣ; разные слухи, противорѣчившіе одни другимъ, то радовали, то страшили насъ. Мы недоумѣвали, что̀ будетъ съ Москвою, съ Россіею и съ нами самими; наняли чистенькую и уютную квартиру у Рождественскаго священника Василія Часловскаго, добраго и всѣми гражда-

нами любимаго за его чинное священослуженіе и ласковое обращеніе; только не таково было у него дома съ женою и дѣтьми, какъ съ постороннимн. Возвращаясь домой изъ гостей, онъ иногда цѣлую ночь, сидя въ кухнѣ за столомъ, толковалъ женѣ своей, предъ нимъ раболѣпно стоявшей у печки: что есть любовь? Онъ то и дѣло повторялъ ей такое именно опредѣленіе: «ты не понимаешь, что такое любовь. Любовь есть то, что и болѣе ничего», и оканчивалъ фразу ударомъ кулака по столу. Я съ батюшкой перечиталъ у отца Василія всѣ книги, а ихъ было очень не много. Въ духѣ патріотическомъ я писалъ молитвы, которыя отецъ Василій читалъ въ церкви, послѣ обѣдни, за молебномъ.

Какъ теперь помню, мимо Александрова проходилъ разрозненный полкъ, искавшій своей дивизіи; у солдатъ ружья были безъ кремней. Въ то время не одинъ былъ такой примѣръ.

Ночью мы съ жителями Александрова выходили на улицу смотрѣть на ужасное зарево съ московской стороны; небо все пламенѣло; казалось, пламень волновался. Такое поразительное зрѣлище наполняло нашу душу страхомъ и унынІемъ. «Видно, горитъ наша матушка Москва!» повторяли многіе. А тамъ были наши родительскіе домы и въ нихъ наше достояніе, завѣтныя святыни, что́ называется у русскаго народа: Божіе милосердіе; библіотечка довольно порядочная. Но насъ не покидала надежда, что, если и сгорѣлъ нашъ домъ въ Троицкой, то, вѣроятно, уцѣлѣли сундуки съ имуществомъ въ кладовой казеннаго дома. Предъ разсвѣтомъ, 11 октября, съ просонья, намъ показалось, будто что-то грянуло не одинъ разъ, и будто весь покой, гдѣ мы спали, поколебался. Сперва мы приняли это за тревожный сонъ; но сонъ былъ въ руку. Черезъ нѣсколько времени, въ Александровѣ получено извѣстіе что нашъ священный Кремль взорванъ, зажженная Москва догараетъ, а французы изъ нея вышли и Богъ знаетъ, куда идутъ.

Черезъ нѣсколько дней, съ ключами отъ сундуковъ, батюшка отправился со мною въ Москву, а матушка осталась въ Александровѣ. Пріѣхавъ въ Троицкую лавру, около полудни, мы услышали въ ней 12 ударовъ въ большой колоколъ. На вопросъ нашъ, что́ значитъ этотъ необыкновенный

звонъ и въ необыкновенное время, на постояломъ дворѣ намъ отвѣчали: «митрополита Платона не стало: онъ скончался въ Вѳаніи». Весь монастырь и посадъ были въ какомъ-то смятеніи; казалось, дѣти лишились своего отца и благодѣтеля. Утѣшенный вѣстью объ изгнаніи враговъ изъ Москвы, Платонъ мирно почилъ въ основанной имъ обители вѣры, благочестія и наукъ, гдѣ ожидалъ его заранѣе приготовленный имъ себѣ гробъ и могила въ придѣлѣ Воскресенія Лазаря. Батюшка мой ѣздилъ въ Вѳанію поклониться мощамъ преосвященнаго. Покойный уже положенъ былъ въ гробъ, осѣненный херувимами на рипидахъ и покрытый святительскою мантіею. На величавомъ его челѣ выступилъ потъ, румянецъ игралъ у него на лѣвой щекѣ; потомъ лице закрыто было пеленою. Это самое подтвердилъ мнѣ, бывшій при отпѣваніи тѣла маіоръ Павелъ Васильевичъ Головинъ, извѣстный ревнитель вѣры и благочестія, усердный почитатель іерарха. Изъ лавры монахи, посадскіе и москвичи стеклись въ Вѳанію; гробъ усопшаго окружали плакавшія духовныя особы, родственники и столько посторонннихъ, сколько могли вмѣститься въ уютныхъ покояхъ Платона. Батюшка, не дождавшись отпѣванія и похоронъ святителя, поспѣшилъ со мною въ Москву, въ надеждѣ найти свои сундуки цѣлыми. По дорогѣ, отъ Пушкина до древней столицы, мы видѣли разрушительные слѣды враговъ; они порывались было въ Сергіеву обитель; но, какъ гласитъ народное преданіе, не допущены были невидимою силой. При самомъ въѣздѣ въ Москву, черезъ Крестовскую заставу, мы встрѣтили цѣлый обозъ мертвыхъ тѣлъ; всѣ почти были нагіе, окостенѣвшіе въ разныхъ положеніяхъ: кто лежалъ скорченнымъ, кто съ распростертыми руками, кто облитый запекшеюся кровью, кто съ размозженною головой; въ числѣ ихъ тамъ находились русскіе, поляки, французы, нѣмцы и итальянцы; ихъ везли въ Марьину рощу, гдѣ сожигали на кострахъ. По самому пожарищу, гдѣ еще курился навозъ на дворахъ, отъ Креста, мы доѣхали до своей Троицкой улицы, и едва узнали свое родственное пепелище. Отъ двухъ красивенькихъ нашихъ домиковъ остались только обгорѣлые каменные фундаменты и печи, а въ кучахъ пепла попался намъ прародительскій образъ Рождества Спасителя и Богоматери

въ серебряннымъ окладѣ, картина несенія креста Іисусомъ Христомъ на Голгоѳу и обожженная чайная чашка, которые и до сихъ поръ храню на память 1812 года Въ саду нашемъ попался намъ раскрытый шкафъ съ книгами и байковая шинель, которая мнѣ пригодилась. Въ каменной палаткѣ у сосѣда пріютилась старая служанка наша Василиса, которая встрѣтила насъ со слезами. Въ подвалѣ обгорѣлаго Троицкаго подворья мы отыскали нашего приходскаго священника Георгія Семеновича Легонина, который при французахъ не боялся служить въ церкви, сохраненной имъ отъ пожара, даже исправлять всѣ требы въ окрестностяхъ, за отсутствіемъ священниковъ. При неожиданномъ свиданіи, старецъ и отецъ бросились одинъ другому въ объятія и заплакали, какъ будто возставшіе изъ мертвыхъ. Въ трапезѣ церкви нашли себѣ пріютъ нѣсколько семействъ, лишенныхъ своего крова. По вступленіи непріятелей въ Москву, долго не горѣла наша мирная и скромная улица. И кто бы подумалъ, что капуста могла быть причиной немаловажныхъ послѣдствій въ 1612 и 1812 годахъ! Назадъ тому два вѣка, по сказанію Маскѣвича, голодные поляки отняли у русскихъ кадки кочанной капусты и принялися ее пожирать. Москвичи, узнавъ объ этомъ, нагрянули на оплошныхъ враговъ и побили ихъ *). Тоже почти самое случилось и съ польскими и съ французскими мародерами въ нашемъ приходѣ. На огородѣ они отняли возъ капусты; наши прихожане, собравшись, поколотили ихъ и отбили у нихъ капусту. Непріятели на другой день пришли въ большомъ количествѣ и въ отомщеніе сожгли Троицкую улицу. Загорѣлось было отъ просвирнина дома даже и самая церковь; но священникъ съ сыномъ ее загасили.

Съ ключами отъ нашихъ сундуковъ мы поѣхали въ сгорѣвшій на Тверской университетскій пансіонъ; но тамъ въ подвалахъ нашли только свои пустые, разломанные сундуки; пришлось оставить у себя на память одни ключи.

Москва наполнена была смрадомъ, на улицахъ еще валялась конская падаль; вездѣ былъ проѣздъ между обгорѣв-

*) Записки Маскевича, стр. 115 въ сказаніяхъ современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ. ч. V. Спб. 1834 г. въ 8.

шихъ печей, которыя торчали на пожарищахъ; въ подвалахъ домовъ гнѣздились московскіе жители, лишенные своего крова. Не повторяю того, что́ было уже описано въ разныхъ и книгахъ и книжкахъ, въ газетахъ и журналахъ о положеніи Москвы, по выходѣ изъ нея непріятелей; но замѣчу, что изъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній могло бы быть составлено довольно полное описаніе незабвенной годины.

Отъ общаго обращусь къ собственному положенію. Мы остановились въ уцѣлѣвшемъ домѣ нашего сосѣда, по университету, товарища и благопріятеля Захара Аникѣевича Горюшкина, добросовѣстнаго юриста, который слылъ оракуломъ, потому что многіе прибѣгали къ нему за совѣтами въ тяжебныхъ дѣлахъ. Мимоходомъ замѣчу, что Горюшкинъ, сначала подъячій сыскнаго приказа у Калужскихъ воротъ, принялся учиться безъ учителя, изъ книгъ и, даже женатый, твердилъ на постели русскую граматику и долго не могъ понять въ первомъ склоненіи примѣра: воевода, воеводы, воеводѣ; вчитывался въ исторію, географію, философію, юриспруденцію и математику, наконецъ собственными усиліями достигъ до званія профессора русскаго законовѣдѣнія въ московскомъ университетѣ, издалъ систему своей науки и судебныя дѣйствія, драгоцѣнныя для русскихъ юридическихъ древностей.

Въ зданіяхъ Воспитательнаго дома я отыскалъ любимыхъ тетокъ своихъ: Наталью Петровну Семенову и Марью Алексѣевну Струнину; ограбленныя и хворыя, онѣ терпѣли большую нужду. Мнѣ самому какъ-то отрадно было утѣшить ихъ своимъ участіемъ, по мѣрѣ возможности своей. Тяжело было переносить бѣдность Марьѣ Алексѣевнѣ, дочери Переславскаго воеводы, который далъ за нею, между прочимъ, въ приданое четвертку жемчугу; единственнаго сына своего Ивана Семеновича она пеленала въ шелковыхъ платкахъ; не скажу, соотвѣтствовалъ ли онъ ей своею нѣжностію за ея любовь. Покойница была воплощенною добродѣтелью.

Пробывъ нѣсколько дней въ разворенной и обгорѣлой Москвѣ, мы съ своими ключами и съ пустыми руками отправились въ Александровъ за матушкою, которая нетерпѣливо насъ ждала, боясь, чтобы дорогой съ нами чего не сдѣлалось въ тогдашней суматохѣ. Цѣлыми обозами мужики

пріѣзжали въ Москву обирать то, чего не успѣли, или не могли ограбить непріятели: они увозили зеркала, люстры, картины, книги, богатыя мебели, фортепьяны, словомъ, все тащили, что́ только попадалось имъ на глаза и въ руки, и все почти дорогой везли расколотое, разбитое, испорченное отъ неумѣнья сберегать. Отъ многихъ мнѣ привелось слышать, что награбившіе, большею частію, оканчивали жизнь свою въ нищетѣ и пьянствѣ.

Вскорѣ изъ Александрова батюшка съ матушкою и со мною переѣхалъ въ Москву; начальство отвело ему квартиру въ старомъ домѣ университетскаго ботаническаго сада.

Между тѣмъ вождь въ бѣгствѣ нашемъ, Иванъ Саввичъ Брыкинъ возвратился въ свое Измайловское гнѣздо; онъ навѣстилъ батюшку на его новосельѣ. У насъ не было въ квартирѣ ни мебели, ни посуды. Добрый Петръ Михайловичъ Дружининъ, директоръ 1-й московской гимназіи, радушно снабдилъ насъ тѣмъ и другимъ. Онъ первый возобновилъ изданіе московскихъ вѣдомостей, въ которомъ и я былъ участникомъ. Появленіе ихъ въ московскомъ мірѣ имѣло отрадное вліяніе на его жителей, печаталось все, что тогда особенно интересовало: реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ описанія торжествъ, патріотическія слова Августина. Все это читалось съ жадностью любопытствомъ и живымъ участіемъ. Московскія вѣдомости служили органомъ правительства и публики.

Но возвратимся къ Ивану Саввичу, съ котораго я началъ свои воспоминанія объ Измайловѣ. Заставь свой домикъ и весь обиходъ разстроенными и ограбленными, то французами, то крестьянами, онъ скоро привелъ его въ прежнее устройство. Его Калина Кузмичъ сталъ варить пивцо, на которое тогда еще не налагось большой пошлины. По своему обѣщанію, Иванъ Саввичъ ѣздилъ въ Вознію отслужить панихиду на гробѣ митрополита Платона. Жизнь нашего маститаго старца текла заведеннымъ порядкомъ, мирно и тихо, или какъ онъ говаривалъ: «ни шатко, ни валко, ни на сторону». Обыкновенно утро онъ начиналъ, а день оканчивалъ молитвою; кромѣ утреннихъ и вечернихъ молитвъ, читалъ акаѳисты Іисусу Христу и Божіей Матери, большею частію нап-

зустъ, поминалъ за здравіе живущихъ и заупокой усопшихъ родныхъ, друзей, благодѣтелей, начальниковъ, даже враговъ; однихъ духовныхъ отцовъ было у него въ теченіи жизни до 70. Остальное время дня проводилъ онъ въ занятіяхъ хозяйствомъ своимъ — каждый почти день заглянетъ въ свою пивоварню, въ садъ, въ огородъ, пчельникъ, въ конюшню и коровникъ; посидитъ въ своемъ райкѣ — такъ называлась у него бесѣдка въ саду, украшенная картинами. Если что найдется въ непорядкѣ, пожуритъ своихъ слугъ. Картъ у него и въ заводѣ не было; онъ умѣлъ и безъ нихъ занимать своихъ гостей. Доступъ къ нему былъ всѣмъ открытъ; онъ не зналъ долговъ; языкъ его не осквернялся ложью и лестью, ни клятвой, ни срамословіемъ. Слово его было твердо и дѣйственно. Поссорится ли кто съ кѣмъ въ селѣ, встрѣтится ли въ чемъ у кого недоумѣніе, идутъ на судъ и на совѣтъ къ Ивану Саввичу, который имѣлъ сильное нравственное вліяніе на жителей Измайлова: его слушались какъ начальника, любили какъ отца; по опытности и смѣтливости своей онъ умѣлъ говорить и обходиться съ крестьянами, иногда ласкою, иногда и грозою, по своей пословицѣ: «хорошо и честь и гроза.» При немъ въ Измайловѣ не было ни одного кабака; а теперь недавно я видѣлъ, и самый скромный его домикъ обращенъ въ кабакъ: въ сѣняхъ и на крыльцѣ валялись мертвецки пьяные.

Крѣпость сложенія, правильный образъ жизни, воздержаніе въ пищѣ надѣлили его здоровьемъ. Если иногда въ пріятельскомъ кругу и позволялъ онъ себѣ излишество; то, не читавъ Гуфланда, по своему разсужденію, слѣдовалъ его мнѣнію, что для произведенія полезнаго переворота въ тѣлѣ, надобно хоть разъ въ мѣсяцъ напиться. Такого правила держались и другіе нѣмецкіе врачи, а русскіе съ успѣхомъ перенимали у нихъ. Но прадѣдъ не охотникъ былъ лечиться у докторовъ; «аптека», говаривалъ онъ «убавитъ вѣка.» Какъ его безпокоилъ песокъ въ почкахъ, то употреблялъ рѣдьку; мята помогала ему въ боли желудка; отъ геморроя рябина и почечуйная трава, а болѣе всего лечился постомъ.

Переступивъ за девяносто, онъ сильнѣе началъ чувствовать недуги старости; у него сталъ образоваться на глазахъ катарактъ, такъ что онъ не могъ и въ очкахъ читать и

писать; тягостно и скучно стало ему, и онъ рѣшился ввѣрить себя доктору хирургіи Ѳедору Андреевичу Гильдебранту. Этотъ славный въ свое время операторъ, къ удивленію врачей, счастливо снялъ у него катаракту, такъ что Иванъ Саввичъ до самой смерти пользовался зрѣніемъ, читалъ и писалъ.

Какъ то сильно онъ захворалъ, слегъ въ постелю и, чувствуя разслабленіе во всѣмъ тѣлѣ, прибѣгъ къ духовному врачеству: исповѣди, причащенію Св. Таинъ и елеосвященію. По видимому, къ нему уже приходилъ послѣдній часъ, къ которому и самъ давно готовился съ живою вѣрою въ Искупителя и съ твердою надеждою на Его милосердіе. Въ то время, какъ его домашніе заботились о поминкахъ, старецъ нашъ спокойно лежитъ въ своей горенкѣ, творя про себя молитвы. Наконецъ, послѣ нѣкотораго времени, онъ всталъ, отворилъ клюкою дверь въ сѣни, гдѣ былъ чуланъ, наполненный икрой, рыбою и кулебаки (это было въ постъ) для поминокъ, и не нашутку разсердился. По разсчетливости своей, доходившей до скупости, онъ, казалось, не столько боялся смерти, къ которой давно готовился, сколько расточительности и мотовства своихъ наслѣдниковъ. Чтобы скрыть отъ него траты, которыя легко могли показаться ему излишними, они уменьшали цѣну покупокъ: купятъ за 5 р., а скажутъ за 1 рубль, а тамъ уже наверстываютъ расходы. Увидѣвъ такое множество покупокъ и предполагая, что на нихъ много потрачено денегъ, онъ закричалъ: «Ахъ, вы расточители, маркотратцы! при мнѣ еще вы мытарите мои денежки, которыя я столько лѣтъ честными трудами наживалъ; что же будетъ у васъ безъ меня?» При этомъ восклицаніи, попался ему на глаза въ сѣняхъ правнучекъ который отвѣдалъ дѣдушкина костыля.

Не за долго предъ смертію его, случился съ нимъ рѣдкій въ лѣтописяхъ медицины припадокъ, который онъ называлъ дьявольскимъ навожденіемъ. Не одно старческое его воображеніе разыгралось отъ избытка тѣлесныхъ силъ, сбереженныхъ въ запасъ цѣломудренною юностью и честнымъ вдовствомъ; не однимъ воображеніемъ, но и самымъ дѣломъ онъ дошелъ до того, что, какъ самъ говорилъ, «стерпѣть не могъ демонскаго стрѣлянія». Прадѣдушка влюбился въ

какую-то 40-лѣтнюю вдову и хотѣлъ жениться на ней. Внучата его испугались и уговорили его оставить это намѣреніе.

Отъ прадѣдушки обращусь къ батюшкѣ. По возвращеніи въ Москву, онъ на пожарищѣ своего дома выстроилъ погребъ и кокошню, потомъ, вмѣсто двухъ флигилей, порядочный домикъ съ мезониномъ. Это стоило ему многихъ трудовъ и заботъ: стараясь купить лѣсъ на строеніе подешевле, онъ въ грязь и слякоть самъ ходилъ въ лѣсной рядъ и на рынокъ, хлопоталъ на стройкѣ; тутъ онъ простудился, чахотка закралась ему въ грудь, онъ часто кашлялъ и видимо таялъ. Я при немъ былъ уже магистромъ, въ университетѣ преподавалъ лекціи о латинскомъ языкѣ, въ воспитательномъ домѣ уроки о русской словесности, занимался переводами съ французскаго и нѣмецкаго языковъ; обществомъ любителей россійской словесности, подъ предсѣдательствомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго, принятъ былъ соревнователемъ. Въ Антонскомъ я нашелъ себѣ покровителя, который поощрилъ меня упражняться въ литературѣ. Опыты моихъ трудовъ читаны были въ публичныхъ собраніяхъ общества. Но батюшкѣ было годъ отъ году хуже, болѣзнь развивалась; уже онъ не могъ вставать съ постели, въ которой однакожъ читалъ и подписывалъ казенныя бумаги, присылаемыя изъ университета. Лечилъ его докторъ Ромодановскій, который, все на веселѣ, шутилъ его болѣзнію; но я, видя, что дѣло идетъ не на шутку, пригласилъ доктора Ѳ. А. Гильдебранта, который совѣтовалъ мнѣ приготовлять себя къ потерѣ отца, а его къ смерти. Не могу представить себѣ, какъ мнѣ и матушкѣ было тяжко; я даже приходилъ въ отчаяніе; но батюшка былъ спокоенъ, позвалъ къ себѣ гробовщиковъ и самъ съ ними торговался, записывая на листѣ бумаги все, что̀ нужно для своихъ похоронъ. «Мнѣ нѣтъ нужды, хотя бы меня въ рогожкѣ бросили въ навозъ; но что скажутъ о женѣ и сынѣ, если они меня похоронятъ кое-какъ», молвилъ онъ гробовщикамъ. У него сдѣлалось предсмертное иканіе, его душила клейкая мокрота. Отдавъ матушкѣ бумажникъ съ небольшою суммою денегъ, приготовленною на похороны, рано утромъ велѣлъ мнѣ подать себѣ часы, посмотрѣвъ на нихъ, пальцемъ ука-

залъ на 6 часъ: то былъ часъ его кончины. На предложеніе матушки исповѣдаться и причаститься, отвѣчалъ: «Погодите, дайте мнѣ приготовиться; самъ скажу, когда надобно будетъ.» Между тѣмъ позвалъ къ себѣ церковнаго старосту нашей приходской церкви И. І. Демидова и просилъ заняться его похоронами. «Знаю, что женѣ и сыну будетъ не до того; мнѣ съ ними, а имъ со мною тяжело будетъ разставаться. Поусердствуйте имъ, ради Бога, схоронить меня». Наконецъ онъ громко сказалъ: «Готовъ, готовъ, пошлите за священникомъ». Послѣ исповѣди и причащенія, его соборовалъ почтенный Адріановскій протоіерей Матвѣй Николаевичъ. При чтеніи послѣдняго Евангелія, батюшка ухватился за него рукою и такъ скончался. Это случилось 16 іюня 1821 года. Гробъ съ его тѣломъ несли профессоры до приходской церкви, а послѣ отпѣванія студенты до Лазарева кладбища. Съ такою твердостію духа, какъ христіанинъ, встрѣтилъ смерть свою добрый родитель мой; его оплакивали не одни родные, но и посторонніе, которымъ онъ былъ не чужимъ, по природной своей благотворительности. Сколько пристроено имъ было вдовъ и сиротъ! Предъ смертію своей, онъ сжегъ кипы просьбъ и просительныхъ писемъ, сочиненныхъ имъ безкорыстно для вдовъ и сиротъ: Богъ благословлялъ успѣхомъ его ходатайства. На батюшкѣ осталось до двухъ тысячъ ассигнаціями долга. Богъ помогъ мнѣ развязать его душу, какъ онъ всегда желалъ. Нѣкто изъ знакомыхъ мнѣ сказалъ: «Право, вашего батюшку нельзя похвалить за то, что имѣлъ столько случаевъ нажиться, и не нажился»; но, не упуская сдѣлать по возможности добро ближнему, онъ, какъ написалъ объ немъ Мерзляковъ въ эпитафіи:

«И въ скудномъ жребіи богатъ для бѣдныхъ былъ.»

Наружность отца моего не соотвѣтствовала его внутренности; просившимъ его не льстилъ, не водилъ обѣщаніями и обнадеживаніями, но дѣлалъ по крайней своей возможности, съ усердіемъ; чуждался благодарности, даже отрекался отъ собственныхъ дѣлъ своихъ. Профессоръ Сандуновъ записывалъ въ особую книгу замѣчательныя кончины разныхъ ему извѣстныхъ людей. Не знаю, куда дѣвалась, послѣ его смер-

ти, эта любопытная во многихъ отношеніяхъ книга? Она могла бы быть матеріалемъ для предсмертной психологіи: въ послѣднихъ часахъ жизни человѣческой разительнѣе высказывается душа, освобождаемая отъ узъ тѣла, при таинственномъ переходѣ изъ одного міра въ другой. Вотъ почему даютъ особенную важность и значеніе предсмертнымъ словамъ и самымъ мановеніямъ. Еслибъ Сандуновъ слышалъ и видѣлъ кончину моего прадѣда Ивана Саввича Брыкина и отца, навѣрное вписалъ бы ее въ свою книгу.

Не за долго до блаженной кончины прадѣдушки, я его посѣтилъ съ сенаторомъ Малиновскимъ и присутствовалъ съ матушкой при кончинѣ и погребеніи Измайловскаго старожила. Чувствуя близость смерти, онъ не рѣдко очищалъ душу свою покаяніемъ, освящая ее таинствомъ причащенія; духа не погашалъ въ себѣ и не терялъ ни памяти, ни соображенія. По его желанію, положены были ему на грудь жалованный Петромъ I рублевикъ и письма митрополита Платона, съ которыми онъ не хотѣлъ разставаться въ гробѣ и могилѣ. Къ предсмертной его постели приходили прощаться съ нимъ Измайловскіе жители; живши съ ними такъ долго, онъ всякаго помнилъ и узнавалъ, называя по имени и отчеству, почти каждому давалъ соотвѣтственныя наставленія, однихъ журилъ, другихъ утѣшалъ, или привѣтствовалъ; словомъ, едва ли кого оставилъ безъ вниманія. Его предсмертное прощаніе представляло умилительное и назидательное зрѣлище, съ тѣмъ вмѣстѣ замѣчательный примѣръ силы и присутствія духа, готоваго уже оставить дряхлое тѣло. Наступилъ день Ангела Ивана Саввича, Св. Іоанна, Списателя Лѣствицы; то было 30 марта. Выслушавъ молебенъ тезоименитому себѣ Святому и отходную, больной осязательно ощутилъ приближеніе смерти.

«Вотъ она въ ногахъ, вотъ въ колѣнахъ», говорилъ онъ, «вотъ и въ животѣ, идетъ къ груди; дайте мнѣ Богоявленской воды», прихлебнувъ, молвилъ: «охъ, я думалъ, чтб легче умирать; простите; Господи, помилуй». Послѣднее слово замкнуло его уста; скрестивъ руки на груди, потянулся, тихо вздохнулъ, и этотъ вздохъ былъ послѣдній въ его жизни. Всѣ предстоящіе зарыдали.

Всякій разъ, какъ прохожу мимо стараго нашего упи-

верситета (а я смотрю на него безъ малаго шестьдесятъ лѣтъ, отъ дѣтства до старости) всякій разъ пробуждаются близкія сердцу моему воспоминанія и чувствованія: здѣсь были первые мои учители и товарищи моихъ дѣтскихъ лѣтъ, но гдѣ они? Здѣсь развивались мои понятія, здѣсь душа моя принимала первыя впечатлѣнія отъ окружавшихъ меня, и онѣ остались на всю жизнь; здѣсь я учился, училъ и служилъ. Къ университету обращаюсь съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ обращался къ своей колыбели. Кто безъ сердечнаго участія смотритъ на тѣ мѣста, которыя были свидѣтелями нашего дѣтства и юности? Онѣ оживляютъ въ памяти нашей близкихъ намъ людей, которые дѣлили съ нами мысли и чувства, тѣ событія, въ которыхъ мы принимали участіе и сочувствовали имъ. Отнимите это воспоминаніе отъ жизни, вы разорвете живую связь прошедшаго съ настоящимъ, опустошите сердце. Довольна ли будетъ оторванная отъ прошедшаго жизнь однимъ настоящимъ, насущнымъ?

Переходъ ребенка изъ родительскаго дома, изъ семейнаго круга въ университетъ, важная эпоха въ жизни. Таковъ казался мнѣ и мой переходъ въ университетскую гимназію не задолго до преобразованія университета 1804 года. Тогда она помѣщалась въ верхнихъ этажахъ стараго зданія, построеннаго архитекторомъ Казаковымъ. Ученики раздѣлялись на казенныхъ и своекоштныхъ; къ послѣднимъ и я принадлежалъ. Первые носили сюртуки изъ верблюжьяго сукна, на подкладкѣ изъ зеленаго стамеда; послѣдніе не подчинялись особенной формѣ: кто ходилъ въ сюртукѣ, кто въ куртки, кто въ шинели. Классы были утренніе и послѣобѣденные; за порядкомъ въ нихъ смотрѣли педели и дежурные офицеры. Тогда я засталъ директоромъ *И. П. Тургенева*, инспекторомъ *П. И. Страхова*.

Изъ Троицкой улицы на Самотекѣ каждый день, кромѣ субботы, я хаживалъ пѣшкомъ съ узелкомъ книгъ и тетрадокъ на утренніе и вечерніе классы, т. е. верстъ восемь въ день. У отца моего были три хорошія лошади и двое дрожекъ; но онъ мнѣ не давалъ ѣздить, пріучая меня ходить пѣшкомъ; за что я и теперь благодаренъ ему. Только въ дурную погоду, иногда я получалъ пятакъ, за которой

можно было на волочкѣ съ фартукомъ пріѣхать въ университетъ. Обыкновенный мой путь лежалъ канавой, обложенной дикимъ камнемъ. Какъ въ дождливое время по обѣ стороны канавы были непроходимыя грязи, то я пробирался по камнямъ. Канава вела на каменный Кузнецкій мостъ, на который надобно было всходить ступеней пятнадцать, подъ аркамп. Теперь все это сравнено, такъ что и слѣду нѣтъ арокъ и ступенчатой лѣстницы, на которой снижпвали пищіе и торговки съ моченымъ горохомъ, разварными яблоками и сосульками изъ сухарнаго тѣста съ медомъ, сбитнемъ и медовымъ квасомъ, предметами лакомства прохожихъ. Лакомство это стоило денежекъ и полушекъ.

Въ гимназіи первымъ моимъ учителемъ былъ старикъ Французъ *Лере*, который училъ французскому языку, заставлялъ насъ твердить наизустъ вокабулы и разговоры, коверкая русскія слова. Кто не твердо выучивалъ урокъ, или шалилъ въ классѣ, тому давалась въ лобъ кокура; чтобы избавиться отъ наказанія, оставлявшаго шишки на лбу, ученики выдумывали разныя извѣстія, напр. «Слышали ль вы, г. Лере, что Французы Русскихъ побили?» — А гдѣ вы это читали?» — Кто скажетъ въ Рязанскихъ, кто въ Тульскихъ газетахъ! — А для чего нѣтъ этого въ Московскихъ? — «Нарочно, мусье, скрываютъ, стыдно вѣдь нашимъ». И простосердечный Французъ былъ очень доволенъ этимъ и не спрашивалъ урока у нувеллистовъ. Зимой онъ снижпвалъ на стулѣ, въ шубѣ, спустя ея рукава, да и жилъ и училъ онъ, какъ говорится «спустя рукава». Ученики, стоя позади его, ножичкомъ распарывали ему по швамъ шубу. Лери вскакивалъ со стула, бѣсился, кидался на учениковъ съ кокурами; но мальчики разбѣгались.

Первый классъ русской грамматики и ариѳметики занималъ *Сивковъ*, сухопарый, суровый старикъ, высокаго роста, съ длинной косою и въ черномъ фракѣ; онъ безпрестанно моргалъ глазами. Хотя боялись его палей и розогъ, на которые онъ не скупился; но изъ корридора въ двери то и дѣло ему кричали чужаки (такъ назывались тогда приходившіе изъ другихъ классовъ): сивка бурка, вѣщая каурка. Этихъ шалуновъ, запыхаясь, онъ ловилъ; кого поймаетъ, тому жутко доставалось; велитъ сторожамъ растянуть ви-

новатаго на скамейкѣ и такъ отпоретъ, что небу жарко, или вздуетъ палями ладони, или поставитъ на колѣни на горохъ. Но все это не унимало шалуновъ, которые и на провожаньи его по лѣстницѣ, кричали ненавистный для бѣднаго Сивкова возгласъ: сивка, бурка, и умолкали только при появленіи дежурнаго офицера, или инспектора.

Во время вакацій, начальство посылало профессоровъ на ревизію подвѣдомственныхъ университету училищъ; въ 1805 году отецъ мой ѣздилъ во Владиміръ для открытія тамъ гимназіи; я сопровождалъ его въ родѣ секретаря. Тогда тамъ губернаторомъ былъ питомецъ университета *князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій*, а архіереемъ *Ксенофонтъ Троепольскій;* одинъ какъ поэтъ, славился любовію своей къ изящнымъ искусствамъ, прекрасному полу и увеселеніямъ, другой гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ, великолѣпіемъ служенія и хоромъ пѣвчихъ. Губернаторъ, по случаю открытія гимназіи, устроилъ блистательное торжество; отецъ мой, какъ визитаторъ, въ собраніи сказалъ рѣчь, губернаторъ стихотвореніе свое. Хоръ пѣвчихъ и оркестръ музыки украсилъ это торжество, довершенное роскошнымъ обѣдомъ и затѣйливою иллюминаціей. Это былъ праздникъ для всего города; не доставало только пушечной пальбы и фейерверка. Кажется, никогда не можетъ изгладиться впечатлѣніе, какое произвело на меня торжественное служеніе Ксенофонта въ древнемъ Владимірскомъ соборѣ. Стройное и величественное пѣніе настраивало душу ребенка къ благоговѣйному восторгу. До сихъ поръ я не слыхивалъ такого огромнаго баса, каковъ былъ Ѳедоръ Петровъ, который голосомъ своимъ покрывалъ хорошо подобранные голоса многочисленнаго хора. Чтеніе соотвѣтствовало пѣнію, все по камертону; самое священнодѣйствіе — словамъ литургіи, особенно въ возгласахъ. У преосвященнаго, за сытнымъ обѣдомъ, въ пространныхъ архіерейскихъ покояхъ, посреди плодоваго сада, пѣли концерты и канты съ инструментальною музыкой.

Возвратясь изъ поѣздки нашей къ классическимъ занятіямъ, я поступилъ къ другимъ учителямъ; скажу нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Латинскій языкъ преподавалъ намъ *Тростинъ* по своему

учебнику, который мы зубрили наизустъ: склоненія, спряженія и неправильные глаголы твердо знали, переводили мало. Въ классѣ у него были аудиторы, которые, облегчая труды учителя, давали ему время сходиться на бесѣду въ корридорѣ съ другими учителями. Тогда на стражѣ ставили одного ученика смотрѣть, не пойдетъ ли по классамъ инспекторъ.

Русской граматикѣ училъ *Кичеевъ*, рослый, толстый и осанистый мужчина, лѣтъ около 50; онъ былъ грозою учениковъ, которые въ классѣ сидѣли у него тихо и смирно, боялись не палей и розокъ, но его взгляда и слова; даже другіе учителя призывали его для усмиренія шалуновъ. Онъ считался знатокомъ грамматики.

Французскому языку я учился у *Побѣдоносцева* и *Перелогова*; оба они извѣстны учеными трудами своими, одинъ переводами съ французскаго на русскій, также изданіемъ журнала, другой сочиненіемъ французской грамматики, которую одинъ Французъ, перепечатавъ, выдалъ за свою. Оба они знали основательно французскій языкъ, но не усвоили себѣ французскаго произношенія, со всѣмъ тѣмъ были полезными преподавателями. Синтаксисъ послѣдняго показываетъ глубокое изученіе французскаго языка. Товарищами моими были: *П. И. Давыдовъ*, *А. И. Боровковъ* и *А. П. Красовскій*, въ послѣдствіи сенаторы. Давыдовъ, по ученію и дарованіямъ, былъ между нами первый.

Чаще всѣхъ учителей гимназіи призывалъ къ себѣ въ классъ Кичеева, для усмиренія буйныхъ, преподаватель латинскаго языка и знатокъ греческаго, богословъ и археологъ, сочинитель извѣстнаго и доселѣ незамѣнимаго толкованія на литургію *Иванъ Ивановичъ Дмитревскій*; онъ преподавалъ латинскій синтаксисъ, переводилъ съ учениками басни Федра и Корнелія Непота. Какъ станетъ спрашивать урокъ, то одинъ вставалъ послѣ другаго, поднявъ къ верху руку, скажетъ: «Иванъ Ивановичъ, я знаю лучше». Такъ обойдетъ весь классъ, а урока не спроситъ. Памятна мнѣ эта личность своею наружностію. Онъ сохранилъ типъ сепариста; средняго роста, съ старомодною прическою и длинною косой, носилъ тафтяный кафтанъ, весь масляный отъ блиновъ, которые любилъ ѣсть, штаны съ мѣдными шлиф-

ными пряжками, неуклюжіе башмаки съ заплатами. Случалось, что, снявъ со столовъ доски и на обратной ихъ сторонѣ намалевавъ чернилами и мѣломъ чертей, которыхъ Иванъ Ивановичъ очень боялся, разставляли ихъ по стѣнкамъ, а сдѣлавъ изъ булокъ родъ свѣчей къ нимъ прилѣпливали. Такое позорище пугало его, а онъ приказывалъ нести на показъ инспектору Страхову. Весь классъ несъ черезъ дворъ изъ одного флигеля въ другой такія доски съ пѣніемъ, въ предшествіи учителя, котораго шляпу несли на подушкѣ. Благоразумный и благородный Петръ Ивановичъ, сдѣлавъ скромно замѣчаніе учителю, а ученикамъ выговоръ, отсылалъ всю процессію назадъ; потому что въ этомъ находилъ не бунтъ и мятежъ, но ребяческую шалость и учительную слабость. По простотѣ и добротѣ Иванъ Ивановичъ былъ ребенокъ, а по своимъ познаніямъ и трудамъ мужъ, достойный уваженія. Надобно замѣтить, что тогда между учеными велось какое-то юродство въ странности обхожденія, въ небрежности платья и въ образѣ жизни. Казалось, они этимъ щеголяли другъ передъ другомъ и хотѣли отличаться отъ неученыхъ.

Мѣсто Дмитревскаго заступилъ *Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій*, составлявшій рѣзкую противоположность съ Дмитревскимъ. Знатокъ еллинскаго и латинскаго языковъ, молодой человѣкъ, строгій исполнитель своей обязанности, искусный преподаватель, онъ умѣлъ внушить своимъ ученикамъ уваженіе и привязанность къ себѣ; его слушали съ какимъ-то подобострастіемъ, ловили всякое его слово. Тотъ же предметъ преподавалъ намъ многоученый и трудолюбивый, но не даровитый *Ивашковскій*, издатель большаго греко-русскаго и латинскаго словарей, переводчикъ многихъ книгъ съ иностранныхъ языковъ, коротко ему знакомыхъ.

Я было еще пропустилъ строгаго учителя исторіи и географіи *Михаила Григорьевича Падерина*. Въ классѣ его не рѣдко производилась экзекуція, а въ корридорахъ атаки на него: стучали въ двери, подкладывали полѣнья и т. п. Толстенькой и низенькой старичокъ, съ палею въ рукахъ, гонялся за дерзкими шалунами по корридору; когда кого

поймаетъ, то жутко доставалось ушамъ и ладонямъ. Такая ловля не рѣдко останавливала преподаваніе.

Лѣтнею порой, когда открывались окна въ классахъ и ученическихъ комнатахъ, часто и по долгу слышались жалобные стоны и болѣзненные крики: по субботамъ бывала расправа съ лѣнивцами, шалунами и нарушителями порядка, которые не скоро забывали это отеческое исправленіе. Въ духѣ того времени такія мѣры употреблялъ эфоръ казенныхъ учениковъ *Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ*, человѣкъ впрочемъ, по своимъ познаніямъ и трудамъ, почтенный, знатокъ нѣмецкаго языка, сочинитель его грамматики, которая въ свое время почиталась лучшею, лексикона русско-нѣмецко-итальянскаго, по которому учился Шлёцеръ русскому языку, издатель политическаго журнала. Метода сѣченія въ училищахъ не только свѣтскихъ, но еще болѣе въ духовныхъ, тогда была общеупотребительная. Она входила въ кругъ преподаванія и въ занятія учителей. На сколько она была полезна, можно судить по опытамъ Намъ привелось слыхать благодарность отъ испытавшихъ ее въ школѣ. Такъ расходятся понятія одного вѣка съ понятіями другаго!

Отъ предметовъ ученія и учителей перейдемъ къ потѣхамъ народнымъ, которыя привлекали вниманіе, только не участіе наше въ часы, свободные отъ классовъ: это были кулачные бои на Неглинной, которые я любилъ смотрѣть съ ровесниками только издали. Тамъ сходились бурсаки духовной академіи и студенты университета, стѣна на стѣну: начинали маленькіе, кончали большіе. Университетамъ помогали Неглинскіе лоскутники. Когда первые одолѣвали, то гнали бурсаковъ до самой академіи. Народу стекалось множество; восклицанія сопровождали побѣдителей, которые не рѣдко оставляли поприще свое, по старой пословицѣ, *наша взяла и рыло въ крови:* у одного подъ глазами ставилось сто фонарей, другой не досчитывался зубовъ и т. д.

Пристрастясь къ музыкѣ, я учился на скрипкѣ; но надо мною сбылась пословица: «охота смертная, да участь горькая». Объ успѣхахъ моихъ въ танцованьѣ можно судить по отзыву учителя-итальянца: «русской медвѣдь». Но въ каллиграфіи я былъ чуть не первымъ ученикомъ, и отецъ

мой, любя ее, поощрялъ меня въ этомъ, давалъ мнѣ переписывать письма и дѣловыя бумаги; это мнѣ въ послѣдствіи пригодилось и чуть ли не повадило меня къ многописанію, отъ котораго и до сихъ поръ не могу совершенно вылечиться. Въ университетѣ тогда щеголяли краснописаніемъ. Въ кругъ школьныхъ занятій входило списываніе учительскихъ тетрадокъ и даже печатныхъ книгъ, которыя бывали рѣдки, такъ что иные списывали цѣлые лексиконы. Тогда держались правила: «кто пишетъ, тотъ дважды читаетъ».

Кажется, въ 1807 году я вступилъ въ университетъ студентомъ, съ дѣтскимъ восхищеніемъ надѣлъ студенческій мундиръ, трехуголку и привѣсилъ шпагу, которую клалъ съ собою на постель. Мое торжество раздѣляли со мною матушка и бабушка. Мнѣ казалось, что не только родные и сосѣди, но и встрѣчные и поперечные заглядывались на мою шпагу, а что болѣе льстило моему ребяческому тщеславію, будочники и солдаты отдавали мнѣ честь. Конечно, это мечта, но кто не захотѣлъ бы ее воротить, а съ нею и лѣта юности, когда сама природа насъ привѣтствуетъ своею материнскою улыбкою, когда сердце свободнѣе и шире бьется, когда радуетъ насъ безділка? Но все промчалось какъ утренній сонъ: не умираетъ только воспоминаніе.

Скажу нѣсколько словъ о первомъ ректорѣ университета *Харитонѣ Андреевичѣ Чеботаревѣ*, почтенномъ и сановитомъ старцѣ, ученѣйшемъ профессорѣ, другѣ Новикова, товарищѣ Потемкина, бывшемъ въ тискахъ у Шишковскаго, но странномъ и причудливомъ въ обращеніи. Знаменитый Шлецеръ называлъ Чеботарева «своимъ руководителемъ въ русской исторіи». Каково же было мое удивленіе, когда я его встрѣтилъ въ классахъ: въ одномъ нижнемъ платѣ и въ короткомъ, плащѣ безъ воротника, съ Анниискимъ орденомъ на шеѣ съ плюмажною шляпою на головѣ и съ тростью въ рукѣ. Онъ не носилъ ни пукли, ни косы, не пудрился, голова у него была гладко острижена; въ поставѣ и въ походкѣ его выражалась самоувѣренность. Всѣмъ онъ говорилъ *ты;* зная его, никто на это не сердился. Обхожденіе его могло показаться грубымъ, еслибъ

оно не было выраженіемъ ума; почти всѣхъ онъ называлъ по имени, а не по отечеству, говорилъ отрывисто, но когда былъ въ ударѣ, или по нынѣшнему, въ духѣ, рѣчь его лилась рѣкою. Новое поколѣніе едвали повѣритъ, что никто, при видѣ Харитона Андреевича, не смѣлъ улыбнуться, а тѣмъ паче засмѣяться и зашикать. Такъ уважали его! Правда, тогда не издавались ни *Искра*, ни *Развлеченіе*, ни *Заноза* и т. п.

Другая близкая мнѣ личность былъ профессоръ философіи, товарищъ и другъ моего отца, *Андрей Михайловичъ Брянцовъ*. Маленькій ростомъ неуклюжій, старый холостякъ носилъ длинную косу и старомодный кафтанъ съ большими пуговицами; онъ ни съ кѣмъ не переписывался, не дѣлалъ форменныхъ визитовъ. Послѣ ученыхъ трудовъ, проходилъ ежедневно извѣстное пространство отъ университетской квартиры до города, а по праздникамъ его всегда можно было увидать съ другомъ его Страховымъ въ Успенскомъ соборѣ у лѣваго столба, слушающимъ литургію или всенощную, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ. Безукоризненная одинокая жизнь его украшалась благочестіемъ и добродѣтелію: онъ былъ не по имени, а по дѣламъ, философъ христіанскій. Напитанный чтеніемъ классическихъ писателей Греціи и Рима, проникнутый Священнымъ Писаніемъ, онъ не оставлялъ изучать философовъ Англіи, Германіи и Франціи, но изучалъ съ убѣжденіемъ Бакона, что «поверхностное знаніе философіи ведетъ къ безбожію, а основательное утверждаетъ въ спасительной вѣрѣ». Не могу вполнѣ высказать моей благодарности Андрею Михайловичу; я обязанъ ему многими свѣдѣніями и указаніями; заходя къ нему послѣ классовъ, между прочимъ, возымѣлъ я отъ него мысль заняться русскими пословицами, которыя любилъ онъ и часто приводилъ въ разговорахъ кстати. Какъ жалѣю до сихъ поръ, что не могъ вполнѣ воспользоваться ученостью незабвеннаго Брянцова!

Мѣсто ректора Чеботарева заступилъ *Страховъ*, профессоръ физики. Признаюсь, я рѣдко видалъ такого статнаго, безъ принужденія, величаваго безъ напыщенности, красиваго безъ притязанія и вѣжливаго безъ манерности, какъ этотъ истинно почтенный и благородный мужъ. Самый

видъ его внушалъ невольное къ нему уваженіе. Скажу безъ преувеличенія, въ управленіи своемъ не нужно было ему прибѣгать къ наказанію, угрозамъ и брани; все дѣлалось по его распоряженію въ точности, не изъ страха, но изъ опасенія огорчить его. Изъ этого можно заключить, какъ его уважали и любили. Его обширныя познанія и дарованія возвышали краснорѣчивое слово и пріятно-звучный теноръ-бассъ. На публичныя его лекціи сбирались изъ всѣхъ почти сословій въ Москвѣ; тамъ я видалъ княгиню Екатерину Романовну Дашкову, Ивана Ивановича Дмитріева, Карамзина. Послѣ лекцій изъ аудиторіи до квартиры провожали его толпы слушателей, которые и дорогой получали его объясненія на свои вопросы и недоумѣнія. Такіе переходы представляли нѣчто торжественное.

Какъ просвѣщенный любитель изящныхъ искусствъ, Страховъ завелъ въ университетѣ превосходный хоръ пѣвчихъ изъ его питомцевъ. Въ воскресные дни дворъ его былъ полонъ каретъ и колясокъ, а церковь тѣсна для многочисленныхъ посѣтителей. Стройное, изящное и одушевленное пѣніе приводило въ благоговѣйный восторгъ. Современники не могутъ забыть Карецкаго, Кошанскаго, Редлена.

Въ вакаціонное время, въ классахъ устроенъ былъ, при содѣйствіи Страхова, театръ, на коемъ играны были питомцами комедіи и оперы. Здѣсь проявились блистательные таланты, которыми любовались спеціалисты въ этомъ — оба братья Сандуновы. Восхищалась своя и посторонняя публика, такъ что не доставало мѣста для желавшихъ.

Какъ забыть въ своемъ воспоминаніи безрукаго профессора математики; хотя я и не слушалъ его лекцій, но потому что отецъ мой пользовался его расположеніемъ и привѣтливымъ вниманіемъ. Не говорю уже объ извѣстной его учености по своей части; но замѣчу нѣкоторыя крупныя черты его своеобразности въ жизни домашней и общественной, въ особенности его взглядовъ на вещи. Вѣчный холостякъ, онъ жилъ скромно и уединенно въ своей тѣсной квартирѣ у ограды церкви Св. Георгія на Красной горкѣ, въ деревянномъ домикѣ о трехъ окнахъ на улицу. Ему прислуживалъ старый солдатъ, который, когда запьетъ, профессоръ самъ мелъ свои комнатки и дворикъ, самъ чистилъ

себѣ платье и сапоги, готовилъ всегдашнее умѣренное кушанье — щи и кашу. При своей расчетливости, онъ позволялъ себѣ роскошь въ чаѣ, который покупалъ самый лучшій и дорогой и подчивалъ имъ тѣхъ, которые были ему по праву и по сердцу. Онъ никогда почти не ѣздилъ, а ходилъ пѣшкомъ во всякое время года; только, любя Донскій монастырь, гдѣ землякъ его, товарищъ и другъ Викторъ Антонскій былъ архимандритомъ, иногда нанималъ извощика, да и то, когда тотъ задорожится, покупалъ себѣ фунтъ каленыхъ орѣховъ и насыпавъ ихъ въ карманъ, грызъ ихъ для сокращенія пути. Это у него называлось «ѣхать на орѣхахъ». На дворѣ монастыря и теперь видны устроенные однорукимъ профессоромъ солнечные часы на каменномъ піедесталѣ. Въ прогулкахъ его особенно занимали строенія; своими замѣчаніями, какъ механикъ, онъ полезенъ былъ архитекторамъ, мастерамъ и подрядчикамъ. Не имѣя ни съ кѣмъ переписки, онъ ни съ кѣмъ не кланялся, никому не дѣлалъ визитовъ. Замѣчательно было расположеніе его библіотеки: по словесности она начиналась съ азбуки, по математическимъ наукамъ съ ариѳметики и т. д. Отдѣляя отъ внѣшнихъ странностей нравственный его характеръ, безъ преувеличенія можно сказать, что *Панкевичъ* представлялъ образецъ честности и прямодушія. Впрочемъ онъ самъ откровенно говаривалъ ученикамъ своимъ: «я не таковъ прежде былъ какъ теперь; но есть привычка, есть и отвычка», только не досказалъ, какой силы воли требуется, какого труда и самопожертвованія стоитъ отвыкать, къ чему съ молодости привыкли.

Въ вакаціонное время 1808 года отецъ мой взялъ меня и товарища моего Голтякова, для обозрѣнія училищъ Рязанской губерніи; въ самой Рязани, Зарайскѣ, Данковѣ, Спасскѣ, Касимовѣ, Раненбургѣ, Скопинѣ. Тогда епархіею управлялъ архіепископъ Амвросій Яковлевъ Орлинъ; директоромъ гимназіи былъ Клечановскій. Меня привлекалъ своею древностію соборъ, гдѣ погребенъ митрополитъ Рязанскій Стефанъ Яворскій и преемникъ его архіепископъ Алексѣй Титовъ, которому, хотя первый препятствовалъ занять эту епархію, но послѣдній успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Сидя на облачальномъ амвонѣ, въ соборѣ, Алексѣй,

указывая на гробницу своего предшественника, говорилъ: «Стефане, Стефане, ты лежишь здѣсь, а я сижу на твоемъ мѣстѣ». По краткости времени и отъ развлеченія, я не могъ тамъ осмотрѣть и замѣтить всѣхъ достопамятностей въ самой Рязани; только въ Богословскомъ монастырѣ привлекла мое вниманіе древняя чудотворная икона Св. Іоанна Богослова, на которую, вслѣдствіе какого-то видѣнія, самъ лютый Батый повѣсилъ свою золотую печать; но, къ сожалѣнію и къ удивленію, не такъ давно архимандритъ, снявъ эту печать, употребилъ ее на позолоту водосвятной чаши. Въ Рязани, въ Архангельскомъ соборѣ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на мантію ревностнаго миссіонера въ Мордвѣ преосвященнаго Мисаила, пробитую стрѣлами и обагренную его мученическою кровію. Въ Зарайскомъ соборѣ привлекъ на себя мое вниманіе древній Корсунскій образъ святителя Николая, особенно чествуемый тамошними окрестными жителями; въ Касимовѣ на Окѣ татарскій минаретъ и усыпальница Касимовскихъ царей, въ Раненбургѣ крѣпость, гдѣ содержался несчастный Иванъ Антоновичъ, носившій титулъ императора нѣсколько мѣсяцевъ. При обозрѣніи училищъ, отецъ дѣлалъ въ нихъ публичные экзамены, входилъ съ почетными жителями въ сношенія для поддержки училищъ. Бумаги переписывалъ я.

По возвращеніи своемъ въ родимую Москву, я продолжалъ слушать лекціи въ словесномъ отдѣленіи. Припомню нѣкоторыхъ изъ профессоровъ.

Павелъ Аѳанасьевичъ Сохацкій, товарищъ и землякъ Антонскаго и Панкевича, съ обширною ученостью соединялъ тонкій вкусъ и развитое чувство изящнаго, рѣдкій даръ слова, которымъ увлекалъ вниманіе своихъ слушателей. Онъ первый преподавалъ въ университетѣ эстетику, съ тѣмъ вмѣстѣ читалъ съ нами римскихъ классиковъ. Прекрасные его разборы одъ Горація́евыхъ коротко насъ знакомили съ духомъ поэта. Студенты обязаны его краснорѣчивымъ лекціямъ развитіемъ вкуса и любовію къ изящному.

Нѣкогда строгій эфоръ, гроза казенныхъ учениковъ, въ мое время является онъ снисходительнымъ профессоромъ русской словесности; у него занимались мы анализомъ со-

чиненій, къ отдѣленію мысли отъ выраженія, пріучались къ сочиненіямъ и совершенствовались въ переводахъ. Переложеніе псалмовъ съ славянскаго на русскій открывало намъ духъ и красоты священной поэзіи; въ этомъ руководствомъ профессору были Лавтъ и Гердеръ. Разборомъ въ классѣ опытовъ студенческихъ онъ умѣлъ возбудить соревнованіе въ слушателяхъ. Къ основаніямъ славянской грамматики онъ присоединилъ и теорію словесности.

Въ свое время знаменитый филологъ, знатокъ еллинскаго и латинскаго языковъ, *Маттеи*, описавшій греческія рукописи Московской патріаршей библіотеки, разбиралъ и объяснялъ Гораціевы оды, заставляя насъ дѣлать парафразы и сообщая намъ свои письменныя на нихъ замѣчанія, плодъ многолѣтнихъ его изслѣдованій. Слушатели любили Маттеи и охотно слушали его лекціи. Маттеи на латинскомъ языкѣ говорилъ и писалъ, какъ на своемъ природномъ. Съ какимъ сочувствіемъ читалъ онъ Гораціевы оды и не рѣдко со слезами, вѣроятно, вспоминая лѣта юности своей, даже при чтеніи: Nunc est bibendum, nunc pede libero pulsanda est tellus, и старецъ притопывалъ ногою. Не безъ слезъ обошлось и чтеніе Цицероновыхъ парадоксовъ и въ какомъ думаете мѣстѣ? гдѣ говорится о роскоши у Римлянъ въ подпостельной посудѣ (malleliones) изъ коринѳской мѣди, серебра и золота. Воображеніе профессора перенесло его на родину, гдѣ его облили изъ одного пріятнаго для него окошка, на которое онъ любилъ глядѣть. Не могу забыть, какъ, представляя Юпитера Олимпійскаго, мановеніемъ бровей потрясающаго и небо и землю, самъ онъ повалился со стула, такъ что и парикъ его не остался на своемъ мѣстѣ. Подобное сценическое представленіе Зевса мы видѣли въ классѣ археологіи, только безъ паденія представляющаго его. При посѣщеніи Московскаго университета императоромъ Александромъ I, Маттеи поднесъ государю свой каталогъ патріаршей библіотеки, но какъ Александръ I не говорилъ по нѣмецки, а Маттеи по французски, то отзывъ перваго остался въ неизвѣстности; только Маттеи жалѣлъ, что императоръ не говорилъ съ нимъ по нѣмецки; тогда, разумѣется, досталось французскому языку.

Инспекторъ ввелъ къ намъ въ классъ молодаго чело-

вѣка, лѣтъ 30, въ очкахъ, худощаваго, блѣднаго и смуглаго, съ костылемъ, на который онъ опирался по болѣзни въ ногахъ, которую онъ нечаянно получилъ въ прогулкѣ на Прѣсненскихъ прудахъ съ бывшимъ своимъ пріятелемъ княземъ Шаликовымъ. Типическая его физіогномія походила болѣе на греческую, чѣмъ на русскую; она носила на себѣ отпечатокъ холерическаго темперамента. Черные волосы у него на головѣ коротко были острижены; пріемы его были угловаты, но смѣлы и обличали въ немъ что-то военное. Холодно раскланявшись съ нами въ классѣ, онъ съ какою-то увѣренностію сказалъ: «господа, по возложенной на меня отъ университетскаго начальства обязанности, мы займемся съ вами риторикой; руководствомъ себѣ я избираю Жиберта; между тѣмъ будемъ разбирать лучшихъ русскихъ писателей; начнемъ съ духовныхъ витій». Кто жъ это такой? Наконецъ узнаёмъ, что это былъ нѣкогда ученикъ Харьковскаго коллегіума, потомъ аудиторъ полковой, который сидѣлъ подъ судомъ за пропажу пороха на гауптвахтѣ у Воскресенскихъ воротъ, гдѣ познакомился съ маіоромъ Глинкою, который доставлялъ ему для чтенія книги и между прочимъ Болтина примѣчанія на Леклеркову исторію Россіи. Эта книга возбудила въ арестантѣ желаніе заняться критическимъ изслѣдованіемъ отечественной исторіи, въ которомъ образцемъ ему былъ Шлецеръ. Генералъ-лейтенантъ, въ послѣдствіи схимникъ въ Симоновской обители, Михайло Зиновьевичъ Дурасовъ, взявъ на себя отвѣтственность за пропажу пороха, способствовалъ къ освобожденію подсудимаго отъ суда и слѣдствія. Арестантъ этотъ былъ *Михайло Трофимовичъ Каченовскій*, который съ гауптвахты поступилъ къ попечителю Московскаго университета графу Разумовскому правителемъ его канцеляріи; по его предложенію, безъ экзамена, произведенъ сперва магистромъ, потомъ докторомъ словесныхъ наукъ. По своей должности при попечителѣ, Каченовскій въ университетѣ былъ вліятельнымъ человѣкомъ; писанныя имъ предложенія отъ имени графа Разумовскаго производили въ старыхъ профессорахъ, привыкшихъ къ старому порядку, не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе. Послѣ Карамзина и Жуковскаго, принявъ на себя изданіе Вѣстника Европы, онъ обнаружилъ свой кри-

тическій талантъ. Рѣзкія и смѣлыя его сужденія о литературныхъ знаменитостяхъ, дотолѣ неприкосновенныхъ, не могли не раздражить самолюбіе поэтовъ, которыхъ еще Горацій называетъ irritabile genus. Хотя Качеповскій въ пропажѣ пороха былъ не виноватъ и оправданъ, но въ антикритикахъ не рѣдко ему намекали на это, и они были для него, *что порохъ въ глазу*. На него посыпались эпиграмы, но онъ уже прихрамывавшій избралъ себѣ девизъ: «стоять и правду говорить». Это произвело не безполезное движеніе въ нашей литературѣ. Одаренный воспріимчивымъ умомъ и счастливою памятью, дѣятельный и необыкновенно трудолюбивый, Качеповскій во многихъ предметахъ учености былъ самоучкою; пристрастный къ греческому и польскому языкамъ, хорошо изучилъ латинскій, итальянскій, англійскій и французскій, такъ что отъ одного предмета переходилъ къ другому: отъ риторики онъ перешелъ къ русской исторіи, потомъ къ археологіи и теоріи изящныхъ искусствъ. Въ его критицизмѣ выразился его подозрительный характеръ. Изученіе Шлецера усилило эту подозрительность до того, что въ древнихъ письменныхъ памятникахъ мечтались ему поддѣлки: онъ опровергалъ существованіе Нестора лѣтописца, подлинность Іоанна Болгарскаго и другихъ; съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ нападалъ онъ на исторію Карамзина. Впрочемъ его замѣчанія дѣльныя и находчивыя, обнаруживая его ученость, или, лучше сказать, начитанность и остроуміе, принесли пользу наукѣ. У него были свои послѣдователи и свои противники. Полемика его съ учеными, ему современными, представляетъ иногда довольно забавнаго. Въ 1796 году ученѣйшій профессоръ Баузе написалъ на латинскомъ языкѣ краснорѣчивую рѣчь, многими забытую: de Russia ante hoc seculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita. Спустя десять лѣтъ, въ Вѣстникѣ Европы появился переводъ ея безъ означенія имени сочинителя и переводчика подъ заглавіемъ: «что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы отечества отъ временъ Рюрика до Петра Великаго». Статья эта, приписанная Качеповскому, заслужила ему похвалу. За нѣсколько времени до этого Шрёдеръ въ журналѣ своемъ помѣстилъ нѣмецкій переводъ,

также безъ означенія имени сочинителя и, увидѣвъ ее въ Вѣстникѣ Европы, публично упрекалъ будто въ похищеніи его собственности, полагая, что Качеповскій перевелъ съ нѣмецкаго, не сославшись на источникъ. Тогда Качеповскій отвѣчалъ ему напрямикъ: «если такъ, то мы должны сознаться, что оба заимствовали изъ одного источника — изъ рѣчи профессора Баузе» *). Такихъ столкновеній въ литературной дѣятельности у Качеповскаго было довольно. Какъ бывшій его ученикъ и подчиненный, по журналу сотрудникъ, по должности профессора и цензора сослуживецъ долженъ сказать, что Михайло Трофимовичъ, не смотря на его холерическій характеръ, былъ самый честный, благородный и дѣятельный человѣкъ. Строгій исполнитель своихъ обязанностей, онъ, владѣя небольшимъ домикомъ въ отдаленной части города, не пользовался, по должности ректора, казенною квартирою, потому что законъ не позволялъ ею пользоваться чиновнику, имѣющему собственный домъ, и каждый день, кромѣ воскресенья, являлся въ университетъ по дѣламъ службы.

Съ удовольствіемъ и признательностію я пользовался частными лекціями, библіотекою и драгоцѣннымъ собраніемъ славяно-русскихъ древностей незабвеннаго профессора правъ, юриста, дипломата, историка, археолога и филолога *Ѳедора Григорьевича Баузе*. Въ 1807 году онъ былъ ректоромъ университета. Съ ненасытимою любознательностію, обогатившею его разнообразными свѣдѣніями, онъ соединялъ рѣдкій даръ слова, свободно и красно говорилъ и писалъ по латыни. Кромѣ изданныхъ имъ рѣчей, осталось много матеріаловъ для обширныхъ и важныхъ сочиненій, которые остались въ спискахъ. Въ продолженіи 30 лѣтъ, съ особеннымъ стараніемъ и съ великими издержками, составилъ онъ собраніе древнихъ славяно-русскихъ рукописей, между которыми находились Псалтырь и Прологъ XII вѣка, Лечебникъ 1588 года, первыя на русскомъ логариѳмы, коллекція русскихъ монетъ и медалей, по мнѣ-

*) См. подробности въ прекрасной статьѣ о Баузе, написанной *Н. С. Тихонравовимъ* въ Біогр. Словарѣ профессоровъ Москов. унив. М. 1855.

нію знатоковъ, единственная въ своемъ родѣ. Мнѣ случалось видѣть почтеннаго профессора съ своимъ Анненскимъ орденомъ на шеѣ на толкучкѣ между букинистами, покупающимъ и торгующимъ старыя книги и вещи. Съ какою дѣтскою радостію и восторгомъ показывалъ онъ мнѣ, предъ нимъ мальчику, купленную имъ рѣдкость! Жалѣю, что я мало пользовался симъ рѣдкимъ случаемъ: Баузева библіотека и музей пропали въ 1812 году вмѣстѣ со многими драгоцѣнными памятниками нашей исторіи, которые извѣстны были Карамзину и К. Калайдовичу.

По сосѣдству съ ними въ 4-й Мѣщанской, жилъ въ своемъ домѣ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара въ 1812 году законоискусникъ *Захаръ Аникѣевичъ Горюшкинъ*, по университету сослуживецъ и благопріятель моему отцу *). У него я часто бывалъ и пользовался его наставленіями, много слыхалъ отъ него о старинѣ и о вельможахъ съ ними знакомыхъ по дѣламъ. Это былъ мужъ опытный, любознательный, честный, твердаго характера. Любопытенъ его переходъ отъ подъячаго Сыскнаго приказа до профессора Московскаго университета. Живы еще у меня въ памяти разсказы Захара Аникѣевича о прежнемъ бытѣ и судебныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе, что онъ, по привычкѣ стариковской, любилъ ихъ часто повторять. Службу свою онъ началъ почти ребенкомъ въ воеводской канцеляріи, въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, когда секретари и повытчики за маловажные проступки таскали за волосы подъячихъ, а судьи самихъ секретарей. При нынѣшнемъ либеральномъ воззрѣніи на жизнь и на службу, конечно это покажется страннымъ и даже невѣроятнымъ, между тѣмъ и въ наше время, лѣтъ около 40 тому, одинъ полномочный начальникъ, безъ лести преданный, за описку въ одной дѣловой бумагѣ, при всей канцеляріи, оттаскалъ за волосы дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Его превосходительство не снесъ этого безчестія, умеръ отъ апоплексическаго, удара. Говорятъ, будто бы этотъ же ревнитель службы, безъ лести преданный, за стишки, помѣщенные въ журналѣ издателемъ коллежскимъ совѣтникомъ, велѣлъ его

*) Горюшкинъ род. въ 1748, ум. въ 1821 году.

высокоблагородію отсчитать по спинѣ сорокъ палокъ. Но, этотъ господинъ былъ видно терпѣливѣе и до сихъ поръ здравствуетъ, увѣряя всѣхъ, что это гнусная клевета на него завистниковъ и враговъ, которыхъ у него столько, сколько волосъ на головѣ.

Возвратимся къ Горюшкину. Проходя всѣ степени канцелярской службы, онъ былъ подъячимъ въ страшномъ Сыскномъ приказѣ, гдѣ при допросахъ пытали обличенныхъ и оговоренныхъ: первыхъ потому, нѣтъ ли еще за ними какихъ преступленій, другихъ для дознанія правды, которую выкраивали изъ спины. Стоило только на кого закричать роковое *слово и дѣло*, тотчасъ схватятъ доносчика и обвиняемаго, представятъ въ Сыскной приказъ, бывшій тогда на Житномъ дворѣ у Калужскихъ воротъ. Въ застѣнкѣ палачи раздѣнутъ до нага, свяжутъ назади руки веревками, обшитыми войлокомъ, чтобы не перетерли кожи; палачь, ступивъ на бревешки, встряхиваетъ, такъ что руки выдутъ изъ лопатокъ. Это называлось встряскою, которая повторялась во время допроса; потомъ, нагнувъ спину, палачь билъ кнутомъ, сдирая кожу лоскутками отъ плечь до хребта. Вывертывая изъ лопатокъ руки, палачь, какъ ловкій костоправъ, вправлялъ, ихъ схвативъ, дернетъ что есть силы, и онѣ очутятся на своемъ мѣстѣ. Казалось, еще мало того. На ободранную спину трясли зажженный сухой вѣникъ, или посыпали солью; иногда въ тоже самое время судья колотилъ пытаемаго палкою по головѣ. Судьи прежде хвастались, сказывалъ Захаръ Аникѣевичъ, другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи новыхъ средствъ къ истязанію, новыхъ орудій при допросахъ, приводившихъ въ ужасъ и содроганіе людей не закоснѣвшихъ въ мучительствѣ подобныхъ себѣ. «Случилось мнѣ», продолжалъ онъ, «зайти въ пытальную палату, или застѣнокъ, по окончаніи присутствія; на полу я увидѣлъ кучку лоскутковъ окровавленной кожи; спрашиваю у палача: что это такое? Какъ что! выкройка изъ спины».

Для устрашенія оговоренныхъ и для принужденія ихъ къ признанію въ винахъ, при нихъ пытали другихъ на заказъ, т. е. жесточаѣ обыкновеннаго. Такъ было съ душегубкою и мучительницею Салтычихою. При видѣ заказныхъ

пытокъ, она падала въ обморокъ, но не признавалась. Видно, не приказано было ее пытать. Среди лютыхъ пытокъ русской человѣкъ обнаруживалъ свое молодечество: при людяхъ для него и смерть красна. Въ Сыскномъ приказѣ отъ пытаемыхъ Горюшкинъ слыхалъ пословицу: «терпи голова, въ кости скована». Послѣ мучительныхъ встрясокъ, съ истерзанною спиной, съ изломанными руками, облитый кровью выходитъ изъ застѣнка; встрѣтившійся ему колодникъ, шедши на пытку, спрашиваетъ его: «какова баня?»— Остались еще вѣники, тотъ отвѣчаетъ ему. Кто вытерпитъ три застѣнка и не сознается въ винѣ, «тотъ очищался кровію». Сколько разъ случалось, бывало, что, когда подымутъ на дыбу, винится въ преступленіи; снимутъ съ дыбы, запирается, говоря, что, не стерпя мученій, ложно показалъ на себя. Не рѣдко отъ страха сходили съ ума отъ жестокихъ истязаній, и даже при видѣ самыхъ пытокъ, умирали. Подъячіе Сыскнаго приказа призывали къ себѣ колодниковъ изъ тюрьмы въ канцелярію подъ предлогомъ пыточныхъ рѣчей, а сами нашептывали имъ, кого еще оговорить, разумѣется, извѣстныхъ имъ зажиточныхъ людей. По такому наущенію, колодники имъ согласно объявляли что съ ними участникомъ былъ такой-то. Тотчасъ къ нему, въ пол ночь нагрянетъ съ подъячими команда, ворвутся въ домъ; испуганный хозяинъ даетъ имъ деньги, и они сами хватаютъ что попало; приводятъ его въ приказъ и ставятъ къ отвѣту; сперва пытаютъ докащиковъ, потомъ принимаются за оговореннаго, наконецъ докащики повинятся, что напрасно оговорили; имъ за это дадутъ ударовъ по 15 или 20 кнутомъ. Чтожъ они за это получатъ въ награду? Цѣлковыхъ по два, или по три! Такъ бывало не въ одномъ Сыскномъ приказѣ.

Ничѣмъ не обязанный школѣ, Горюшкинъ чувствовалъ стремленіе къ просвѣщенію; кровавыя сцены въ Сыскномъ приказѣ и сообществѣ съ палачами и подобными имъ судьями наконецъ ему омерзѣли. Добывъ себѣ русскую грамматику, ариѳметику и логику, онъ принялся самъ учиться безъ учителя, уже женатый. Какого усилія и труда требовалось, чтобы безъ руководителя добиться до смысла грамматическихъ терминовъ! Вмѣсто чтенія пыточныхъ рѣчей, онъ

сталъ твердить части рѣчи въ грамматикѣ. Такъ долго не могъ онъ понять въ грамматикѣ склоненіе: воевода, воеводы, воеводѣ и пр., и то и дѣло твердя склоненія на постелѣ, не давалъ спать женѣ своей, такъ что она, вышедши изъ терпѣнія, сказала ему: «да что ты наладилъ одно воевода? По мнѣ это не мудрено; къ какому слову только его приладить, такъ и будетъ: воевода, воеводы, воеводѣ. На прикладъ: воевода судитъ, мѣсто воеводы, подарить воеводѣ». Это объясненіе малограмотной женщины, замѣтилъ Захаръ Аникѣевичъ, развязало ему понятіе, и онъ съ легкой ея руки пошелъ впередъ. Съ неимовѣрнымъ трудомъ онъ выучилъ ариѳметику и логику, съ усиленнымъ вниманіемъ изучалъ историческія, богословскія, философскія и юридическія книги; искалъ знакомства съ учеными людьми, которые могли бы его руководствовать въ занятіяхъ науками. Съ этою цѣлію онъ сблизился съ профессорами Аничковымъ и Десницкимъ. Приложеніе пріобрѣтенныхъ знаній ему доставило мѣсто члена въ уголовной и казенной палатахъ. Споръ его съ главнокомандующимъ княземъ Прозоровскимъ по дѣлу Новикова въ уголовной палатѣ обнаружилъ въ Горюшкинѣ гражданское мужество; одинъ опирался на личное мнѣніе императрицы, а другой на силу закона и не убоялся гнѣва и угрозъ сильнаго вельможи, желавшаго угодить государынѣ обвиненіемъ Новикова. Познаніе и опытность въ отечественномъ законовѣдѣніи сдѣлали Горюшкина извѣстнымъ директору Московскаго университета П. И. Фонъ-Визину; онъ пригласилъ его преподавать въ университетѣ и потомъ въ бывшемъ при университетѣ благородномъ пансіонѣ практическое законовѣдѣніе. Своимъ лекціямъ онъ давалъ драматическую форму; классъ его представлялъ присутствіе, гдѣ производился судъ по законному порядку. Изъ студентовъ и учениковъ избирались наставникомъ предсѣдатели, судьи, секретари и т. д. Въ послѣдствіи изъ нихъ выходили сенаторы и министры. Изданное имъ сочиненіе въ трехъ частяхъ 1807 и 1815 годовъ: «Описаніе судебныхъ дѣйствій», замѣчательно не только въ юридическомъ, но и въ археологическомъ отношеніи, какъ значительный матеріялъ юридическихъ древностей. Горюшкина «Руководство къ позна-

нію Россійскаго законоискусства» есть созданная имъ самимъ система, въ которой сильная, но безформенная народность борется съ классическими понятіями древнихъ и новѣйшихъ юриспрудентовъ. Онъ едва ли не первый у насъ показалъ источникъ юриспруденціи въ правахъ, обычаяхъ и пословицахъ Русскаго народа. Какъ опытный законоискусникъ, онъ былъ оракуломъ для многихъ; къ нему прибѣгали за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ и запутанныхъ дѣлахъ вельможи, сенаторы и профессоры. У него была домашняя школа законовѣдѣнія; образовавшіеся у него молодые люди выходили хорошими стряпчими. Какъ любитель изящныхъ искусствъ, онъ въ гостепріимномъ своемъ домѣ завелъ маленькій театръ и музыку. По пріемамъ и костюму Захаръ Аникѣевичъ не походилъ на прежняго подъячаго, по скорѣе на щеголеватаго барина; черты лица были у него правильныя, глаза маленькія, ротъ узкій, выражавшій проницательность и скромность. Онъ пудрился, украшалъ волосы буклями, носилъ модный кафтанъ и шлифныя на башмакахъ пряжки съ розами, или стразами, двое часовъ въ карманахъ съ золотыми цѣпочками, на пальцахъ жалованные брилліантовые перстни. Карамзинъ въ своей Исторіи рѣдкіе списки Русской Правды и лѣтописи, заимствованные изъ библіотеки Горюшкина, обозначаетъ Горюшкинскими.....

Выдержки изъ бумагъ И. М. Снегирева.

Извѣстно, что Императоръ Павелъ I, въ бытность Великимъ Княземъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ предъ обѣдней съ своимъ законоучителемъ Платономъ читалъ св. писаніе. Въ бумагахъ Снегирева нашлась писанная какимъ-то малороссіянином замѣтка о Платонѣ и чтеніяхъ его съ Великимъ Княземъ; замѣтка видно, какъ матеріалъ сообщена Ивану Михайловичу, съ усердіемъ собиравшему источники для біографіи митрополита московскаго Платона, которая вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ въ новомъ изданіи.

Печатая эту замѣтку, въ томъ видѣ, какъ она писана для удержанія оригинальнаго характера этого историческаго матеріала, какъ издатель, заявляю просьбу о сообщеніи для напечатанія въ «Старинѣ русской земли» дополненій къ біографіи знаменитаго Платона.

Издателю казалось не лишнимъ присовокупить и другіе сохранившіеся въ бумагахъ Снегирева матеріалы,

какъ-то: Высочайшій рескриптъ на имя князя А. Б. Куракина, извѣстіе о грамотахъ, хранящихся въ астраханскомъ соборѣ и открытый листъ выданный Снегиреву для осмотра церковныхъ древностей, подвѣдомственныхъ московскому епархіальному начальству. Изъ этого листа видно покровительство отечественнымъ древностямъ графа Строгонова, ходатайствовавшаго объ открытіи доступа Снегиреву въ московскіе соборы, церкви, монастыри, ихъ ризницы и библіотеки. Преемники археологическихъ трудовъ Снегирева вѣроятно продолжаютъ начатую имъ разработку, которая, хотя и подверглась строгой критикѣ, забывшей, что всѣ начинанія трудны, но и по сіе время заслуживаетъ уваженіе по своей неутомимой ревности къ достиженію возможныхъ результатовъ. Письмо канцлера Румянцова въ копіи къ пастору Мропговіусу о славянскихъ рукописяхъ. И въ слѣдующихъ выпускахъ «Старины русской земли» будутъ помѣщаться тѣ замѣтки, которыя представляютъ и въ настоящее время *историческій* интересъ.

---

1) Сѣли мы за столъ. Обѣдалъ у насъ только его преподобіе отецъ Платонъ. Никита Ивановичъ *) изволилъ разговаривать съ нимъ о отмѣненіи постовъ, о обрядахъ древней церкви, такожъ и о нашихъ раскольникахъ. Его преподобіе разсказывалъ, какъ обращалъ ихъ преосвященной Питиримъ, архіепископъ Нижегородскій, который написалъ книгу, называемую: *«Пращица на раскольниковъ»*. Сказывалъ также отецъ Платонъ и о

*) Панинъ.

преосвященномъ Димитріи Сѣченовѣ митрополитѣ новгородскомъ, какъ любимъ онъ въ своей епархіи, и какой мастеръ обращать раскольниковъ. Будучи въ одно время въ епархіи своей, призвалъ онъ нѣкоторыхъ раскольниковъ и спрашивалъ: для чего они въ церковь не ходятъ, раскольники говорили между прочимъ: «*Какъ де намъ ходить, у васъ обѣдню служатъ на пяти просвирахъ, а по старому обычаю служить должно на семи.* Преосвященный тотчасъ на сіе согласился, и говорилъ, что и онъ прикажетъ на семи просвирахъ служить, ежели имъ то угодно. Призвалъ къ себѣ при нихъ же тутошняго священника приходскаго и приказывалъ ему: впредь служите обѣдню на семи просвирахъ, пять положи такъ, какъ обыкновенно по служебнику, а къ тому прибавь потомъ, одну за него, а другую за жену его; указывая на одного раскольника. Раскольники весьма тѣмъ довольны были, пошли и обратились. Весьма бы умешшлось расколовъ, еслибъ такъ поступать съ раскольниками, обращая требованія ихъ болѣе въ смѣхъ, нежели уважая оныя. Какъ зашла рѣчь о таинствѣ причащенія и о преображеніи хлѣба въ тѣло Христово, то его Высочество изволилъ спросить тутъ у Никиты Ивановича: *какъ же вѣдь въ постъ не положено пить мяса, а священники и въ постъ причащаются, поэтому они въ постъ пьютъ скоромное.* Его превосходительство сказалъ на то Государю, что *это мясо духовное, что никакого средства съ обыкновенною плотію не имѣетъ.* Великой князь и ко мнѣ съ симъ-же вопросомъ оборотиться изволилъ, я тоже сказалъ ему и тотчасъ другую рѣчь началъ. Признаться должно, что вопросъ сей весьма былъ замысловатый, и великую остроту показывалъ; но крайне

стерегся я, чтобъ не дать знать того Его Высочеству. Въ томъ намѣреніи, дабы примѣтя себѣ похвалу, не привыкъ онъ впредь шутить насчетъ такихъ вещей, кои освященныя почитаются. Послѣ стола говорилъ мнѣ его превосходительство Никита Ивановичъ, про отца Платона, какія здравыя мысли и какую чистую голову имѣетъ онъ, дай Богъ только, продолжаетъ онъ, чтобъ этотъ человѣкъ духовный у насъ не испортился, обращаяся между прочими, въ числѣ которыхъ всякихъ довольно. Никита Ивановичъ еще потомъ съ полчаса времени разговаривалъ съ отцемъ Платономъ, покамѣсть кофе подали, о перемѣнахъ церковныхъ, о установленіяхъ великихъ учителей Василія великаго и Іоанна Златоустаго.

---

2) Высочайшій Его Императорскаго Величества Александра I-го рескриптъ, данный 5-го Августа 1809 года за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ.

Господину министру внутреннихъ дѣлъ, сенатору и кавалеру князю Куракину.

Князь Алексѣй Борисовичъ! Почитая полезнымъ, чтобъ нѣкоторыя извѣстія по департаменту вамъ ввѣренному, а паче изъ губерній получаемыя, доводимы были въ свое время до свѣдѣнія публики, и сіе находя тѣмъ нужнѣе, что многія изъ таковыхъ извѣстій относятся не токмо къ государственной полиціи, но и къ земледѣлію, фабрикамъ и другимъ предмѣтамъ государственнаго хозяйства, а потому, и могутъ они служить пособіемъ народной промышленности, и признавъ я за благо, чтобы при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ издаваемы были особенныя вѣдомости, въ которыя бы помянутыя извѣстія были вносимы.

Къ приведенію сего въ дѣйствіе, призналъ я нужнымъ.

1) По удобности полученія разныхъ свѣдѣній и разсылки газетъ, каковую имѣетъ почтовый департаментъ, опредѣлить при ономъ нужныхъ для таковаго изданія чиновниковъ.

2) Расходы для сего изданія и на жалованье чиновникамъ къ сему опредѣляемымъ нужные, назначить изъ общихъ почтовыхъ доходовъ, къ коимъ взаимно причислять доходы, которые отъ изданія новыхъ вѣдомостей составляться будутъ.

Вѣдомости сіи издаваемы быть имѣютъ два раза въ недѣлю, подъ названіемъ «Сѣверная почта» или «Новая Санктпетербургская Газета».

При многотрудныхъ занятіяхъ вашихъ, не хотя обременить васъ новыми заботами, возложилъ я на товарища вашего тайнаго совѣтника Козодавлева, главный надъ изданіемъ сей новой газеты надзоръ и цензуру оной, предоставя ему какъ выборъ къ сему дѣлу чиновниковъ и опредѣленіе имъ съ утвержденія Моего жалованья, такъ и вообще распоряженіе сего изданія, съ тѣмъ, чтобы въ нужныхъ случаяхъ разрѣшенія Моего требующихъ докладывалъ онъ Мнѣ по сему предмету непосредственно.

Дабы скорѣе и успѣшнѣе достигнуть цѣли, для коей призналъ Я полезнымъ изданіе сей газеты, вы неоставите съ вашей стороны распорядиться, чтобы свѣденія, по департаменту вамъ ввѣренному получаемыя, были немедленно тайному совѣтнику Козодавлеву сообщаемы, равнымъ образомъ не оставите вы предписать всѣмъ начальникамъ губерній, почтъ-директорамъ и губернскимъ почтмейстерамъ о немедленномъ къ нему достав-

лепiи извѣстiй о всемъ томъ, что ко внесенiю въ газету признано будетъ приличнымъ.

Увѣренъ будучи, что и въ семъ случаѣ по извѣстной Мнѣ дѣятельности вашей, вы неоставите съ вашей стороны успѣху дѣла сего способствовать, Я пребываю вамъ благосклонный.

3. ГРАМОТЫ, ХРАНЯЩIЯСЯ ВЪ АСТРАХАНСКОМЪ СОБОРѢ.

1) Отъ царя Iоанна Васильевича Астраханскаго Троицкаго монастыря игумену Кириллу о томъ, что велѣно ему строить храмъ живоначальныя Троицы, Введенiе Богородицы и Николая Чудотворца и о прочемъ. Писана лѣта 7081 г. марта во 2 день; на ней печать краснаго сургуча на красномъ шелковомъ шнурѣ.

2) Отъ царя Бориса Ѳеодоровича тогоже монастыря игумену Ѳеодосiю съ братiею о разныхъ жалованныхъ статьяхъ писана 7109 года сентября въ 20-й день. У сей грамоты печать краснаго сургуча на красномъ шелковомъ шнурѣ.

3) Отъ царя Димитрiя Iоанновича тогожъ монастыря игумену Iонѣ. Сею грамотою пожалованы разные протоки около учуга Иванчуга, да бороптаевской бугоръ и прочiя разные выгоды. Писана лѣта 7114 года апрѣля въ 12-й день; на сей грамотѣ краснаго сургуча печать на красномъ шелковомъ шнурѣ.

4) Отъ патрiарховъ Паисiя Александрiйскаго, Макарiя Антiохiйскаго и Iосафа Московскаго митрополиту астраханскому и терскому Iосифу о томъ, чтобы онъ митрополитъ въ недѣлю Ваiя, когда празднуется праздникъ входъ Господа нашего во Iерусалимъ, дѣйствовалъ и на осля всѣдалъ, какъ и преосвященнѣйшiе митро-

политы Великаго Новограда и Великихъ Лукъ и Киръ Казанскій и Свіяжскій. Писана сія грамота 7175 года мѣсяца іюля во 2-й день.

5) Отъ царя Петра Алексѣевича въ Астрахань служилымъ и купецкихъ и всякихъ чиновъ людямъ о томъ, что сею грамотою прощаетъ Государь астраханскихъ всѣхъ за учиненный бунтъ и предаетъ вѣчному забвенію. Грамота сія писана въ походѣ Государя въ Гродиѣ 1705 года ноября въ 30-й день.

4. открытый листъ.

Въ указѣ святѣйшаго правительствующаго синода отъ 26 ноября сего 1838 года за № 9426 изъяснено: святѣйшій правительствующій синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго оберъ прокурора и кавалера графа Николая Александровича Протасова слѣдующаго содержанія; предсѣдатель московскаго общества любителей исторіи и древностей россійскихъ, графъ Строгановъ отнесся къ нему г. оберъ прокурору, что общество сіе, по предложенію московскаго военнаго генералъ губернатора, вслѣдствіе отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ предприняло описать древнія зданія и вообще находимыя въ московской губерніи древности, какъ-то: монастыри, церкви, замки, домы, водопроводы, мосты, развалины стѣнъ, остатки древнихъ дорогъ, и другіе памятники, замѣчательные или по древности, или по особенно-важнымъ происшествіямъ, съ присовокупленіемъ рисунковъ древностей и съ изложеніемъ вкратцѣ исторіи существованія ихъ, или преданій насчетъ ихъ сохранившихся. Исполненіе сего труда общество поручило дѣйствительному члену своему, стат-

скому совѣтнику Снегиреву, которому по окончаніи съ полнымъ успѣхомъ возложеннаго на него порученія, необходимо имѣть свободный доступъ въ находящіяся въ Москвѣ библіотеки и архивы, соборы, церкви, монастыри, ихъ ризницы и проч. безъ чего предполагаемое описаніе не можетъ имѣть той отчетливости, съ которою желательно бы было видѣть его. Вслѣдствіе сего графъ Строгановъ проситъ его г. оберъ прокурора о содѣйствіи сему общезанимательному предпріятію ссуженіемъ статскаго совѣтника Снегирева открытымъ листомъ для свободнаго доступа въ московскіе соборы, церкви, монастыри, ихъ ризницы и библіотеки, а равно и въ архивъ московской синодальной конторы и синодальную библіотеку. Приказали: предоставить вашему преосвященству сдѣлать немедленно, къ удовлетворенію прописаннаго требованія графа Строганова, зависящія отъ васъ распоряженія.—На ономъ указѣ резолюціею Его Высокопреосвященства 30 ноября сего 1838 года за № 449 предписано: консисторіи дать по сему открытый листъ для епархіальнаго вѣдомства (ибо для вѣдомства синодальной конторы должно быть особое предписаніе) съ тѣмъ, чтобы по миновапіи надобности возвращенъ былъ въ консисторію.

Вслѣдствіе чего и данъ сей открытый листъ изъ московской духовной консисторіи г. статскому совѣтнику Снегиреву для свободнаго доступа въ московскіе соборы, церкви, монастыри, ихъ ризницы и библіотеки, въ епархіальномъ вѣдомствѣ состоящіе, съ тѣмъ, чтобы по миновапіи надобности возвращенъ былъ въ консисторію декабря 14 дня 1838 года. Каѳедральный протоіерей Арсеній Тифеловъ (?).

5. ПИСЬМО ГОСУДАРСТВЕННАГО КАНЦЛЕРА ГРАФА РУМЯНЦОВА КЪ ИЗВѢСТНОМУ ЛЕКСИКОГРАФУ ПАСТОРУ И УЧИТЕЛЮ ДАНЦИГСКОЙ ГИМНАЗІИ (ВЪ ПРУССІИ) ХРИСТОФОРУ ЦЕЛЕСТИНУ МРОНГОВІУСУ.

Милостивый Государь мой! Благодарю за письмо, каковымъ меня удостоить изволили, отъ 28 апрѣля и крайне сожалѣю, что въ Петербургѣ удержаны отправленія Вами ко мнѣ ваши сочиненія: *грамматика* и *польскій словарь*, который ту особую и важную цѣль имѣть будетъ, что въ немъ сохранится и спасется навсегда нарѣчіе *кашубское* или *старопоморское*. Спасенію того нарѣчія и приведенію въ извѣстность ученой публикѣ я ставлю такую цѣну, что покорно Васъ прошу исполнить ваше благопамѣреніе: съѣздить въ тѣ селенія, гдѣ еще сіе нарѣчіе употребительно, а поелику оно близко Данцига и поѣздка сія не потребуетъ издержекъ важныхъ, то допустите меня, Милостивый Государь мой, при письмѣ семъ препроводить къ Вамъ на издержки при таковой поѣздкѣ двѣсти рублей ассигнаціями, ежели ихъ недостанетъ, я готовъ что нибудь и добавить».

«Во время же вашей поѣздки въ тѣ селенія, гдѣ еще продолжаютъ хранить кашубское нарѣчіе, ежели бы вы могли отыскать и купить для меня какой либо письменный древній документъ на таковомъ нарѣчіи и даже не одинъ, то вы меня премного одолжили бы, дакъ мнѣ немедленно знать какіе-то документы и что за нихъ просятъ и не сбережены ли и гдѣ именно въ самомъ Данцигѣ какая либо древняя рукописная особенная кашубская хроника. Ежели существуютъ между кашубами печатные или рукописные на ихъ нарѣчіи

Евангелія, апостолы и псалтыря, то я очень желалъ бы таковые куплею пріобрѣсть; а ежели нѣтъ полныхъ таковыхъ рукописныхъ книгъ, то велите выписать для меня на ихъ парѣчіи символъ вѣры и молитву Господню».

«Позвольте мнѣ съ особенною еще просьбою обратиться къ вамъ:

«Испросите у правительства должное позволеніе осмотрѣть въ Данцигѣ древній городовой архивъ. Весьма вѣроятно, что въ немъ тлѣютъ совершенно забытые очень древніе документы на славянскомъ языкѣ, а можетъ статься даже и славянскія рукописи. Если для полученія таковаго позволенія, Вы сочтете нужнымъ, чтобы съ моей стороны у Данцигскихъ властей было сдѣлано домогательство, я готовъ его исполнить и прошу васъ меня только наставить куда, къ кому мнѣ обратиться должно».

«Ежели не ошибаюсь г. Аделунгъ черезъ Кеппена препроводилъ къ вамъ отъ меня такія книги, которыя вы собирались изъ Петербурга выписывать; примите пожалуста сей подарокъ благосклонно и въ добавокъ къ нему 1-ю часть *Бѣлорусскаго Архива*, за которою вскорѣ воспослѣдуетъ и другая, да сочиненіе очень любопытное о *Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ*. Объ сіи книги составлены по моему желанію и напечатана моимъ иждивеніемъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

покорнѣйшимъ слугой

Графъ Николай Румянцовъ.

Гомель.
23-го Іюля 1825 г.

Замѣтка издателя. Письмо это напечатано по русски польскими буквами (за недостаткомъ русскаго шрифта), съ переводомъ на нѣмецкій языкъ, въ польско-нѣмецкомъ словарѣ Мронговіуса, изданномъ въ Кенигсбергѣ въ 1835 году въ 2-хъ томахъ въ большую четверку.

Заглавіе его слѣдующее: Dokładny słównik polsko-Niemiecki krytycznie wypracowany. Ausführliches polnische-deutsches Woerterbuch, kritisch bearbeitet von Christoph Coelestin Mrongovius, (съ эпиграфомъ:

«Na język nasz częstokroć płocho wyrzekamy
Jest to skarb nieprzebrany, ale go nie znamy.»

«На языкъ нашъ весьма часто дѣлаемъ пареканія, а онъ составляетъ неистощимое сокровище, но мы его не знаемъ.» Koenigsberg in Preussen 1835 in 4-хъ 1 — 2 vol.

Въ бумагахъ И. М. Снегирева есть нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ для исторіи цензуры въ царствованіе Императора Николая I. Онъ, какъ цензоръ, въ продолженіе многихъ лѣтъ нерѣдко былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе и неоднократные получалъ выговоры отъ предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета, какъ это видно изъ отношеній къ нему сего послѣдняго. Нѣкоторыя выдержки изъ этихъ отношеній будутъ напечатаны въ слѣдующей книжкѣ «Старины русской земли», если ей суждено явиться въ свѣтъ.

Переписка издателя съ подписчиками на собраніе изслѣдованій И. М. Снегирева.

Письмо Его Высокопреосвященства Митрополита Кіевскаго Арсенія, отъ 13 Октября 1868 года № 11194.

«На письмо Ваше, отъ 29 Сентября сего года, имѣю честь увѣдомить Васъ, М. Г., что объ изданіи сочиненій Ивана Михайловича Снегирева велѣно мною опубликовать по Епархіи чрезъ Кіевскія епархіальныя вѣдомости, съ приглашеніемъ подвѣдомаго мнѣ духовенства оказать сему *благому* предпріятію всевозможное содѣйствіе».

Не удостоятъ-ли наше изданіе подобнымъ вниманіемъ Архипастыри другихъ епархій, соблаговоливъ сдѣлать приглашеніе чрезъ мѣстныя епархіальныя вѣдомости къ подпискѣ, тѣмъ болѣе, что характеръ трудовъ пок. профессора историко-археологическій, и большею частью изслѣдованія его относятся къ церковнымъ древностямъ. Сочувствіе просвѣщеннаго духовенства весьма много можетъ помочь издателю продолжать изданіе, не обеспеченное еще въ матеріальномъ отношеніи достаточною подпискою на уплату издержекъ печати.

Письмо Его Высокопревосходительства Г. Военнаго Министра Ген. Адъют. Д. А. Милютина, отъ 5 Октября 1868 года № 98.

«Совершенно сочувствуя цѣли, съ которою Вы предприняли изданіе сочиненій профессора Снегирева, но находя неудобнымъ объявлять о томъ по всему военному вѣдомству, такъ какъ эти сочиненія по своему содержанію, не имѣютъ къ нему достаточнаго отношенія, я призналъ полезнымъ рекомендовать ихъ военно учебнымъ заведеніямъ, о чемъ мною сдѣлано уже распоряженіе».

Въ сочиненіяхъ и изслѣдованіяхъ Снегирева есть весьма много воспоминаній о важнѣйшихъ событіяхъ изъ отечественной исторіи, а преимущественно къ эпохѣ 1812 года, поэтому уже одному не только военно-учебнымъ заведеніямъ не безполезно имѣть изданіе его сочиненій въ своихъ библіотекахъ, но даже каждая полковая библіотека могла бы безъ нареканій своихъ читателей выписывать изданія Снегиревскихъ трудовъ.

Письмо Его Высокопревосходительства Министра Госуд. Имуществъ Ген. Адъют. А. А. Зеленаго, отъ 9 Октября 1868 года № 927.

«Въ слѣдствіе письма отъ 30 прошлаго Сентября съ удовольствіемъ принимая участіе въ подпискѣ на издаваемое Вами полное собраніе сочиненій Ивана Михайловича Снегирева, имѣю честь присовокупить, что я съ полною готовностью передамъ моимъ сослуживцамъ объ открытіи настоящей подписки».

Столь просвѣщенное заявленіе Г. Министра Государственныхъ Имуществъ позволяетъ надѣяться, что Директоры Департаментовъ пожелаютъ сдѣлать зависящее отъ нихъ распоряженіе, дать циркулярное сооб-

щеніе объ осуществленномъ уже изданіи, которое, по своему историческому содержанію, можетъ быть весьма полезнымъ для библіотекъ вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Письмо Г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа С. М. Голубцова, отъ 20 Ноября 1868 г. № 3640.

«Предложивъ вмѣстѣ съ симъ Гг. Директорамъ гимназій Одесскаго учебнаго округа подписаться на предпринятое Вами изданіе сочиненій Г. профессора московскаго университета Снегирева для библіотекъ ввѣренныхъ имъ гимназій, имѣю честь увѣдомить Васъ, М. Г. объ этомъ, въ отвѣтъ на письмо Ваше отъ 6 текущаго Ноября».

Подобныя циркулярныя предложенія и по другимъ учебнымъ округамъ весьма желательны. Казалось бы, кому ближе, какъ не Министерству Народнаго Просвѣщенія, оказать содѣйствіе для осуществленія подобнаго изданія, въ которомъ нуждаются всѣ гимназическія библіотеки. И нужно отдать справедливость, что, признавая пользу новаго изданія сочиненій Снегирева, Г. Управлявшій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Статсъ Секретарь Иванъ Давыдовичъ Деляновъ ходатайствовалъ объ открытіи кредита въ 800 р. и самъ изволилъ украсить своимъ именемъ списокъ подписчиковъ на предпринятое Снегиревское изданіе. Въ настоящее же время Министерство Народнаго Просвѣщенія, по какому-то недоразумѣнію, на спросъ Главнаго Казначейства о разрѣшеніи открытія кредита въ 800 р. не бывшихъ выданными за смертью автора, не признаетъ уже нужнымъ выдать Высочайше ассигнованнаго пособія на томъ основаніи, что будто у меня нѣтъ письменнаго уполномочія отъ автора на изданіе

его сочиненій. Это заставило меня опубликовать въ началѣ выпуска, какъ письмо И. М. Снегирева, выданное на мое имя, такъ и другое письмо его вдовы. Весьма было бы прискорбно, еслибы и эти доказательства, въ глазахъ Г. Товарища Министра и Директора Императорской Публичной Библіотеки, оказались не дающими издателю права воспользоваться Всемилостивѣйшею субсидіею, имъ же самимъ исходатайствованною; о чемъ подробно было объяснено въ предисловіи къ біографическому очерку и указаны мои издательскія права.

Письмо на днях скончавшагося члена государственнаго совѣта, тайнаго совѣтника Александра Григорьевича Тройницкаго, отъ 5-го октября 1868 г.

«Съ полнымъ уваженіемъ къ благодѣтельному начинанію Вашему въ пользу много послужившаго дѣлу Русской науки И. М. Снегирева, имѣю честь препроводить у сего 15 рублей, подписную цѣну на полный экземпляръ предпринятаго Вами изданію его сочиненій

«Средства мои не позволяютъ мнѣ сдѣлать болѣе, но для меня будетъ истиннымъ удовольствіемъ пригласить моихъ знакомыхъ къ участію въ Вашемъ *добродѣтельномъ дѣлѣ.*

«Примите увѣреніе въ искреннемъ желаніи Вамъ успѣха въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности и проч.

Съ крайнимъ прискорбіемъ впися въ лѣтопись изданія трудовъ И. М. Снегирева сочувственное о нихъ письмо, не можемъ не заявить глубокаго сожалѣнія о столь чувствительной потери всѣми уважаемаго полезнаго государственнаго дѣятеля и вмѣстѣ съ тѣмъ покровителя тружениковъ. Покойный Александръ Григорьевичъ проложилъ себѣ самъ своими собственными трудами дорогу къ высокому посту члена государствен-

наго совѣта и этимъ повышеніемъ обязанъ былъ не протекціи, а собственнымъ заслугамъ, вполнѣ цѣнимымъ всѣми близко знавшими покойнаго, не удивительно, что онъ умѣлъ цѣнить и заслуги другихъ людей подобныхъ Снегиреву, работавшихъ въ своемъ кабинетишкѣ до того времени, пока перо не выпало изъ рукъ или болѣзнь не приковала къ одру.

Семейство покойнаго поощрителя и покровителя моего изданія да приметъ отъ меня экземпляръ Снегиревскихъ сочиненій, какъ должную память отъ издателя за оказанное вниманіе къ посильному издательскому труду.

Кажется пок. М. М. Снегиревъ велъ переписку съ Александромъ Григорьевичемъ, весьма желательно имѣть эти письма для помѣщенія въ «*Старинѣ русской земли*».

Письма Ген.-Лейт. А. А. Кнышева. 28 сентября и 15 ноября 1868 года.

Милостивый Государь!

«Съ душевнымъ соболѣзнованіемъ прочитавъ въ 254-мъ № «Русскаго Инвалида» заявленіе Ваше о бѣдственномъ положеніи въ настоящее время, бывшаго профессора археолога Ивана Михайловича Снигирева, и желая, въ видахъ содѣйствія къ успокоенію его, принять участіе въ подпискѣ на предпринятый Вами къ изданію—первый томъ собранія сочиненій этого страдальца, препровождаю при семъ три рубля и покорнѣйше прошу, по выходѣ въ свѣтъ перваго тома этого интереснаго изданія, выслать оный ко мнѣ въ Ригу.»

«По полученіи Вашего почтеннаго письма отъ 8-го прошлаго октября, предложена была мною, служащимъ здѣсь русскимъ подписка, въ пользу бывшаго профессора археолога Ивана Михайловича Снегирева.

«Не смотря на ограниченныя всѣхъ средства при теперешней неимовѣрной здѣсь на все дороговизнѣ, каждый изъ нихъ, цѣня заслуги этого страдальца и сочувствуя теперешнему бѣдственному его положенію, поспѣшилъ внести свою посильную лепту.

«Собранныя мною такимъ образомъ двѣнадцать рублей, при семъ къ Вамъ посылаю, вмѣстѣ съ спискомъ жертвователей, для употребленія этихъ денегъ по назначенію.

«При этомъ покорнѣйше прошу Васъ, для очищенія меня передъ жертвователями, объявить объ нихъ въ «Русскомъ Инвалидѣ.»

Сочувствіе Ваше и другихъ ревнителей просвѣщенія: Подполк. П. И. Павлова, Генерала Маіора Барона А. Н. Корфа, Подполк. В. В. Ваховскаго, Штаб. Капит. Р. К. Реннерфельта Д. С. С. Инспектора Н. Агеенко и Цензора К. Александрова, къ предпринятому изданію сочиненій И. М. Снегирева—позволяетъ мнѣ, какъ издателю, публично объ этомъ съ признательностью заявить. Нельзя не радоваться, что въ Ригѣ *русскій* элементъ патріотически относится къ русскому дѣлу. Чрезъ посредство ваше я имѣю честь переслать экземпляры для означенныхъ лицъ.

Въ Кадомъ Тамб. губ. Ген.-Лейт. И. И. Болдыреву.

Не появленіе въ свѣтъ изданія сочиненій И. М. Снегирева, по объявленной еще въ 1868 году программѣ, родило въ Васъ сомнѣніе: относительно судьбы изданія. Въ вашихъ уже рукахъ и біографическій очеркъ и *первый* выпускъ трудовъ покойнаго Археолога-профессора. Отъ поддержки подобныхъ Вамъ любителей серьезнаго чтенія зависитъ появленіе въ

свѣтъ слѣдующихъ выпусковъ, ибо изъ приложеннаго списка подписчиковъ Вы изволите видѣть, что матеріальная сторона изданія еще не обеспечена. Если бъ каждый изъ благосклонныхъ подписчиковъ въ своемъ кружку дѣлалъ извѣстною цѣль нашего изданія, то безъ сомнѣнія, не дальше какъ чрезъ два мѣсяца могъ бы появиться второй выпускъ «Старины русской земли.»

Гг. Старшинамъ Тульскаго Дворянскаго Клуба.

За сдѣланное въ пользу изданія пріятное заявленіе Гг. Старшинами Тульскаго Дворянскаго Клуба: считать ихъ подписчиками на полное собраніе сочиненій И. М. Снегирева, какъ издатель, не могу не занести въ лѣтопись изданія столь отрадный фактъ. Просвѣщенное сочувствіе къ изданію, оказанное Тульскимъ Клубомъ тѣмъ болѣе цѣнится издателемъ, что въ числѣ подписчиковъ нѣтъ ни одной семинаріи и духовной академіи. Быть можетъ, другіе провинціальные клубы послѣдуютъ этому примѣру и удѣлятъ изъ своихъ доходовъ частицу и на выписываніе серьозныхъ историческихъ изданій.

Въ Харьковъ, Ея Пре—ству Е. Ѳ. Артемовской-Гулакъ и въ Вязьму, Ея В—родію Е. Ѳ. Ильиной.

Простите великодушно, что я позволяю себѣ выставить печатно Ваши фамиліи, въ числѣ благодѣтелей изданія, но къ этому поступку побуждаюсь высшими нравственными интересами. Въ настоящее время, при всеобщемъ равнодушіи къ изданію сочиненій историко-археологическаго содержанія, Вы *первыя* изъ *русскихъ* дамъ отозвались на мой призывъ къ подпискѣ и, подписавшись на экземпляръ 1-го тома, явили себя сочувствующими доброму дѣлу. Дай Богъ, дабы вашъ примѣръ нашелъ подражательницъ въ женскомъ полѣ

и дабы русскія женщины наконецъ поняли, что и книжные магазины должны быть ими поддерживаемы.

Ставроп. губ. Новогри. уѣзда чрезъ Александровскую станцію въ село Благодарное Священнику Василію Бѣлоградскому.

Ваше письмо заставляетъ меня принести Вамъ благодарность за Вашъ лестный для меня отзывъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить къ Вашему свѣдѣнію, что хотя авторъ уже переселился въ вѣчность и кромѣ молитвъ не нуждается уже въ матеріальной помощи, но цѣль изданія осталась *благотворительною*, ибо остатокъ отъ свободной суммы, за покрытіемъ издержекъ на печатаніе, будетъ обращенъ *на сооруженіе памятника покойному археологу* и по мѣрѣ средствъ и участія русскихъ людей въ изданіи «*Старины Русской земли*» предполагается образовать при Московскомъ Университетѣ стипендію или премію Снегиревскую за лучшія сочиненія по Христіанской Археологіи.

Въ Ярославль, В. И. Льстовицыну.

Въ Вашемъ письмѣ, отъ 4 Октября 1868 года, Вы изволили сказать, что Ярославское образованное Общество надѣется, что изданіе сочиненій И. М. Снегирева будетъ достойно великой страны и что отъ меня, какъ библіотекаря И. П. Библіотеки, оно ожидаетъ научнаго изданія. Принося чрезъ Васъ Ярославскому Обществу чувствительную признательность за столь лестное мнѣніе, покорнѣйше прошу быть менѣе отъ меня взыскательнымъ за изданіе, которое могло быть совершено только въ кредитъ.

Въ Москву, П. В. Михайлову.

Вы указываете на Московскія Полицейскія Вѣдомости, какъ на источникъ, откуда можно позаимство-

вать много статей Снегирева о *древностяхъ Москвы и ея губерніи*. Чувствительнѣйше благодарю, какъ издатель, за Ваше вниманіе и съ сожалѣніемъ сообщу, что этотъ источникъ для меня въ Петербургѣ недоступенъ и весьма было бы желательно имѣть свѣдѣнія, какія именно, по Вашему мнѣнію, статьи достойны быть перепечатанными изъ Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей.

Н. П. Барсуковъ, почтилъ меня письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующій анекдотъ о Снегиревѣ, взятый имъ изъ Записокъ Еврепнова:

«....Послѣ обѣдни въ Чудовомъ монастырѣ, которую служилъ Митрополитъ Филаретъ, зашли къ нему въ его келью на закуску.... Разговоръ коснулся какой-то иконы, во все потемнѣвшей, такъ что изображеніе на ней трудно было разобрать. Находившійся тутъ же П. М. Снегиревъ сказалъ: *я думаю, владыка, что она потемнѣла отъ прикосновенія нашихъ сквернымъ устъ*, а митрополитъ прибавилъ: *«и отъ сквернаго языка». Зная, что сей собесѣдникъ былъ на* языкъ не всегда воздержепъ.»

Принося чувствительную признательность за анекдотъ, съ своей стороны сообщаю къ свѣдѣнію, что біографическій очеркъ П. М. Снегирева продается у А. Ѳ. Базунова (на Невскомъ), а что касается изданія «Библіотекаря», на которое Вамъ угодно заявить себя подписчикомъ, то оно, по недостатку средствъ у издателя, не можетъ еще появиться въ свѣтъ въ пастоящее время, но не теряю падежды, что средства явятся.

(Продолженіе переписки въ слѣдующемъ выпускѣ.)

Рѣчь, въ благодарное воспоминаніе благодѣяній АЛЕКСАНДРА I*).

Уже семьдесять два года Московскій Университетъ празднуетъ день своего основанія, съ торжественною признательностію благословляя память вѣнценосной Основательницы своей Елисаветы; двадцать четыре года въ сей день возносилъ сердечные обѣты къ Небесамъ о благоденствіи АЛЕКСАНДРА, даровавшаго ему новую жизнь и возвысившаго оное Своими щедротами; — нынѣ, П. С., въ день нашихъ пріятнѣйшихъ воспоминаній, судьба привела насъ приносить благодарность уже праху обожаемаго нами АЛЕКСАНДРА. Здѣсь нѣкогда имѣли мы счастіе срѣтать благосклонный ЕГО взоръ и слышать милостивое ЕГО слово,—теперь готовимся благоговѣйно срѣтать и опла-

*) Произнесена въ 12 день Января 1826 года, въ залѣ Московскаго Университета самимъ сочинителемъ.

кивать бренные и всегда священные для насъ останки ЕГО: ихъ скоро узритъ въ стѣнахъ своихъ Москва, вмѣстѣ съ Россіею обѣщавшая АЛЕКСАНДРУ, какъ Нестору своему — при Его силѣ и красѣ тѣлесной и душевной—два вѣка жизни.—Сія великая утрата Великаго ЦАРЯ-Отца поразила скорбію души подданныхъ ЕГО — она присоединила нынѣ праведную печаль и къ благодарному воспоминанію нашему основанія сего разсадника наукъ, на который ОНЪ въ царствованіе Свое излилъ столько милостей и щедротъ: она наложила на насъ обязанность сказать то, что́ сердце намъ внушаетъ.

Если АЛЕКСАНДРЪ, совершившій въ два десятилѣтія дѣла, едва совмѣстныя многимъ столѣтіямъ; если ОНЪ, при жизни Своей, по безпримѣрному во Владыкахъ земныхъ смиренію, чуждался похвалъ справедливыхъ, уклоняя скромный слухъ Свой отъ общаго гласа признательности: не уже ли и по смерти ЕГО мы скроемъ благодарность свою и устыдимся печали своей — и притомъ тогда, когда по всей Европѣ раздается гласъ сѣтованія и скорби — и когда мы лишились въ НЕМЪ своего Благодѣтеля и Покровителя. Если мы умолчимъ: возопіютъ сіи стѣны, НМЪ возстановленныя изъ пепла пожарнаго, НМЪ украшенныя послѣ совершеннаго разоренія святилища наукъ врагомъ и пламенемъ.—*Изъявленіе благодарности необходимо душѣ благодарной*—изрекъ нынѣ царствую-

щій надъ нами по сердцу и духу АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЙ I*).

Какоежъ сильно-обильное слово, какой всеобъемлющій умъ потребенъ для того, чтобы достойно выразить благодарность и хвалу АЛЕКСАНДРУ за всѣ ЕГО подвиги на поприщѣ ратномъ и гражданскомъ, за ЕГО безсмертныя заслуги человѣчеству и Россіи! Сколь неизмѣримо-велика сцена ЕГО дѣйствій! Какая живая, разнообразная и достославная на ней дѣятельность ЕГО! На полѣ битвы ОНЪ воинъ—на совѣщаніяхъ съ Европою Дипломатъ; на Престолѣ пишетъ законы для полвселенной — на нивѣ проводитъ плугъ вмѣстѣ съ земледѣльцемъ; и въ уединеніи Своемъ внимаетъ гласу Исторіи. Забывая о спокойствіи Своемъ, подобно благотворному, всеоживляющему свѣтилу, обтекаетъ изъ края въ край пространныя владѣнія Свои для распространенія благодѣяній: съ блестящей высоты величія и славы нисходитъ Ангеломъ-утѣшителемъ въ пропасти подземныя и въ мрачныя темницы къ удаленнымъ съ лица земли за преступленія, и въ преступникахъ уважаетъ человѣчество; въ убогихъ хижинахъ радушно бесѣдуетъ и раздѣляетъ скудную трапезу съ послѣднимъ изъ подданныхъ Своихъ, какъ другъ человѣчества, какъ отецъ среди родной семьи; не отвращается отъ скорбнаго вида и стона обреме-

*) Слова изъ письма ЕГО къ Преосв. Моск. Августину 1817 г., по случаю рожденія въ Москвѣ Великаго Князя АЛЕКСАНДРА, Наслѣдника Престола.

нспныхъ тяжкими недугами, присѣдя одру страданій и сострадая имъ, вливаетъ въ душу ихъ сладостное утѣшеніе; наконецъ видимъ ЕГО какъ нѣжнаго супруга, съ заботливостію сопровождающаго Супругу Свою на берега Азовскаго моря, куда Ее призывалъ цѣлебный для Ея здравія воздухъ—и вдругъ слышимъ скорбный гласъ ЕЛИСАВЕТЫ: *Нашего Ангела не стало—нашъ Ангелъ въ небесахъ!* Недоумѣваемъ—кого не стало? — Могли мы скоро привыкнуть къ мысли, что и АЛЕКСАНДРЪ смертенъ!—Такъ, повторю ЕГО собственныя слова, которыми ОНЪ отрекся отъ имени *Великаго: великъ единъ Богъ!*—Но сей смертный, обезсмертившій Себя подвигами Своими, соединялъ въ себѣ кротость съ величіемъ, мудрость съ простотою, милость съ истиною: ОНЪ былъ Покровителемъ просвѣщенія и Благодѣтелемъ Московскаго Университета. Еслибъ мы, по великости предмета и по малости времени, не рѣшились созерцать дѣла АЛЕКСАНДРА въ первыхъ отношеніяхъ, столь важныхъ для Исторіи; то въ послѣднемъ, столь близкомъ къ сердцу нашему, не можемъ не воздать ЕМУ благодарности, хотя бы она состояла только *въ простомъ и краткомъ воспоминаніи ЕГО главныхъ благотвореній* Московскому святилищу наукъ, а въ лицѣ онаго просвѣщенію и Отечеству.

Въ чье царствованіе другихъ великихъ и благотворныхъ Государей нашихъ было поприще таланту и учености открыто столь обширнѣйшее и блистательное, какъ при АЛЕКСАНДРѢ? При какомъ изъ Мо-

парховъ возникло столько полезныхъ заведеній для образованія юношества, для распространенія наукъ и для поощренія ученыхъ?—Обозрѣвая въ особенности *Исторію Московскаго Университета*, не обинуясь, можемъ сказать, что никто изъ Монарховъ Россійскихъ не оказалъ оному столько благотвореній, какъ АЛЕКСАНДРЪ — его *Преобразователь*, *Возстановитель* и *Благодѣтель*.

Съ любовію къ Отечеству и съ пламеннымъ желаніемъ ему добра вступивъ на родительскій Престолъ, ОНЪ положилъ твердо въ умѣ своемъ — распространять истинное просвѣщеніе между всѣми состояніями подданныхъ Своихъ; и когда въ семъ благотворномъ намѣреніи заведены ИМЪ были новые Университеты, новыя училища: тогда ОНЪ удостоилъ особеннаго воззрѣнія Московскій Университетъ, и въ Грамотѣ Своей торжественно изъявилъ ему Свою признательность *за великое участіе его въ образованіи людей, способныхъ для Государственной службы, въ распространеніи знаній и наипаче въ усовершенствованіи отечественнаго языка**).—Едва минуло полвѣка существованію въ древней Столицѣ сего Университета, по времени, мѣсту и достоинству *перваго и старшаго* въ Россіи: АЛЕКСАНДРЪ даровалъ ему новый Уставъ, а съ нимъ вмѣстѣ *новыя права* и *преимущества, болѣе сообразныя съ просвѣщеніемъ текущаго времени*—

---

*) Подлинныя слова изъ Высочайше дарованной Грамоты.

и *желая поставить сіе заведеніе на незыблемомъ основаніи*, торжественно *подтвердилъ* оныя *за Себя и за Своихъ Преемниковъ*; ибо сей мудрый и просвѣщенный Государь признавалъ ученыя заведенія не частными и временными, но общественными, вѣковѣчными, коихъ цвѣтущее состояніе и слава, измѣненія по духу времени и правленія важны и полезны не только для учителей и учениковъ, но и для всякаго народа и общества гражданскаго по взаимнымъ ихъ отношеніямъ.

Скоро проявились благодѣтельныя слѣдствія благодѣтельнаго вліянія Монарха на разсадникъ наукъ; подъ сѣнію ЕГО Державы преобразованный и ущедренный, онъ началъ новую епоху бытія своего. Съ умноженіемъ способовъ къ просвѣщенію, съ открытіемъ ближайшихъ и выгоднѣйшихъ путей къ чести личной и къ общему благу умножилось число учащихъ и учащихся, распространился кругъ дѣятельности однихъ и возродилось соревнованіе въ другихъ; ученіе обратилось въ общественную службу, ученыя степени въ гражданскіе чины — чины сдѣлались достояніемъ ученыхъ степеней. И во всѣхъ сословіяхъ почувствовали цѣну наукъ и достоинство облагородствованныхъ ученыхъ, которыхъ прежде невѣжество равняло съ ремесленниками, работающими изъ платы; познали болѣе нежели когда-либо справедливость словъ Римскаго Оратора, именованнаго отцемъ отечества, что «нѣтъ важнѣе услуги государству, какъ назидать и просвѣщать юношество». — Тогда Московскій Университетъ,

дотолѣ еще мало слышный въ Европѣ, именемъ и дѣяніями своими огласившись за предѣлами Россіи, вошелъ въ ученыя сношенія съ чужестранными Университетами, откуда вызвалъ къ себѣ многихъ извѣстныхъ Профессоровъ, которые считали для себя честію и славою служить подъ правленіемъ Россійскаго Августа. — Подъ покровительствомъ Монарха своего Университетскіе питомцы, посыланные въ иностранныя училища для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, обогатясь разнообразными свѣдѣніями, возвратились на мѣсто перваго ученія своего достойными Профессорами; и въ Московскій Университетъ съ такоюжъ цѣлію отправлялись изъ чужестранныхъ училищъ юноши; многіе изъ его питомцевъ заняли каѳедры въ основанныхъ АЛЕКСАНДРОМЪ Университетахъ Харьковскомъ, Казанскомъ и С.-Петербургскомъ, въ Царскосельскомъ и Ришельевскомъ Лицеяхъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изъ важныхъ для учености пособій какой драгоцѣнный даръ получилъ Московскій Университетъ отъ щедротъ Своего Августа въ *Семятичевскомъ* Музеѣ Естественной Исторіи, который привлекалъ любопытные взоры соотечественниковъ и чужестранцевъ! Памятниками любви АЛЕКСАНДРА къ просвѣщенію и къ Университету были богатыя собранія рѣдкихъ книгъ, Имъ пожалованныя. Примѣръ Монарха есть призывъ къ подражанію подданныхъ. Кому не извѣстны великія пожертвованія для наукъ Демидова,

имъ основанное въ Ярославлѣ училище подъ покровительствомъ Университета, имъ принесенныя въ даръ библіотеки и музеи — и тѣ достойныя награды, коими почтилъ его вѣнценосный Покровитель Московскаго святилища учености! Забудемъ ли мы между памятными для Московскаго Университета именами Дашковой, Урусова — и земледѣльца Ларина, основателя Ларинскаго училища? — Всякій даръ, важный для Университета, АЛЕКСАНДРЪ, вмѣняя въ особенную услугу Отечеству и Себѣ лично, изъявлялъ дателямъ лестное благоволеніе, или награждалъ ихъ отличіями. Въ то время, какъ распространялись ИМЪ въ Россіи Ученыя Общества, занимавшіяся усовершенствованіемъ предметовъ наукъ, благотворнымъ ЕГО содѣйствіемъ учреждены при Московскомъ Университетѣ *Общества Испытателей природы, Отечественной Исторіи* и *Любителей Словесности Россійской;* труды ихъ украшены Именемъ ЕГО и осчастливлены ЕГО благосклоннымъ принятіемъ.

Прибывъ въ Москву 1809 года торжествовать Фридрихсгамскій миръ, присоединившій къ учебнымъ заведеніямъ Россіи Абовскій Университетъ, побѣдоносный Монархъ не забылъ мирнаго крова Московскихъ Музъ, удостоивъ оный Своимъ присутствіемъ вмѣстѣ съ порфироносною Сестрою Своей Екатериною: незабвенны для насъ ЕГО слова, выразившія ЕГО благоволеніе Университетскому Начальству. — Основывая благоденствіе Своихъ подданныхъ на истин-

номъ просвѣщеніи и желая въ гражданскихъ Чиновникахъ видѣть мужей образованныхъ, АЛЕКСАНДРЪ повелѣлъ — не производить ихъ въ высшіе чины безъ свидѣтельствъ и испытаній Университетами въ знаніи необходимыхъ для гражданской службы свѣдѣній; симъ средствомъ ОНЪ хотѣлъ вести подданныхъ своихъ къ высокой и благороднѣйшей цѣли, и наукамъ придать болѣе достоинства и дѣятельности.

И такъ, подъ сѣнію благодатнаго мира, подъ покровомъ Монарха-Отца наше святилище наукъ, ободренное и украшенное, благоденствовало и процвѣтало, благословляя великодаровитую десницу своего высокаго Покровителя, трудилось на пользу Отечества и къ чести своей: оно обладало превосходными пособіями учености — ежегодно обогащалось новыми пріобрѣтеніями — и все, большею частію, отъ щедротъ Монаршихъ. И когда съ пріятнѣйшими надеждами и обѣтами оно готовилось вступить въ счастливѣйшую и славнѣйшую епоху бытія своего въ мірѣ ученомъ; наступилъ 1812 годъ, время тяжкаго испытанія, время высочайшей славы и могущества Россіи и АЛЕКСАНДРА. Какъ волновавшаяся рѣка вырывается изъ береговъ своихъ и все наводняетъ: такъ быстро разлился врагъ въ предѣлахъ нашихъ и нахлынулъ на самое сердце Россіи — на Москву. Воспоминаніе ужасное, и вѣчно неразлучное съ нами!—Питомцы Университета тогда съ чувствіемъ скорби оставили мѣсто трудовъ своихъ и сладостныхъ упованій; ихъ оживляла только любовь

къ Отечеству: одни изъ нихъ, одушевясь мужествомъ, съ оружіемъ устремились на поля кровавыхъ битвъ; другіе, внемля призывному стону раненыхъ воиновъ, поспѣшили къ нимъ на помощь; иные, сопровождая драгоцѣнные останки ученыхъ сокровищь Университета, удалились съ наставниками своими на берега Волги въ Нижній Новгородъ изъ роднаго града, гдѣ буйствовалъ врагъ, возвѣстившій Европѣ съ дымившихся пожарищь Москвы, что съ разрушеніемъ Столицы и учебныхъ ея заведеній онъ отодвинулъ просвѣщеніе Россіи на цѣлое столѣтіе. Но не такъ судило Провидѣніе, какъ мечталъ Наполеонъ въ слѣпотѣ гордой самонадѣянности!

При видѣ грознаго зарева пожаровъ, возгнетенныхъ отчаяніемъ или злобою сперва вокругъ Москвы, а потомъ и въ ней самой, и при гулахъ грома пушечнаго мы трепетали въ недоумѣніи объ участи Столицы и Россіи; но АЛЕКСАНДРЪ, какъ Ангелъ, бодрствовалъ за насъ на стражѣ. Затрепетали мы отъ радости, услышавъ, что въ Москвѣ нѣтъ врага, что онъ бѣжитъ несытый, отчаянный, всюду поражаемый на постыдномъ пути бѣгства своего. — Благопромышленность Правительства и самое наше сердце призвали насъ на пепелища наши въ древнюю Столицу. Чтожъ мы нашли здѣсь? Сіе огромное и великолѣпное зданіе, вертоградъ, посвященный Елисаветою Музамъ — представилъ взорамъ нашимъ однѣ опаленныя

развалины среди хладнаго пепла, покрывавшаго стогны Московскія — печальную картину опустошенія.

Когда уже исполнилось слово Помазанника — когда *не было ни одного врага на земли Русской;* — Московскій Университетъ съ новой епохи, съ новою надеждою на Провидѣніе и Царя своего началъ свои дѣйствія въ Москвѣ, и подъ чуждымъ кровомъ торжествовалъ вступленіе въ Парижъ АЛЕКСАНДРА какъ великодушнаго побѣдителя. Шесть лѣтъ лежалъ пепелъ на развалинахъ храма Музъ Московскихъ, какъ АЛЕКСАНДРЪ, изрекши въ столицѣ Франціи отрадное слово мира врагамъ и всей Европѣ, на Вѣнскомъ Конгрессѣ возстановивъ свободу и права Европейскихъ Державъ и составивъ безпримѣрный въ Исторіи Священный Союзъ, — побѣдоносный, благословляемый своими и иноплеменными народами, славимый Союзниками и врагами, прибылъ 1816 года въ древнюю свою Столицу — сію колыбель Монархическаго правленія, сію почтительную блюстительницу Святыни и Древности. Среди попеченій о возстановленіи Москвы разоренной и сожженной не забылъ ОНЪ и Московскаго Университета, посѣтивъ его въ обновленномъ зданіи Университетскаго Пансіона; съ заботливостію Отца входя въ разстроенное состояніе сего разсадника наукъ, столько ИМЪ облагодѣтельствованнаго, готовилъ для него новыя благодѣянія. Такъ добрый и попечительный вертоградарь, послѣ бури съ заботливостію осматривая вертоградъ свой и съ горестію видя насажден-

ныя имъ юныя деревья и нѣжныя растѣпія побитыми градомъ или сломленными вихремъ — придумываетъ средства, какъ ихъ оживить, или снова насажать. Забудемъ ли то, что вѣнценосный нашъ Геній, среди питомцевъ Университета, радостно на НЕГО взиравшихъ, среди наставниковъ ихъ, явился самъ Августѣйшимъ Наставникомъ и какъ бы въ безсмертный завѣтъ изрекъ сіи слова: *Истинное просвѣщеніе основано на Евангеліи и Религіи**). Искушенный великими и славными опытами, ОНЪ положилъ Религію въ основу даже своей политики, соединившей неразрывными узами Европейскія Державы, раздѣленныя враждебнымъ духомъ своекорыстія и преобладанія.

И такъ, сей Возстановитель правъ человѣчества, признанный въ Англіи подобно Петру Первому отъ знаменитаго сословія ученыхъ Докторомъ Правъ, возстановилъ и Московскій храмъ наукъ въ новой лѣпотѣ тогда, когда ИМЪ спасенная Европа наименовала ЕГО своимъ *Избавителемъ*, а благодарная Россія *Благословеннымъ*. Если Университетъ теперь владѣетъ и пользуется важными и драгоцѣнными для наукъ пособіями; если послѣ разоренія можетъ похвалиться Медицинскимъ Институтомъ, Анатомическимъ театромъ, Библіотекою, Музеемъ, Типографіею и другими заведеніями, спасительными для человѣчества и полезными для наукъ; всѣмъ симъ обязанъ великодушію и щед-

*) На сіе изреченіе сочинено и произнесено торжественное въ Унив. Пан. Слово однимъ изъ воспитанниковъ онаго. *Соч.*

ротамъ АЛЕКСАНДРА: — все отъ ЕГО Имени и во Имя ЕГО нами приобрѣтено.

Питомцы Университета и Пансіона! АЛЕКСАНДРЪ открылъ вамъ обширнѣйшія стези къ просвѣщенію ума и сердца, показалъ средства удобнѣйшія и награды блистательныя**)! Получаемыя здѣсь вами права и преимущества не ограничиваются мѣстомъ вашего ученія, но простираются на поприще службы военной, гражданской и ученой — еще болѣе — простираются на всю вашу жизнь! Вижу въ семъ почтенномъ собраніи многихъ Профессоровъ, достойно облеченныхъ высокими чинами, праведно украшенныхъ знаками отличій. АЛЕКСАНДРЪ Первый сравнялъ заслуги ученыя съ заслугами Государственными, украшая орденскими знаками и чинами не только своихъ, но и чужеземныхъ ученыхъ: Шлецера, Гете, Виланда, Лагарпа, Франкера и многихъ другихъ. Рѣшая судьбу Европы на Конгрессахъ, ОНЪ тогда же назначалъ пенсіи вдовамъ и сиротамъ Профессоровъ Московскаго Университета. Во всѣхъ сихъ благотвореніяхъ Университету АЛЕКСАНДРА мы видимъ искреннюю ЕГО любовь къ наукамъ, которая знаменовала все ЕГО царствованіе — важнѣйшую епоху въ Исторіи Просвѣщенія Россіи.

---

*) Въ 1823 году блаженной памяти Государь соизволилъ указать, чтобы учащимся, удостоеннымъ по екзамену степени Дѣйствительныхъ Студентовъ, присвоенъ былъ 12 классъ, а Кандидатамъ 10 классъ Государственныхъ Чиновниковъ. *Соч.*

Не дерзаю исчислять другихъ ЕГО благодѣяній сему святилищу наукъ: они свѣжи еще и всѣмъ извѣстны; но не премолчу того, что сей истинно Великій Государь, цѣня всю важность просвѣщенія и желая облагородствовать мирные труды Ученыхъ для существеннаго блага Отечества — любимцевъ Марса отъ поля ратнаго во времена мира призывалъ на поприще просвѣщенія Начальниками учебныхъ заведеній, если находилъ въ нихъ любимцевъ Музъ. И Московскій Университетъ въ послѣдній годъ жизни обожаемаго имъ АЛЕКСАНДРА, какъ въ послѣдній знакъ ЕГО особеннаго къ себѣ вниманія, получилъ отъ НЕГО себѣ Попечителя въ Особѣ Его Превосходительства А. А. Писарева, который въ отечественную войну сражался предъ ЕГО глазами и отдыхая отъ битвъ, описывалъ ихъ *).

Еслибъ подробно исчислить всѣ милости АЛЕКСАНДРА I Московскому Университету; то должнобъ Слово сіе превратить въ Исторію, а сіи часы печально-торжественныхъ воспоминаній нашей благодарности въ дни для повѣствованія. — Такъ! ЕГО благодѣянія и теперь съ нами живутъ; а вѣнценосный Благодѣтель нашъ навѣки сокрытъ въ гробѣ — и сокрытъ отъ насъ прежде нежели ОНЪ совершилъ всѣ свои преднамѣренія и обѣты для блага Отечества, для пользы просвѣщенія, — прежде нежели ОНЪ протекъ

*) А. А. *Писарева* Военныя письма.

полвѣка Своего земнаго бытія и достигъ юбилея Своего царствованія, когда ОНЪ готовился излить еще новыя щедроты на Россію, ЕМУ возлюбленную. Но изъ сего для насъ священнаго гроба возникаетъ новая жизнь, а съ нею вмѣстѣ утѣшеніе: живъ АЛЕКСАНРЪ въ безсмертныхъ дѣлахъ Своихъ и добродѣтеляхъ; живъ въ Преемникѣ Своемъ, какъ бы ознаменованномъ свыше Именемъ Покровителя Русскаго народа и обѣщающемъ въ царствованіи Своемъ *продолженіе АЛЕКСАНДРОВА царствованія;* живъ и для сего святилища наукъ въ незабвенныхъ благодѣяніяхъ, коими мы пользуемся, и наставленіяхъ, коими руководствуемся! — Его духъ, какъ Ангелъ-хранитель, почиваетъ надъ нами. И доколѣ будетъ существовать сей храмъ наукъ, дотолѣ и сердца питомцевъ его станутъ пылать къ Имени АЛЕКСАНДРА чистѣйшею признательностью, и въ сей торжественный день основанія онаго и всегда произносить съ благословеніями и святить сіе Имя, какъ залогъ своего благоденствія; примѣры ЕГО добродѣтелей — благочестія, кротости, великодушія и благотворительности — ЕГО наставленія будутъ непреложнымъ руководствомъ и вѣчнымъ образцемъ для учащихъ и учащихся. Юноши, здѣсь озаренные лучами *истиннаго просвѣщенія,* по слову АЛЕКСАНДРА, *основаннаго на Религіи,* оживотворясь любовію къ Отечеству и душевною преданностію къ Вѣрѣ православной и къ Престолу Монаршему, отсюда изыдутъ съ духомъ правымъ и сердцемъ чистымъ во

всѣ концы пространныя Россіи на дѣло и дѣланіе свое даже до вечера жизни своей — покажутъ себя предъ лицемъ свѣта вѣрными сынами родины своей, покорными исполнителями отеческихъ законовъ—принесутъ съ собою въ общество благонравіе, въ службу усердіе къ должности, въ семейство добродѣтели, проистекающія изъ *истиннаго просвѣщенія*, которое въ неразрывномъ живетъ союзѣ съ добродѣтелью. Да довершитъ *благодарность* отличія умственныя и нравственныя питомцевъ сего святилища наукъ! Да не угаснетъ никогда сіе высокое знаменіе нравственнаго добра въ сердцахъ ихъ! И да обратятъ они съ благороднаго поприща своей жизни и служенія, да обратятъ признательные взоры свои на мѣсто воспитанія своего и съ благоговѣніемъ вспомнятъ Вѣнценоснаго Благодѣтеля и Высокаго Наставника своего АЛЕКСАНДРА! —

ПРОСЬБА.

Наука — достояніе всего человѣчества, она стоитъ выше всѣхъ ограниченій національности; ея результатами пользуются всѣ цивилизованные народы, и раздѣленные языкомъ и политикой, они соединяются между собой во имя ея — въ безкорыстное братство.

Вотъ почему нижеподписавшійся и принимаетъ на себя смѣлость обратиться ко всѣмъ цивилизованнымъ народамъ Европы съ просьбою принять живое и братское участіе въ его предпріятіи.

Ученикъ братьевъ Гриммовъ, онъ всю свою дѣятельность посвятилъ изслѣдованію народной жизни; въ своихъ различныхъ изданіяхъ: Zeitschrift für D. Mythologie und Sittenkunde, Germanische Mythen, Die Götterwelt der deutschen und nordischen Völker («Лѣтописи миѳологіи и обычаевъ нѣмецкаго народа», «Германскіе миѳы», «Боги германскихъ и сѣверныхъ народовъ») и т. п. онъ нѣсколько лѣтъ работалъ надъ объясненіемъ обычаевъ и вѣрованій европейскихъ народовъ. Въ настоящее время онъ занимается собираніемъ и разъясненіемъ древнихъ земледѣльческихъ обы-

чаевъ (и преимущественно — обычаевъ жатвенныхъ), которые принадлежатъ по своему происхожденію отдаленнѣйшему времени, но и теперь еще существуютъ, какъ разрозненные обломки большой мозаической картины, хотя, при утѣшительныхъ успѣхахъ раціональнаго хозяйства, все болѣе и болѣе исчезаютъ.

Берлинская и Вѣнская Академіи Наукъ, Союзъ Нѣмецкихъ Обществъ Исторіи и Археологіи и Филологическое Общество въ Гейдельбергѣ внимательно разсмотрѣли планъ этого важнаго предпріятія и признали его полезность и необходимость. Но такъ какъ, только собравши большое количество матеріаловъ въ каждой мѣстности, возможно, на основаніи внутренней критики, возсоздать былое изъ этихъ разрозненныхъ обломковъ, а также вѣрно понять его значеніе и, при помощи филологическаго и историческаго изученія, каждый отдѣльный членъ привести въ связь съ цѣлымъ; то нижеподписавшійся осмѣливается просить дружеской помощи въ своемъ предпріятіи, столь важномъ исторіи цивилизаціи и столь интереснымъ для всѣхъ друзей народной жизни. Онъ получилъ уже болѣе четырехъ тысячъ отвѣтовъ на свои вопросы; самое простое сопоставленіе этихъ сообщеній разливаетъ яркій свѣтъ на древній культъ Цереры. Не обязанъ-ли и русскій народъ спасти отъ забвенія наслѣдіе своихъ предковъ,—наслѣдіе, сохраненное въ народныхъ преданіяхъ; не долженъ-ли и онъ способствовать ихъ разъясненію сближеніемъ ихъ съ преданіями сосѣдственныхъ народовъ? Добытые такимъ образомъ результаты нижеподписавшійся предложитъ впослѣдствіи въ формѣ, доступной всѣмъ образованнымъ людямъ, вмѣстѣ съ отчетомъ по самому изслѣдованію. Онъ проситъ съ

тѣмъ бо̀льшею надеждою на успѣхъ, что выставленная имъ задача есть дѣло чести цѣлаго народа.

Съ этой цѣлью онъ обращается ко всѣмъ друзьямъ народной жизни съ нижеслѣдующими вопросами, съ просьбою собрать по нимъ свѣдѣнія и сообщить ему результаты своихъ розысканій съ такими подробностями, какія только будутъ возможны:

1) Не существуетъ-ли въ вашей странѣ какихъ-нибудь особенныхъ обычаевъ при обработкѣ полей, при посѣвѣ, унавоживаніи, сѣнокосѣ, жатвѣ, дерганіи конопли, льна, при уборкѣ картофеля, молотьбѣ, трепаньи льна и конопли; равно нѣтъ-ли и такихъ обычаевъ, которые не указаны въ нижеслѣдующихъ вопросахъ?

Авторъ проситъ сообщать ему все, что только извѣстно по этому предмету.

2) Что совершается при посѣвѣ, при жатвѣ? Жнутъ-ли крестьяне хлѣбъ серпомъ или косятъ косою? Тотчасъ-ли потомъ онъ связывается, или остается лежать нѣсколько времени въ рядахъ на укосѣ? Не дѣлаютъ-ли при этомъ различія для нѣкоторыхъ породъ хлѣба? Стараются-ли о томъ, чтобы вѣтеръ гнулъ колосья на сторону взмаховъ косы, и т. п?

3) Тѣ-ли же самыя, или различныя лица жнутъ хлѣбъ и вяжутъ снопы? (мужины или женщины? работники?)

4) Не сохранилось-ли при посѣвѣ древнихъ обычаевъ и повѣрьевъ? Не ставятъ-ли наприм. въ Вербное Воскресенье, на Пасху и другіе праздники освященныхъ крестовъ или кленовыхъ вѣтвей на поляхъ, засѣянныхъ рожью или льномъ, для того, чтобы предохранить хлѣбъ отъ града и молніи? Считаются-ли

извѣстные дни (понедѣльникъ, середа, Зеленый Четвергъ и др.) благопріятными или неблагопріятными для посѣва какихъ-нибудь хлѣбовъ? Обращаютъ-ли вниманіе при посѣвѣ на перемѣны луны, *) на различныя воздушныя явленія и т. п. И въ какомъ именно родѣ? Смотрятъ-ли затѣмъ, чтобы сѣялка была сплетена семилѣтнимъ дитятею? Бываютъ ли крестные ходы со святыми иконами и т. п. вокругъ засѣяннаго поля? Обливается ли первый плугъ водою? Не примѣшиваютъ ли чего-нибудь особеннаго къ первымъ хлѣбнымъ сѣменамъ? Не говорятъ-ли, что сѣятель умретъ, если, позабывшись, пропуститъ гряду — сдѣлаетъ обсѣвъ? Не бываетъ ли въ отношеніи льна какихъ-нибудь символическихъ обрядовъ для того, чтобы онъ росъ выше? **)

5) Нѣтъ-ли какихъ-нибудь суевѣрныхъ средствъ и обычаевъ для предохраненія засѣяннаго поля отъ гусеницъ, жуковъ, мышей и кротовъ?

6) Не соблюдается-ли какихъ особенныхъ обычаевъ при срѣзываніи первыхъ колосьевъ на полѣ, напр. чтобы первые два пучка колосьевъ срѣзывались на крестъ? Не даютъ-ли первые колосья срѣзывать дѣтямъ моложе семи лѣтъ? Кладутъ ли первый снопъ въ житницѣ для мышей? Не дѣлается-ли вмѣстѣ съ этимъ еще чего-нибудь особеннаго?

---

*) Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ на Руси не начинаютъ посѣвовъ, при умаленіи мѣсяца. Если мужикъ сѣетъ въ новолуніе, то хлѣбъ растетъ и зрѣетъ скоро, но колосъ будетъ не богатъ зернами; а хлѣбъ, посѣянный въ полнолуніе, хотя растетъ тихо и стеблемъ коротокъ, за то здоренъ и обиленъ зерномъ. Чтобы ленъ уродился полный въ зернѣ, надо сѣять его въ полнолуніе, а чтобы уродился долгой и волокнистой—надо сѣять при молодомъ мѣсяцѣ (Поэт. Воззр. слав. на природу, I, 191).

**) См. ibid., стр. 35 и 37.

7) Носятъ-ли жнецы своему помѣщику, по окончаніи жатвы и передъ вязкой сноповъ, жатвенный вѣнокъ или пучокъ колосьевъ? Какой образъ придается этому пучку? И что говорятъ или поютъ приносящіе? *)

8) Особенное вниманіе просятъ обратить на слѣдующіе вопросы:

Не сохранилось-ли какихъ-нибудь древнихъ обычаевъ при срѣзываніи послѣднихъ колосьевъ на полѣ, при вязкѣ послѣднихъ сноповъ и при обмолачиваніи послѣдняго снопа? Во многихъ мѣстностяхъ южной и сѣверной Германіи послѣдній снопъ приготовляется въ видѣ какого-нибудь животнаго, или же просто украшается деревянной фигурой такого животнаго. Такъ въ различныхъ мѣстахъ дѣлаютъ фигуру свиньи, волка, козла, пѣтуха, зайца, или коровы, и послѣдній снопъ получаетъ по этому самому имя: «житная свинья», «соломенный козелъ» (Roggensau, Halmbock), «волкъ», «пѣтухъ», «заяцъ» и т. п. Въ послѣдній снопъ льна завязываютъ иногда живаго крота. Въ другихъ мѣстностяхъ, начиная съ Шотландіи и Англіи, чрезъ всю Германію и до славянскаго Востока, дѣлаютъ изъ послѣдняго снопа куклу, въ видѣ человѣка, мужчины или женщины, тамъ и сямъ наряжаютъ ее въ платья, чаще же убираютъ только цвѣтами и лентами, а иногда безъ всякихъ украшеній дѣлаютъ въ снопѣ грубое подобіе головы, рукъ и половыхъ частей. **) Эта кукла носитъ раз-

*) Обычай этотъ извѣстенъ почти во всѣхъ губерніяхъ: см. описаніе его въ сборникахъ Сахарова, Терещенка и Снегирева (Простонар. рус. праздники) и въ Этнографич. Сборникѣ.

**) У насъ во многихъ деревняхъ снопъ наряжаютъ въ женскую одежду.

личныя названія, напр. англ. Harvestdame (жница), Majden (дѣвица), Kirndolly, Kirnbaby (Kornpuppe— соломенная кукла); нѣмец. Kornmutter, grosze Mutter, Weizenbraut, Haferbraut, der Alte, die Alte, die alte Hure, das Kornmännchen (житная мать, великая мать, пшеничная невѣста, овсяная невѣста, Дѣдъ, Баба или старуха, старая блудница, житный человѣчекъ); дат. Bygkjaelling, Fok, Fukke, den Gamle; венд. Pucel, польск. Baba, Stary, Bękart (незаконнорожденное дитя), Pępek (пупокъ). Дѣлать соломенную куклу долженъ тотъ, кто срѣзываетъ послѣднія колосья или вяжетъ послѣдній снопъ. Ему кричатъ: «посади въ снопъ козла, пѣтуха!» и т. п. или: «у тебя Дѣдъ и ты долженъ удержать его!» Куклу ставятъ на самый верхъ телѣги съ сжатымъ хлѣбомъ, везутъ къ житницѣ, и здѣсь нѣсколько разъ обливаютъ ее водою. При обмолачиваніи сноповъ изъ послѣдней вязки часто дѣлаютъ опять такую-же куклу, и тотъ, который сдѣлалъ послѣдній ударъ цѣпомъ, бросаетъ ее на гумно къ сосѣду, еще неокончившему молотьбы. Этого молотильщика завязываютъ самого въ снопъ и возятъ на телѣгѣ по деревнѣ. Затѣмъ начинается праздничный пиръ, за которымъ кукла снова является на столѣ въ видѣ пирога. Въ другихъ мѣстностяхъ послѣдній снопъ носитъ еще названія: Glückskorn, Stamm, Muttergarbe («счастливый хлѣбъ», «племенный», «матьснопъ»), Vergôdendêl, Rätschvogel, Hörkelmay и др.

Нѣтъ-ли подобныхъ обычаевъ и въ вашей сторонѣ, хотя бы они сохранились только въ обломкахъ? Какъ называется послѣдній снопъ? Что кричатъ тому, который его вяжетъ (или тому, который срѣзываетъ послѣдніе колосья)? Дѣлается-ли кукла послѣ уборки вся-

каго хлѣба (ржи, ячменя, пшеницы, гороха, овса, картофеля и т. п.)? Не завязываютъ ли въ послѣдній снопъ камня? Желательно было бы имѣть небольшой рисунокъ соломенной куклы. Что дѣлаютъ съ жатвенной куклой, когда ее привезутъ на дворъ?

9). Иногда послѣдній или первый снопъ, а также связку льна ставятъ на полѣ, какъ говорятъ, для Водана, дѣвъ житницы (Schauerjungfrauen), карликовъ, (die Zwerge, das Bergmandl), или для монастырской братіи. Эти снопы обрызгиваютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пивомъ или виномъ. Также оставляютъ одну полосу хлѣба или уголъ поля несжатымъ для бѣдныхъ. Нѣтъ-ли и у васъ такихъ обычаевъ? Въ случаѣ если есть что-нибудь подобное, то просятъ самаго подробнаго описанія *).

10). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жнецы-работники имѣютъ право срѣзывать въ огородѣ у крестьянина кочаны капусты, если онъ не угоститъ ихъ послѣ привоза послѣдняго хлѣба. Особенные обычаи наблюдаются при опрокидываніи пріѣхавшей домой телѣги съ сжатымъ хлѣбомъ. Не знаютъ-ли въ вашей странѣ чего-нибудь про это?

11). Здѣсь и тамъ, послѣ сѣнокоса, дѣлаютъ такъ наз. Kliebenbusch, Austbalje, или bunte Wasser, т. е. кладутъ кустъ репейника вмѣстѣ съ крыжовникомъ и смородиной въ чанъ съ водой, и все это прикрываютъ

---

*) У насъ существуетъ обычай завивать бороду Волосу, оставлять нѣсколько колосьевъ на бороду Ильѣ-пророку, св. Николѣ или Христу (Поэт. Воззрѣнія славянъ на природу, I, 697—8). Сверхъ того, извѣстны *закруты* или *заломы*, дѣлаемыя на нивахъ колдунами и недобрыми людьми, чтобы отнять у хлѣба спорынью (см. Сахарова, Терещен. и Снегирева); такой заломъ называется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ куклою.

крапивой (Donnernessel); потомъ присутствующіе другъ передъ другомъ стараются вытаскивать оттуда ягоды. Нѣтъ-ли этого и у васъ? Каковъ именно подробный ходъ обряда? Бываютъ ли при этомъ причитанія? И какія именно?

12) Приносится-ли рабочими при окончаніи жатвы жатвенный вѣнокъ (изъ пшеницы и т. д.) вмѣстѣ съ куклою Дѣда или отдѣльно отъ пея? Что за тѣмъ бываетъ? Что говорятъ, поютъ при этомъ работники, какія произносятся пожеланія семейству помѣщика и другимъ лицамъ? Не бываетъ-ли при этомъ странныхъ танцевъ? Если возможно, желательно было бы имѣть точный текстъ пѣсенъ и пр. на языкѣ или нарѣчіи народа.

13) Какимъ образомъ проводится жатвенный праздникъ, жатвенный пиръ на дворѣ? Не носитъ-ли онъ какого-либо еще другаго названія, напр. Austhochzeit, Sichelose (жатвенная свадьба, выкупъ серпа), Drischelhenkete, Wodelbier, Stoppelgans, Пѣтухъ и т. п. Какія подаютъ кушанья и напитки? Въ какое время происходитъ праздникъ? Не въ одно ли время бываетъ онъ съ приходскимъ праздникомъ? Не оканчивается-ли и у васъ вмѣстѣ съ жатвеннымъ праздникомъ второй завтракъ рабочихъ (дворни) зимою?

14) Какъ и когда справляется у васъ церковный жатвенный праздникъ? Не установлено ли также еще другихъ церковныхъ празднествъ, относящихся къ земледѣлію?

15) Нѣтъ ли при посѣвѣ и жатвѣ какихъ-либо церковныхъ и христіанскихъ обрядовъ, не сѣютъ ли во имя св. Троицы; не молятся ли сообща передъ жатвою на полѣ; при причастіи, послѣ жатвы, не при-

носятъ ли въ даръ на алтарь нѣсколько колосьевъ и денегъ, и т. п.

16) Какимъ образомъ привѣтствуютъ другъ друга при жатвѣ?

17) Не зажигаютъ ли послѣ жатвы праздничныхъ огней?

18) Не существуетъ ли какихъ-либо суевѣрій относительно жатвы или послѣдняго снопа, какъ напр. брать изъ послѣдняго снопа нѣсколько колосьевъ и класть ихъ на Рождествѣ или весною въ ясли скоту, чтобы онъ лучше водился? Нѣтъ-ли повѣрья, что тотъ, кто свяжетъ послѣдній снопъ, въ слѣдующемъ году или умретъ, или женится? Нѣтъ-ли сказочныхъ преданій, относящихся до посѣвовъ, жавъ и нивъ?

19) Не существуетъ-ли въ народѣ особенныхъ выраженій по поводу того, когда вѣтеръ волнуетъ въ полѣ хлѣбъ (напр. «вепрь ходитъ по ржи», «волки гоняются во ржи», das Korn wolket, webt = хлѣбъ волнуется и т. д.)?

20) Нѣтъ ли особыхъ выраженій для удержанія маленькихъ дѣтей, чтобы они не бѣгали на нивы, напр. Kornmutter (житная мать), Баба, Баба-яга, Житна-матка (Zitnamatka), венд. Sserpashija (отъ слова серпъ), сидитъ въ хлѣбѣ и прижимаетъ дѣтей къ своимъ желѣзнымъ грудямъ; волкъ сидитъ во ржи и т. п.? Просятъ сообщить все это на языкѣ или устномъ говорѣ народа, въ тѣхъ точныхъ выраженіяхъ, какія у него въ ходу.

21) Не имѣетъ ли народъ еще какихъ особенныхъ сказаній о Житной теткѣ, Житной матери (Roggenmuhme, Kornmutter) и т. п., или вообще о женщинѣ и о мужскихъ существахъ, которыя показываются

въ хлѣбѣ? Не разсказываютъ-ли чего о привидѣніи женщины, которая около полудня странствуетъ по засѣянному полю? Enongermûr Pripołnica? *) Что говорятъ объ этомъ существѣ? Нѣтъ-ли преданій о плачущихъ младенцахъ, которыхъ находили во ржи? Не говорятъ-ли о святыхъ, герояхъ и т. п., которые, проходя черезъ поле, даруютъ хлѣбу плодородіе? **).

22) Не извѣстны-ли вамъ разсказы вашей страны о крылатыхъ драконахъ (венд. žitni zmij), о карликахъ, кобольдахъ, вѣдьмахъ, которые крадутъ у крестьянъ хлѣбъ съ поля и переносятъ его по воздуху къ другимъ? ***) Нѣтъ ли въ вашемъ народѣ вѣрованія въ Пильвиса и въ Bilsenschnitter'a, т. е. демоническое существо или чародѣя, который вооруженный маленькими серпами на на ногахъ идетъ по созрѣвающему хлѣбу и срѣзываетъ колосья, отъ чего половина урожая улетаетъ въ его закорма.

23) Нѣтъ-ли между вашимъ народомъ какихъ-либо примѣтъ въ отношеніи къ урожаю хлѣба, напр. «когда

---

*) У лужичанъ: полудница; съ тѣмъ-же именемъ извѣстна она когдѣ и у насъ. Въ южной Сибири полудница — сверхъ-естественное существо, показывающееся въ видѣ старухи, въ лохмотьяхъ и съ всклокоченными волосами; она живетъ въ банѣ или густой крапивѣ и охраняетъ огороды отъ шаловливыхъ дѣтей (Опытъ обл. слов., 168). Въ Архангельской губ. полудница оберегаетъ поля съ рожью; ею пугаютъ дѣтей: «не ходи въ рожь, полудница обожжетъ или съѣстъ». Есть поговорка: «полудница во ржи, покажи рубежи, куда хошь побѣжи!» (Памят. книжка Арханг. губ. на 1864 годъ, 17).

**) Плодородіе нивъ русскіе поселяне приписываютъ Ильѣ-пророку, Богородицѣ, св. Юрію, Власію, Борису и Глѣбу (Поэт. Воз. слав. на природу, гл. IX и XIII).

***) Повѣрье это извѣстно у бѣлоруссовъ: змѣй (цмокъ, smok) приноситъ своему хозяину или любимцу деньги, хлѣбъ и молоко, надѣляетъ его поля урожаемъ, а коровъ дѣлаетъ изобильными молокомъ. Когда змѣй несетъ золото, то бываетъ ясный, огненный, а если рожь и пшеницу — то несется темною тучею, имѣетъ темносиневатый цвѣтъ (Прибавл. Ж. М. Н. П. 1846, 22—25; Могилев. Губ. В. 1851, № 19).

волкъ въ маѣ лежитъ на посѣвѣ, житницы будутъ ломиться отъ тяжести хлѣба»?

24) Не оставляютъ-ли суевѣрные люди послѣдняго плода на фруктовомъ деревѣ? а горсть муки въ закромѣ?

25) Не имѣютъ-ли такъ-называемые рожки, спорынья (нѣм. mutterkorn, secale cornutum, франц. ergot) еще другихъ названій у народа, какъ напр. Kornmutter, Roggenmutter, Wolf, Hasenbrod (житная мать, волкъ, заяцъ-хлѣбъ)?

26) Нѣтъ-ли въ народной рѣчи именъ насѣкомыхъ, взятыхъ отъ хлѣба? напр. Maulwursgrille (gryllus gryllotalpa)—Kôrnwolp. Извѣстная почная бабочка: Kornvögelchen; ея гусеница: Kornwolf, Kornmade (житный волкъ, житная личинка). Libelle. = Kornjungfer, Kôrnmôder. Длинноногій хлѣбенный паукъ — Habergeisz (овсяная коза). Маленькая Nachteule (strix aluco)—Habegreisz; Herschnepf (scolopax gallinago — Hawerock) (овсяный козелъ). Habergeisz (овсяная коза).

27) Нѣтъ-ли особенныхъ обычаевъ, а равно и суевѣрій, соединенныхъ съ церковными праздниками масляницы (карнавала), Зеленаго Четверга, Пасхи, Троицына дня, Іоанна Крестителя и Рождества, которые имѣли бы отношеніе къ посѣву и жатвѣ? Напр. въ ночь на Рождество Христово считаютъ звѣзды: сколько ихъ начтешь, столько же получишь крестцовъ отъ жатвы. Или: нѣтъ-ли обычая кататься въ ночь на Рождество Христово по невымолоченной гороховой соломѣ *), ходить на озими и т. п., съ цѣлью увели-

*) На Руси въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай катать по нивѣ священника, чтобы урожай былъ лучше; въ другихъ мѣстахъ

чить урожай слѣдующаго года? Ходятъ-ли на Рождество Христово, на масляницу и т. п., съ гороховымъ медвѣдемъ (Erbsenbär), овсяною козою (Habergeirz) и съ другими фигурами (образами), обернутыми въ хлѣбную солому, что говорятъ о нихъ?

28) Нѣтъ-ли поговорокъ, дѣтскихъ игръ и т. п., въ которыхъ еще попадаются слова: Kornbock (хлѣбный козелъ) или Roggenwolf (житный волкъ) и т. п.? Въ какой формѣ онѣ произносятся? Есть-ли еще гдѣнибудь вѣрованіе въ то, что житные волки (Kornwölfe) — сыновья житной матери (Kornmutter), или что души дѣтей, которыхъ пожретъ житный волкъ, осуждены летать по полю, пока не свезутъ хлѣба? Или нѣтъ-ли чего подобнаго?

29) Нѣтъ-ли своеобразныхъ названій для вѣтра и облаковъ, напр. Stepke, Sauzagel, Schweinedreck (свиной пометъ) = вихрь, Bullkater (котъ), быки (Ochsen), барашки (Lämmchen), Grummeltörn = облака?*) Не бросаютъ-ли во время вѣтра или града муку изъ окна? Стараясь привлечь дождь во время засухи, приверженные къ старинѣ люди не обливаютъ-ли водою человѣка, прикрытаго зеленью?**)

30) Нѣтъ-ли обычая обвязывать помѣщика и постороннія лица, когда они въ первый разъ придутъ на жатвенное поле, повязкою изъ колосьевъ? Какія

катаются по нивѣ жницы, послѣ окончанія работы (Поэт. Воз. слав. на природу, I, 144).

*) Во Владимірской губ. передовые ряды темно-красноватыхъ тучъ называются быки, а бѣлыя лѣтнія облака въ разныхъ мѣстностяхъ слывутъ барашками (поэт. Поэт. Воз. на природу, I, 661—683).

**) См. Поэт. Воз. слав. на природу, I, 706. Во многихъ деревняхъ во время засухи молодежь собирается у колодцевъ и обливаетъ другъ друга водою, въ надеждѣ вызвать этимъ обрядомъ дождь; тоже обливаніе совершается на Святой недѣлѣ.

бываютъ при этомъ причитанія? Или не существуетъ-ли другаго какого-нибудь обычая выпрашивать у посѣтителей поля денегъ на водку?

31) Не рѣжутъ-ли во время жатвы и послѣ нея пѣтуховъ?

32) Не существуетъ-ли обычая во время свадьбы подносить невѣстѣ колосья, или не кладутъ-ли ей зёренъ въ башмакъ, и т. п.?*)

33) Не насмѣхаются-ли во время молотьбы надъ неопытными работниками, посылая ихъ напр. принести Windsack (мѣшокъ съ вѣтрами).

34) Просятъ отмѣчать, въ какомъ видѣ былъ обычай прежде и что отъ него уцѣлѣло въ употребленіи теперь.

35) Просятъ обозначать имена и положеніе тѣхъ мѣстностей (округъ, губернія, уѣздъ, область), гдѣ встрѣчаются сообщаемые обычаи.

Вильг. Маннгардтъ,

приватъ-доцентъ берлинскаго университета,
д. чл. Московскаго Археологическаго Общества.

Примѣч. Свѣдѣнія просятъ доставлять въ Московское Археологическое Общество.

---

*) Русскій свадебный обрядъ требуетъ не только класть въ башмакъ невѣсты горсть зеренъ, но и ее и жениха обсыпать разными хлѣбными зернами, нерѣдко смоченными водою, класть новобрачную чету спать на необмолоченныхъ снопахъ и т. п.

О средствахъ и препятствіяхъ сохранности церковныхъ древностей и рукописей въ церквахъ и монастыряхъ.

Записка Митрополита Московскаго Филарета.

Церкви и монастыри, по свойству и постоянству ихъ бытія, должны быть преимущественными источниками и надежными хранилищами древностей.

Непріятно встрѣтить въ мірскихъ рукахъ древность, которой самый видъ возбуждаетъ догадку, что ея законное мѣсто было въ церкви или въ монастырѣ; и невольно рождается вопросъ: зачѣмъ она не сохранена тамъ?

Можетъ сіе происходить отъ недостатка бдительности и осторожности въ храненіи; но могутъ быть и такія обстоятельства, въ которыхъ средства храненія неизбѣжно слабѣе препятствій.

Средства храненія древнихъ церковныхъ вещей и книгъ суть: вѣрный и знающій дѣло хранитель, правильная опись и надзоръ начальства. Можно владѣть сими средствами нынѣ, при распространенной образованности, при благоустроенномъ управленіи, при об-

щественной безопасности. Не всегда такъ было. Были хранители, которые не понимали, что̀ хранятъ, и потому могли съ удовольствіемъ промѣнять древнюю, ветхую, безъ употребленія лежащую рукопись, на новую книгу, очень годную для чтенія въ церкви. Не вдругъ догадались, что для ризницы и книгохранилища, не менѣе замка̀, нужны опись и свидѣтельствованіе по ней вещей; думали, что церковныя вещи стережетъ та мысль, что онѣ церковныя, и книги хранитъ написанное на нихъ заклятіе противъ похитителей. Во времена общественныхъ неустройствъ и вражескихъ нашествій, ни ризничій и книгохранитель, ни опись, очевидно, ничего не значили предъ рукою хищника.

Древности церковныхъ вещей и письменности старѣе временъ Татарскихъ. Татары приходили въ церкви и монастыри не для древностей, а для сокровищъ: по сокровища уносили, а древности приводили въ безпорядокъ и разсыпали; и, унесши, напримѣръ, украшенное золотомъ или серебромъ Евангеліе, тамъ гдѣ нашли удобность содрать съ него золото, бросили книгу, и вотъ она странствуетъ темными путями, или гдѣ нибудь долго лежитъ въ пыли, доколѣ найдетъ ее жадный глазъ и достанетъ долгая рука археолога.

Что̀ сохранили церкви и монастыри отъ временъ Татарскихъ, и что̀ въ большемъ обиліи пріобрѣли во времена утвердившагося владычества Великихъ Князей и Царей Россійскихъ, то большей прежняго опасности и дѣйствительному расхищенію и расточенію подверглось въ несчастное время неустройствъ и Польскаго на Россію нашествія, по случаю оскудѣнія царскаго въ Россіи рода. Гдѣ, напримѣръ, Великокняжеская библіотека Греческихъ книгъ, для перевода ко-

торыхъ призванъ былъ Максимъ Грекъ? Она исчезла въ сіе смутное время. Сергіева Лавра, хотя не была взята Поляками, однако не могла не понести утратъ, когда, напримѣръ, келарь Аврамій Палицынъ, за неимѣніемъ денегъ, предлагалъ казакамъ подъ Москвою украшенныя жемчугомъ церковныя облаченія въ возмездіе за то, чтобы они не отказались содѣйствовать войску, пришедшему на освобожденіе Москвы.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, конечно, усмотрѣлъ происшедшее разстройство церковной и монастырской собственности, и, при возстановляемомъ благостояніи, желалъ ввести и утвердить благоустройство на будущія времена. Онъ самъ повелѣлъ сдѣлать описи важнѣйшихъ мѣстъ духовнаго вѣдомства и назначилъ для сего людей. Такая опись сохранилась до нынѣ въ Сергіевой Лаврѣ.

Но потомъ случалось, что распоряженія самаго правительства, при благихъ намѣреніяхъ, не благопріятно дѣйствовали на сохранность церковныхъ и монастырскихъ разницъ и особенно библіотекъ.

Въ именномъ указѣ Императора Петра I-го 1701 г. изображено: «Монахи, въ кельяхъ никакихъ писемъ писать власти не имѣютъ чернилъ и бумаги въ кельяхъ имѣти да небудутъ». И указомъ 1723 г. подтверждено: «Монахамъ выписокъ изъ книгъ, безъ собственнаго вѣдѣнія настоятеля, подъ жестокимъ на тѣлѣ наказаніемъ, никому не писать». Сіи узаконенія, долго и строго дѣйствовавшія, должны были убить державшійся до того въ монастыряхъ вкусъ къ духовной и исторической письменности и дать монастырскимъ библіотекамъ хранителей полуграмотныхъ, неспособныхъ,

а по неспособности и неусердныхъ и непадежныхъ къ своему дѣлу.

Въ 1720 г. именнымъ высочайшимъ указомъ повелѣно: «Во всѣхъ монастыряхъ, обрѣтающихъ въ Россійскомъ государствѣ, осмотрѣть и забрать древнія жалованныя граматы и другія куріозныя письма оригинальныя, также книги историческія, рукописныя и печатныя, гдѣ какія потребныя къ извѣстію найдутся.» Сенатскимъ указомъ велѣно все сіе прислать въ Сенатъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ слѣдствіе сего собрана съ монастырскихъ библіотекъ и архивовъ обильная жатва, и Сенатъ теперь, вѣроятно, не представитъ доказательства, точно ли все собранное внесено въ его житницу и сохранено, и не болѣе ли разсѣяно по частнымъ рукамъ.

1775 г. февраля 5 дня, генералъ-адъютантъ (въ послѣдствіи времени князь) Потемкинъ, отношеніемъ къ митрополиту Платону объявилъ высочайшее повелѣніе, чтобы имѣющуюся въ Чудовѣ монастырѣ ризницу передѣлать въ архіерейскія одежды, и все ветхое исправить, подъ смотрѣніемъ его генералъ-адъютанта Потемкина; и требовалъ, чтобы для исполненія сей высочайшей воли, всѣ имѣющіяся въ оной вещи приготовлены были. Часть взятыхъ, въ слѣдствіе сего, ризничныхъ вещей, по передѣлкѣ, возвращена; а часть оставалась въ вѣдомствѣ князя Потемкина, и по смерти его только нѣкоторые матеріалы отысканы и возвращены въ Чудовскую ризницу. Это случай частный, но не единственный. По преданію извѣстно, что подобнымъ сему образомъ вышла невозвратно изъ Новгородскаго Софійскаго собора знаменитая рукопись Евангелія, такъ называемаго, Остромирова. Любитель древ-

ностей, графъ Мусинъ-Пушкинъ, взялъ ее изъ собора для представленія императрицѣ Екатеринѣ II; какъ любопытный предметъ, рукопись была нѣкоторое время на столѣ императрицы; а по удовлетвореніи любопытства снята и случайно попала въ гардеробъ, и отсюда, по кончинѣ императрицы, перешла въ частныя руки, въ которыхъ и оставалась дотолѣ, какъ статсъ-секретарь Олениинъ поднесъ ее государю императору Александру Павловичу и испросилъ повелѣніе положить ее въ Императорской библіотекѣ.

Были и другія невозвратныя заимствованія изъ церковныхъ и монастырскихъ библіотекъ, сдѣланныя по распоряженію правительства для ученыхъ цѣлей. Такъ нѣкоторыя особенной важности рукописи духовнаго вѣдомства взяты были исторіографомъ Карамзинымъ, и у него погибли въ 1812 году.

Были посѣщенія церковныхъ и монастырскихъ библіотекъ, подъ покровительствомъ или по распоряженію правительства, не для заимствованія, а только для снятія списковъ, которыя однако не обошлись безъ утратъ. Сюда принадлежатъ поиски древнихъ рукописей, произведенные агентами канцлера графа Румянцова, и археологическое путешествіе. Археологъ, которому оказывать всякое пособіе предписано отъ начальства, приходитъ въ монастырскую библіотеку, беретъ нѣсколько рукописныхъ книгъ, и располагается съ ними въ отведенной ему комнатѣ въ монастырѣ, или въ монастырской гостинницѣ, и занимается ими нѣсколько дней и ночей. Книгохранитель сопровождая его, но стыдится обнаружить недовѣріе къ одобренному начальствомъ, и продолжительнымъ при немъ присутствіемъ каждую минуту говоритъ ему: «я боюсь,

чтобы ты не укралъ листы и тетради». И такъ археологу довѣряютъ; онъ возвращаетъ книги, но, тогда же или послѣ, оказывается, что нѣкоторыхъ листовъ или тетрадей нѣтъ; и уличить его, или поздно, или неудобно, потому что нѣкоторыя древнія рукописи или совсѣмъ не имѣютъ нумераціи, или имѣютъ только нумераціи тетрадей, а не листовъ. Дабы не показалось, что это только картина воображенія, представляется дознанный примѣръ. Въ тридцать пятомъ году текущаго столѣтія, Митрополитъ Московскій, по разрѣшенію Святѣйшаго Сунода, истребовалъ изъ Ставропигіальнаго Воскресенскаго монастыря для нужныхъ справокъ древнюю пергаменную рукопись, извѣстную подъ названіемъ Сборника Святославова. Оказалось, что въ началѣ ея нѣтъ листа. Покойный статсъ-секретарь Оленинъ объяснилъ, что листъ былъ, что на немъ была картина князя и фамиліи, что онъ г. Оленинъ снялъ съ сего листа снимокъ, когда листъ былъ еще въ книгѣ. Митрополитъ испросилъ у Оленина снимокъ картины, приложилъ его къ рукописи, и испросилъ отъ Святѣйшаго Сунода предписаніе, для лучшей сохранности, перенести сію рукопись въ Сунодальную библіотеку. Послѣ оказалось, что послѣ смерти одного археолога, похищенный пергаменный листъ съ картинкою представленъ, какъ рѣдкость, Государю Императору, и, по его повелѣнію, положенъ въ Императорскую библіотеку. Кто здѣсь болѣе достоинъ осужденія: вѣрившій честности библіотекарь, или не оправдавшій довѣрія не только ризничнаго, но и начальства археологъ?

Но всего болѣе пострадали церковныя и монастырскія ризницы и библіотеки въ 1812 г., въ мѣстахъ,

которыхъ коснулось непріятельское нашествіе, и особенно въ Москвѣ. Народное мнѣніе воззваніями главнокомандующаго въ Москвѣ графа Ростопчина сильно возбуждено было стоять за неприкосновенность Москвы, и готово было поступить оскорбительно съ тѣмъ, кто обнаружилъ бы расположеніе бѣжать и уносить съ собою церковную святыню, защиту города. По сему укладываніе ризничныхъ вещей и приготовленіе къ вывезенію можно было производить только въ ризницахъ, удаленныхъ отъ взоровъ народа, какова, напр., Сѵнодальная ризница. Вывозить разрѣшено было, не ранѣе какъ за одинъ или два дня до вступленія въ Москву непріятеля; и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и приготовленное къ вывезенію осталось невывезеннымъ, по недостатку подводъ. Что́ по изгнаніи изъ Москвы непріятеля осталось нерасхищеннымъ и неистребленнымъ въ библіотекахъ и архивахъ монастырей, то не малое время оставалось безъ надзора, потому что начальники ихъ и почти вся братія были въ бѣгствѣ. Прошло немало времени, пока Московскій викарій Августинъ узналъ въ Муромѣ объ очищеніи Москвы и достигъ ея; но, и по прибытіи, неизвѣстно, по какимъ причинамъ, около двухъ недѣль, онъ не былъ допущенъ въ Москву графомъ Ростопчинымъ. Симъ временемъ, безъ сомнѣнія, воспользовались по́ своему люди неблагонамѣренные, и особенно раскольники, которые и пребываніемъ Французовъ въ Москвѣ пользовались для своихъ цѣлей, какъ то доказываетъ походная полковая церковь, пріобрѣтенная раскольниками съ сіе время.

По принятіи въ разсужденіе всего вышеизложеннаго, по справедливости можно возблагодарить Бога,

что въ церквахъ и монастыряхъ Московскихъ и окрестныхъ, церковная святыня, сокровища и древности, сохранились въ такомъ обилiи, въ какомъ нынѣ видимы.

Въ 1813 г., по возвращенiи въ Москву церковныхъ сокровищъ и древностей, вывезенныхъ отъ нашествiя непрiятеля, духовное начальство Москвы и ея епархiи, вмѣстѣ съ возстановленiемъ разрушеннаго устройства церквей и монастырей, немедленно озаботилось вновь установить сохранность ихъ достоянiя на прочномъ основанiи. Изъ Сунодальной Конторы и Консисторiи даны шнуровыя книги, для внесенiя въ нихъ описей церковнаго и монастырскаго имущества. Описи составились не вдругъ; потому что нѣкоторыя церкви не скоро снабжены были внутреннимъ устройствомъ; а прежде сего и описаны быть не могли. Составленныя описи, смотря по ихъ важности и по удобству, повѣрены были, частiю непосредственно Сунодальною Конторою и Консисторiею и ихъ членами, частiю чрезъ довѣренныя лица; и за тѣмъ окончательно утверждены опредѣленiями, изъ коихъ Консисторскiя утверждены управляющимъ епархiею архiереемъ.

Поелику сiи описи составлены были на-скоро, во время затрудненiй и скудости; и поелику, по мѣрѣ возвышенiя благоденствiя столицы, и духовныя мѣста постепенно получали возобновленiе и умноженiе церковныхъ украшенiй, утварей и облаченiй: то не удивительно, что описи эти скорѣе оказывались неудовлетворительными и требовали возобновленiя и улучшенiя. По донесенiю благочинныхъ и по представленiямъ мѣстныхъ пастоятелей, описи возобновляемы были съ такимъ же, какъ прежде надзоромъ и повѣркою начальства. Что сiе происходило, по мѣрѣ надобности

не единовременно, въ семъ начальство находило для себя выгоду; потому что свободнѣе могло производить повѣрку чрезъ людей, и кромѣ того занятыхъ.

Такой порядокъ составленія, повѣрки и возобновленія описей простирается не только на церкви соборныя и монастырскія, но и на всѣ городскія и сельскія.

Сверхъ сего сохранность церковнаго и монастырскаго достоянія обезпечивается двукратнымъ въ годъ обозрѣніемъ церквей и однократнымъ монастырей чрезъ благочинныхъ, и особеннымъ осмотромъ ризницъ и библіотекъ соборныхъ и монастырскихъ, по распоряженію начальства чрезъ каждыя пять лѣтъ.

Отъ сей разновременности, и отъ того, что планъ описей не вездѣ установленъ былъ начальствомъ, и большая часть настоятелей слѣдовали примѣру прежнихъ описей, произошло нѣкоторое разнообразіе и во внутреннемъ составѣ описей, и во внѣшней формѣ. Всѣ онѣ имѣютъ скрѣпу по листамъ, шнуръ и печать Сѵнодальной Конторы въ ставропигіальныхъ, и Консисторіи въ епархіальныхъ церквахъ и монастыряхъ: но подписи мѣстныхъ начальствъ не во всѣхъ единообразны; нѣкоторые повѣрявшіе описи и производившіе пятилѣтній осмотръ ризницы донесли только исполненіе сего начальству; а нѣкоторые дѣлали о семъ надпись на самыхъ описяхъ. Сей видъ разнообразія не вредитъ сохранности; но можетъ показаться неудовлетворительнымъ обозрѣвающимъ.

Особенно несовершенны описи рукописей и книгъ. Описатели не имѣли археологическаго взгляда, чтобы описать рукописи отечества; и не всегда показывали годъ изданія печатныхъ книгъ, что не маловажно для древнихъ изданій.

И такъ, есть степень усовершенія, на которую можетъ быть возведено сіе дѣло; и настоящее время представляетъ возможность сего болѣе близкую, нежели въ предъидущія времена.

Для сего представляется слѣдующее:

Предположеніе о усовершеніи способовъ сохранности въ церквахъ и монастыряхъ церковныхъ и ризничныхъ вещей, древностей и библіотекъ.

1) Произвесть вновь черезъ довѣренныя лица ревизію описей и сличеніе ихъ съ наличностію въ церквахъ и монастыряхъ, которыхъ церковныя украшенія, ризницы и библіотеки имѣютъ по своему составу особенную важность, съ требованіемъ донесенія о всемъ что требуетъ усовершенія.

2) За тѣмъ приступить къ составленію новыхъ описей, начиная съ мѣстъ важнѣйшихъ, и тѣхъ, въ которыхъ описи окажутся болѣе нуждающимися въ исправленіи.

3) Для сего дать шнуровыя книги за скрѣпою по листамъ секретарей Синодальной Конторы и Консисторіи, по принадлежности.

4) Дабы описи менѣе подлежали измѣненіямъ, по случаѣ обветшанія и перемѣны вещей, раздѣлить описи каждаго мѣста на два разряда:

I. Главная Опись.

II. Дополнительная Опись.

Въ первой писать все важнѣйшее и прочное; во второй все маловажное и подлежащее измѣненію, какъ наприм., ежедневно употребляемыя облаченія.

5) Планъ описей долженъ быть правильный и единообразенъ.

6) Описи должны быть составлены съ такою подробностію и точностію, чтобы не могло послѣдовать утраты или перемѣны, даже въ малыхъ частяхъ вещей, безъ того, чтобы не обличала сего опись.

7) Вновь составленная опись подписывается по листамъ Настоятелемъ церкви или монастыря, которымъ принадлежитъ, затѣмъ свидѣтельствуется въ Синодальной Конторѣ или Консисторіи, по принадлежности, относительно правильности составленія, при чемъ берется законная предосторожность противъ подчистокъ и поправокъ. О семъ дѣлается надпись на описи.

8) Далѣе, новая опись черезъ довѣренныя лица повѣряется на мѣстѣ съ прежнею описью и съ наличностію вещей, и о семъ также дѣлается надпись на концѣ описи.

9) Въ случаѣ какого-либо сомнѣнія, дѣло изслѣдывается и разсматривается въ Конторѣ или Консисторіи, до прекращенія сомнѣнія.

10) Когда главная опись найдена будетъ удовлетворительною: тогда она, согласно Высочайшей волѣ, утверждается большою каоедральною печатью Московской Митрополіи, и становится дѣйствительнымъ документомъ для пріема и ревизіи ризницъ и библіотекъ церковныхъ и монастырскихъ.

11) Наконецъ въ описи должно быть оставлено значительное число бѣлыхъ листовъ. Здѣсь при каждомъ пріемѣ или ревизіи дѣлаются по порядку подписи: такого-то года, мѣсяца и дня по сей описи сдалъ такой-то, принялъ такой-то, при семъ посредникомъ былъ такой-то. Также: по сей описи ревизовалъ такой-то. Если бы при семъ усмотрѣна была какая утрата или поврежденіе вещей: то въ подписи

должно быть означено, что о семъ донесено начальству.

12) Никакая вещь или книга, и по законнымъ причинамъ, не должна выбыть изъ церковной ризницы и библіотеки иначе, какъ по утвержденіи Святѣйшаго Синода или Епархіальнаго Архіерея. И потому, если по утвержденіи описи случится въ нѣкоторыхъ вещахъ перемѣна, или по распоряженію начальства (каково, напримѣръ, перенесеніе нѣкоторыхъ древнихъ утварей въ новоучреждаемыя Единовѣрческія церкви); или по другимъ неизбѣжнымъ, независящимъ отъ воли хранителей причинамъ: то о семъ въ описи противъ выбывшей вещи дѣлается отмѣтка, которой не только содержаніе, но и форма, должна быть утверждена Синодальною Конторою или епархіальнымъ начальствомъ, по принадлежности; и отмѣтка сія скрѣпляется благочиннымъ.

13) Для сохранности рукописей, въ описи означается время ихъ написанія (смотря по возможности, точно или приблизительно), число листовъ (для чего всѣ рукописи должны быть перепумерованы по листамъ), и, если въ рукописи заключается нѣсколько разныхъ сочиненій, онѣ должны быть поименованы въ описи.

14) На каждой рукописи и на каждой древней или рѣдкой печатной книгѣ, подъ послѣднею строкою перваго листа, должно быть крѣпкими чернилами подписано, напримѣръ: принадлежитъ Большому Успенскому Собору 1852 г. Та же подпись должна быть повторена на десятомъ и двадцатомъ листахъ. Сіи подписи должны служить непарушимою защитою церковной собственности, такъ что, гдѣ бы ни явилась книга съ сими подписями, она должна быть возвращена церкви, безъ всякаго отзыва давностію или другими предлогами.

15) Благочиннымъ монастырей и церквей, при полугодовомъ обозрѣніи монастырей и церквей, обращать бдительное вниманіе на цѣлость вещей и книгъ и хотя часть изъ нихъ, особенно важнѣйшихъ, сличать съ описью, и о послѣдующемъ доносить начальству.

16) 38-ю статью Устава Духовныхъ Консисторій, о свидѣтельствованіи ризницы Каѳедральнаго Собора особо назначенными довѣренными лицами, чрезъ каждые два года, распространить на всѣ соборы и монастыри вмѣсто пятилѣтняго осмотра, предписаннаго указомъ Святѣйшаго Сунода 1775 года.

17) Копія съ каждой главной описи должна храниться въ Сунодальной Конторѣ, или въ Консисторіи, по принадлежности.

18) Дополнительныя описи пишутся настоятелями церквей и монастырей въ книгахъ, выданныхъ за скрѣпою и печатью Сунодальной Конторы или Консисторіи, и подлежатъ надзору благочинныхъ. Вновь вступающія вещи настоятели вписываютъ въ нихъ немедленно по вступленіи; а исключать изъ описи обветшавшія не иначе могутъ, какъ по разсмотрѣніи и разрѣшеніи начальства, при свидѣтельствѣ благочиннаго.

Подписано: Филаретъ Митрополитъ Московскій.

1853 г. марта 18-го.

Порядокъ главной церковной и ризничной описи такого-то монастыря.

Часть I.

ОПИСЬ ЦЕРКВИ ИЛИ ЦЕРКВЕЙ.

1. Олтарь.
2. Предолтарный иконостасъ.
3. Иконостасы и иконы въ прочихъ мѣстахъ храма.
4. Рака святыхъ мощей (гдѣ есть).
5. Иконостасы и иконы въ трапезѣ или притворѣ.
6. Лампады, подсвѣчники, аналогіи.

Часть II.

ОПИСЬ РИЗНИЦЫ.

1. Евангеліе.
2. Кресты напрестольные.
3. Священно-служебные сосуды.
4. Дарохранительницы.
5. Кадила.
6. Рипиды.
7. Дикиріи и Трикиріи.
8. Панагіи.
9. Кресты наперстные.
10. Облаченія престоловъ и жертвенниковъ.
11. Облаченія архіерейскія.

12. Облаченія священническія.
13. » діаконскія и стихари причетническіе.
14. Блюда.
15. Умывальницы.
16. Посохи.
17. Сосуды для освященія хлѣбовъ.
18. Сосуды для водосвященія.
19. Иконы.
20. Древности, не принадлежащів богослуженію.
21. Матеріалы.

Часть III.

ОПИСЬ КНИГОХРАНИЛИЩА И ПИСЬМЕННОСТИ.

1. Рукописи на пергаменѣ.
2. » на бумагѣ.
3. Печатныя книги Священнаго Писанія.
4. Богослужебныя книги.
5. Писанія Св. Отцевъ.
6. Прочія книги духовнаго содержанія.
7. Книги историческія.
8. Грамоты и древніе акты.
9. Хозяйственные документы, какъ-то: планы и т. п.
10. Билеты сохранной казны (гдѣ есть).

Примѣчанія

1. Сей общій планъ, безъ измѣненія главнаго порядка, можетъ получить особое примѣненіе, по обстоятельствамъ мѣста. Такъ напр., въ Сергіевой Лаврѣ,

опись иконъ, по множеству ихъ, составляетъ отдѣльную часть.

2. Книги, ежедневно употребляемыя при Богослуженіи, и слѣд. подлежащія частому поврежденію и перемѣнѣ, должны быть внесены не въ главную, а дополнительную опись.

3. Послѣ каждой главы описи должны быть оставлены бѣлые листы для внесенія прибылыхъ вещей.

4. Опись должна имѣть два номера: одинъ, принадлежащій каждой главѣ, а другой непрерывно проходящій отъ начала до конца каждой части для связи всего цѣлаго.

5. Подъ описаніемъ вещей, которыя суть императорскій или царскій вкладъ, приписывать, чей онѣ вкладъ.

6. Упомянуть также имена и другихъ вкладчиковъ, если онѣ извѣстны.

Подп. Филаретъ Митрополитъ Московскій.

1853 г. 18 марта.

Замѣтка издателя.

Въ приложеніи I напечатана рѣчь, которой переводъ на французскомъ языкѣ помѣщенъ въ біографическомъ очеркѣ. Затѣмъ издатель полагалъ не лишнимъ напечатать просьбу Маннгардта; была ли она въ свое время исполнена и доставлены ли ему желательные отвѣты—неизвѣстно; но помѣщена въ *„Старинѣ русской земли“* именно съ этою цѣлью, дабы указать какого рода ученые изъ иностранцевъ русской наукѣ могутъ быть полезны и какихъ ученыхъ намъ надобно искать. Видно изъ напечатанной статьи, что Маннгардтъ для своихъ изслѣдованій обращался къ русскимъ спеціалистамъ и не были ему безъизвѣстны труды ихъ. Едва-ли онъ могъ находиться въ сношеніяхъ съ И. М. Снегиревыхъ, но что сей послѣдній находился въ перепискѣ съ Гриммомъ (Яковомъ-Лудовикомъ), на это имѣются у издателя доказательства. Соединяло ихъ сходство трудовъ по изученію народныхъ обычаевъ, предразсудковъ и повѣрій, а преимущественно пословицъ. Нашимъ молодымъ ученымъ, если имъ попадется въ руки настоящая

книжка, вѣроятно не безъинтересно будетъ прочесть просьбу Маннгардта, изъ которой они увидятъ сколь серьезно и подробно изучается нѣмцами народная жизнь.

Въ 3 приложеніи помѣщенная записка Митрополита Московскаго Филарета: какъ сохранять церковныя древности и рукописи, указываетъ намъ высокопросвѣщенный его взглядъ на важность этого предмета. Мнѣ, какъ и каждому библіотекарю, преимущественно пріятны столь неопровержимыя истины, что самыми лучшими хранителями вещей и книгъ суть: вѣрный и опытный хранитель, правильная опись или каталогъ и всего болѣе надзоръ начальства. Эти три условія, какъ необходимыя средства сохранности древностей и рукописей, должны быть написаны золотыми буквами въ каждой библіотекѣ.

Что не всегда бываютъ хранители вѣрными, въ томъ убѣдились мы неоднократно, и записка Митрополита указываетъ на много грустныхъ примѣровъ и даетъ много полезныхъ совѣтовъ каждой библіотечной администраціи, но къ счастію не всѣ администраціи руководствуются только своими взглядами, а напротивъ извлекаютъ пользу изъ опытности маститыхъ ученыхъ. Кто не согласится съ блаженной памяти Архипаремъ, что безъ описей и періодическихъ повѣрокъ чрезъ каждыя пять лѣтъ, едва-ли можетъ быть достигнута сохранность общественнаго имущества.

Въ слѣдующей книжкѣ, по поводу библіотекарской должности И. М. Снегирева, разскажется, сколько онъ претерпѣлъ невзгодъ до расхищеній книгъ, бывшихъ въ его завѣдываніи. Будетъ сказано о невзгодахъ и издателя „Старины русской

земли“, какимъ онъ подвергался за избытокъ усердія и желаніе быть полезнымъ отечественному книгохранилищу. Разсказъ нашъ будетъ правдивъ, ибо основанъ на грустныхъ, дѣйствительныхъ фактахъ, доказывающихъ только, что мы еще не созрѣли для собственныхъ и своевременныхъ дѣйствій, а бросаемся направо, налѣво и по внѣшнимъ только толчкамъ, по народной пословицѣ: *громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.*

КАТАЛОГЪ

СОЧИНЕНІЙ и ИЗДАНІЙ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ

БЫВШАГО БИБЛІОТЕКАРЯ

А. Ивановскаго.

Для библіотекъ *семинарскихъ* и *народныхъ*, *гимназическихъ* и *публичныхъ* дѣлается съ объявленной цѣны 15% уступки, если таковыя непосредственно обратятся къ самому издателю и если за одинъ разъ для одной библіотеки будутъ выписаны всѣ поименованныя изданія, то таковыя доставляются *безъ платежа пересылочныхъ* и *укопорочныхъ*. Частнымъ лицамъ, которые соблаговолятъ также обратиться съ своими требованіями прямо къ издателю, сдѣлана будетъ уступка 10% и безплатная пересылка на тѣхъ же, что и выше условіяхъ. Адресъ требователя долженъ быть написанъ съ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи и указаніемъ почтоваго мѣста, куда можно адресовать потребованныя изданія. Книгопродавцы, какъ столичные, такъ и провинціальные могутъ обращаться съ требованіями въ книжный магазинъ товарищества: „*Общественная польза*“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—

1871.

Письма къ издателю «Евгеніевскаго Сборника».

1. Гофмаршала ген-лейт. А. А. Зиновьева, отъ 2 апрѣля 1871 г.

«Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, принявъ благосклонно поднесенный экземпляръ Вашего изданія, подъ заглавіемъ «*Евгеніевскій Сборникъ*» Его Императорское Высочество соизволилъ пожаловать на изданіе единовременное пособіе.

2. Митрополита Кіевскаго Арсенія.

«Присланный при письмѣ Вашего Высокородія, отъ 26 т. марта первый выпускъ «*Евгеніевскаго Сборника*», я имѣлъ честь получить.

«Принося Вамъ, М. Г., мою искреннюю благодарность считаю долгомъ присовокупить, что я вмѣстѣ съ симъ предложилъ Кіевской Духовной Консисторіи сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы о выходѣ въ свѣтъ помянутаго Сборника было опубликовано по кіевской епархіи, а также сообщено и въ Академическое, Семинарское и училищныя Правленія, съ приглашеніемъ желающихъ на выписку столь полезнаго Вашего изданія.

«Призывая на Васъ благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью, имѣю честь быть

Вашего Высокородія,

27 марта, Петербургъ — покорнѣйшій слуга

Ст. Сов. Ивановскому. — Арсеній, Митрополитъ Кіевскій.

3. Архіепископа Литовскаго Макарія.

«Долгомъ считаю выразить Вамъ, Милостивый Государь, мою признательность за присланную Вами, при письмѣ отъ 27 Марта, книгу «Евгеніевскій Сборникъ», и вмѣстѣ извѣстить Васъ, что мною нынѣ же предложено Литовской Консисторіи рекомендовать духовенству ввѣренной мнѣ епархіи означенную книгу, какъ заключающую въ себѣ столько любопытнаго и интереснаго, особенно для духовныхъ лицъ.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего Высокородія,

2 Апрѣля, — покорнѣйшимъ слугою

С.-Петербургъ. — Макарій А. Литовскій.

Издатель, принося чувствительно-глубокую признательность Ихъ Высокопреосвященствамъ за милостиво-благосклонное вниманіе къ цѣли изданія «Евгеніевскаго Сборника», позволяетъ себѣ надѣяться, что Архипастыри другихъ епархій удостоятъ подобными циркулярами посильный семилѣтній трудъ, его посвященный собиранію матеріаловъ для біографіи Митрополита Кіевскаго Евгенія.

Милостивый Государь!

Ваша просвѣщенная готовность содѣйствовать каждому русскому дѣлу побуждаетъ нижеподписавшагося представить Вашей любознательности каталогъ изданій и сочиненій уже напечатанныхъ и печатающихся еще, а также приготовленныхъ только изданій, но еще не осуществленныхъ, по недостатку средствъ, съ покорнѣйшею просьбою почтить автора-издателя увѣдомленіемъ: какое изъ упомянутыхъ въ каталогѣ сочиненій и изданій Вамъ желательно пріобрѣсть.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Вами достойно будутъ оцѣнены и поощрены стремленія бывшаго библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки: сохранять историческіе матеріалы, безъ разработки которыхъ русская наука не можетъ идти впередъ. Къ сожалѣнію, отъ равнодушія нашихъ предковъ, многіе памятники отечественной старины не уцѣлѣли для потомства и даже предпринимаемыя съ цѣлію сохраненія ихъ отъ утраты періодическія изданія прекращались, по недостатку подписчиковъ.

Хотя въ настоящее время все отечественное пользуется уже большимъ вниманіемъ, но при всемъ томъ нельзя не желать, дабы любовь къ чтенію книгъ историческаго содержанія еще болѣе усиливалась и число читателей постепенно возрастало.

Нижеподписавшійся утѣшаетъ себя надеждою, что Вы, Милостивый Государь, обратите Ваше благосклонное вниманіе на предложенныя въ каталогѣ изданія, предпринятыя не столько съ меркантильными цѣлями, сколько во имя служенія русской историко - библіографической наукѣ. Но само собою разумѣется, что безъ матеріальной поддержки со стороны русскихъ дѣятелей невозможно осуществленіе и самыхъ благихъ начинаній на пользу отечественнаго знанія.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ какимъ имѣю честь быть Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою

А. Ивановскій.

10 апрѣля 1871 г.
С.-Петербургъ,
у Измайловскаго моста,
д. Тарасова № 102, кв. № 62.

„Зрите вы сѣмо, иже порицати
Любите чужихъ труды и вѣщати:
Могли бъ и мы тожде сотворити
И лучшую сея книгу сочинити.
Аще мощно вамъ: почто не твористе?
Не бых трудъ подъялъ, аще бъ въ дѣлѣ бысте.
Лучше ли вѣси? Гдѣ худо, поправи.
Аще нѣсть силъ, умъ твой въ сихъ направи".
(см. предисл. къ Лексикону М.: 1701 г. сочиненный Ѳ. Ц. Орловымъ справщикомъ московской типографіи.)

1) *Двѣ портретныя галлереи*, съ *Высочайшаго* соизволенія изданныя, по поводу посѣщенія *Славянами* Императорской Публичной Библіотеки 9 Мая 1867 и въ память 50 лѣтняго юбилея дипломатической службы *Государственнаго Канцлера Его Свѣтлости, Князя А. М. Горчакова*, 13 Іюня того же года.

Въ первой изъ нихъ изображены залы И. П. Библіотеки и портретъ Его Величества Государя Императора и портреты въ медальонахъ 20 ревнителей просвѣщенія и представителей славянской науки: князя Волконскаго, Графа В. Ѳ. Адлерберга, Адмирала Шишкова, Графа Уварова, А. С. Норова, А. В. Головнина, Графа Д. А. Толстаго, Графа А. С. Строганова, А. Н. Оленина, Д. П. Бутурлина, Барона М. А. Корфа, Князя Лобанова-Ростовскаго, М. П. Погодина, Добровскаго, Шафарика, Ганки, Коллара, Юнгмана и Ранча. Картина издана иждивеніемъ пок. почетнаго члена И. П. Библіотеки Н. Д. Асташева и отъ имени его розданы на память славянскимъ гостямъ. Оригиналъ картины всеподданнѣйше поднесенъ Государю Императору.

Во второй, кромѣ портретовъ Его Величества и Канцлера Князя А. М. Горчакова, изображены 23 портрета: боярина А. Л. Ордына-Нащокина, Матвѣева, Волынскаго, Князя Голицына; канцлеровъ: Князя Черкаскаго, Гр. Бестужева-Рюмина, Графа Воронцова, Гр. Панина, Графа Головкина, Князя Безбородки, Графа Румянцова и Графа Несельроде; вице-канцлеровъ, министровъ иностранныхъ дѣлъ въ Россіи и товарищей министровъ: Головина, Барона Шафирова, Графа Остермана, Кн. Голицына, Кн. Куракина, Кн. Кочубея. Гр. Ростопчина, Гр. Каподистріо, Сенявина, Гр. И. М. Толстаго и Н. А. Муханова.

Оригиналъ картины поднесенъ Государственному Канцлеру, Его Свѣтлости, князю А. М. Горчакову, въ день юбилея и копія съ нея г. Министромъ Двора всеподданнѣйше будетъ поднесена Его Величеству.

Директоры гимназій, ректоры семинарій и начальники библіотекъ желающіе пріобрѣсть эти картины, благоволятъ обращаться къ издателю, препровождая по 3 р. за первую; 5 руб. за вторую, а за большой форматъ 10 руб.; эти картины дѣлаются только по заказу.

2. Археологическія изслѣдованія Государственнаго Канцлера Графа Н. П. *Румянцова* и Митрополита Кіевскаго *Евгенія*, съ указаніемъ значенія библіотекъ въ Россіи и важности заслугъ Петра *Дубровскаго*, Барона М. А. *Корфа* и Генерала-адъютанта Н. В. *Исакова*. Съ приложеніемъ привѣтствій и рѣчей, сказанныхъ на юбилеѣ Кіевской духовной академіи. Кіевъ, 1869 г. 12 д. цѣна 50 к.

Книжка эта издана въ память 50 лѣтняго юбилея

Кіевской духовной академіи и продается въ пользу бѣдныхъ студентовъ ея.

3. *Ѳедоръ Ивановичъ Пряшишниковъ* и его картинная русская галлерея. Біографическій очеркъ, съ приложеніемъ алфавитнаго и хронологическаго указателей къ его галлереѣ и біографическихъ замѣтокъ о русскихъ художникахъ. С.-Петербургъ 1870 г. 8 д.

Этотъ біографическій очеркъ изданъ, по поводу сдѣланнаго Ея Высокопревосходительствомъ В. А. Пряшишниковою пожертвованія на общественную пользу большаго собранія драгоцѣнныхъ рукописей (масонскихъ), иллюстрированныхъ изданій и книгъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, принадлежавшихъ Члену Государственнаго Совѣта Ѳ. П. Пряшишникову. Все изданіе очерка принесено въ даръ вдовою Вѣрою Александровною Московскому Румянцовскому Публичному Музею въ 1000 экземплярахъ, такъ какъ въ Музеѣ этомъ находится картинная галлерея Ѳ. П. Пряшишникова, Всемилостивѣйше Музею подаренная. Желающіе пріобрѣсти очеркъ и описаніе галлереи могутъ обращаться съ требованіями въ дирекцію Музея.

4. *Государственный Канцлеръ Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.* Біографическій очеркъ, съ приложеніемъ рѣчи: о цѣли и значеніи общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, библіографическаго указателя матеріаловъ для Севастольской обороны и замѣтки о Севастопольскомъ Музеѣ, съ воззваніемъ отъ имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Государя Наслѣдника Цесаревича. С.-Петербургъ, 1871 г. 8 д. X, 172 стр.; цѣна 75 к.

10% отъ суммы, какая будетъ выручена отъ продажи очерка, жертвуется въ пользу Музея, недавно открытаго въ Севастополѣ.

Государственная и научная дѣятельность Канцлера Графа Н. П. Румянцова, независимо отъ приложеній, исполненныхъ современнаго интереса, представляетъ столько любопытныхъ чертъ, что очеркъ плодотворной жизни этого русскаго мецената не можетъ не заинтересовать каждаго любителя серьознаго чтенія, а благотворительная цѣль изданія подаетъ издателю надежду, что трудъ его достигнетъ ожидаемыхъ результатовъ.

Вотъ краткое содержаніе біографическаго очерка:

Мраморная статуя Кановы, какъ памятникъ заключенныхъ Румянцовыми ко славѣ Россіи договоровъ. О дѣдѣ Госуд. Канцлера А. И. Румянцовѣ, любимцѣ Петра Великаго, подвергшемся при временщикѣ Биронѣ преслѣдованіямъ. Заслуги его по заключенію мира въ Або. Нѣсколько словъ о подвигахъ и наградахъ, всемилостивѣйше пожалованныхъ Императрицею Екатериною II сыну его П. А. Румянцову-Задунайскому. Уваженіе къ фельдмаршалу, оказываемое Императоромъ Іосифомъ II и Королемъ Фридрихомъ II. Довѣріе Императрицы къ сыну его Графу Н. П. Румянцову, въ бытность его чрезвычайнымъ посланникомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Переписка ея съ нимъ, по поводу бракосочетанія Великаго Князя Александра Павловича съ Принцессою Баденскою Маріею-Луизою-Августою, въ послѣдствіи Елизаветою Алексѣевною. Значеніе Румянцова при Дворѣ Императора Александра I-го. Политическія событія, въ которыхъ онъ принималъ участіе, какъ Министръ иностранныхъ дѣлъ. Заключеніе

имъ мира со Швеціею въ Фридрихсгамѣ, и назначеніе его Государственнымъ Канцлеромъ. Интриги придворныя и клеветы заставляютъ его удалиться изъ Министерства—болѣзнь его отъ огорченій и анекдотъ о глухотѣ его. Покровительство его Абовскому Университету и приношенія его въ пользу Императорской Публичной Библіотеки и основанной имъ въ Великихъ Лукахъ публичной городской библіотеки. О необходимости учрежденія публичныхъ библіотекъ во всѣхъ городахъ Россіи и о заслугахъ по этой части Барона М. А. Корфа. Мнѣніе современниковъ о Канцлерѣ Румянцовѣ—Барона Г. А. Розенкампфа и Академика Круга. Сношенія его съ оріенталистами Сенъ-Мартеномъ, Френомъ и Гаммеромъ. Сношенія его съ Славянскими филологами: Линде, Бентковскимъ и Караджичемъ. Сношенія съ библіотекарями Востоковымъ и Ермолаевымъ и Митрополитомъ Евгеніемъ. Вопросъ о происхожденіи Руси занимаетъ Румянцова и онъ поручаетъ работы по этому предмету М. П. Погодину и И. М. Снегиреву. Недоумѣніе Канцлера объ одной арабской рукописи разрѣшается Митр. Евгеніемъ. О произведенныхъ для Графа Румянцова поискахъ, относящихся до Россіи рукописей, находящихся въ разныхъ заграничныхъ архивахъ Италіи, Пруссіи, Англіи и предположеніе изданія Corpus auctorum rerum Moscovitarum и о сотрудникахъ Канцлера въ этомъ дѣлѣ. О заслугахъ Румянцова для русской палеографіи—изданіемъ собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Мнѣніе объ этомъ изданіи Н. Полеваго и нареканія его на равнодушіе къ отечественной исторіи.

Румянцовскій капиталъ на изданіе лѣтописей и указаніе на важнѣйшія Румянцовскія изданія. Снаряженіе экспедицій для разрѣшенія географическихъ во-

просовъ. Дѣятельность Гр. Румянцова, какъ Министра-комерціи. О памятникѣ Румянцову. Извлеченіе изъ надгробнаго слова Протоіерея Григоровича. О Румянцовскомъ и Дашковскомъ этнографическомъ Музеяхъ.

Приложенія. 1. Рѣчь о цѣли и значеніи Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Маріи Александровны, читанная въ залѣ Университета Св. Владиміра 15 Сентября 1869 года. 2. Планъ популярнаго изданія подъ заглавіемъ *«Севастопольская библіотека»*. Сочиненія и журнальныя статьи, какъ матеріалы для исторіи Севастопольской Обороны. Указаніе историческаго развитія Севастопольскаго Музея и предметовъ въ немъ находящихся и предполагаемыхъ еще быть выставленными. О приглашеніи Наслѣдника Цесаревича о доставленіи матеріаловъ для составленія популярной исторіи для народа.

5. *Иванъ Михайловичъ Снегиревъ* и *дневникъ его воспоминаній*. Біографическій очеркъ. С.-Петербургъ, 1871 г. 8 д. 496 стр. цѣна 2 руб.

Полезная дѣятельность б. профессора Московскаго Университета и одного изъ первыхъ русскихъ археологовъ, посвятившаго всю жизнь изученію и описанію отечественныхъ древностей — общеизвѣстна и вполнѣ оцѣнена компетентными знатоками. Задачею автора біографическаго очерка было: изобразить, на основаніи дневника воспоминаній, дѣятельность Ивана Михайловича, вмѣстѣ съ другими современными ему литературными дѣятелями и показать насколько сіи послѣдніе со-

дѣйствовали ему въ трудахъ и сами пользовались его огромными знаніями, по части отечественной исторіи.

Вотъ краткое содержаніе біографическаго очерка:

Значеніе Дневника И. М. Снегирева и литературной его переписки; недостатокъ матеріаловъ для научной оцѣнки трудовъ его. Лица, съ которыми онъ былъ въ перепискѣ. Выдержки изъ писемъ къ нему: 1. барона М. А. Корфа; 2. Архимандрита Анастасія изъ Симферополя; 3. Архіепископа Тобольскаго Евлампія; 4. Подольскаго Кирилла и 5. Проф. Лобойки. Выдержка изъ рѣчи М. П. Погодина. Объ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ и бывшемъ въ немъ экзаменѣ 14 дек. 1825 года. Письмо Митрополита Филарета къ С—ву. О сношеніяхъ С—ва съ Митрополитомъ Евгеніемъ. О Московскомъ Воспитательномъ Домѣ и бывшемъ въ немъ экзаменѣ 4 іюня 1826 г. Объ Обществѣ Любителей Россійской Словесности и засѣданіяхъ въ этомъ обществѣ. О секретарѣ Общества М. Т. Каченовскомъ и экстраординарномъ его Собраніи, 10 ноября 1823 года. О сношеніяхъ С—ва съ Ширяевымъ, Прокоповичемъ-Антонскимъ, Н. В. Сушковымъ и Мерзляковымъ. 75 лѣтній юбилей Московскаго Университета. О кончинѣ Мерзлякова и замѣтка о его заслугахъ. О холерѣ въ Москвѣ въ 1830 г. и объ умершихъ отъ эпидеміи профессорахъ М. Я. Мудровѣ и Н. П. Сандуновѣ, съ краткимъ свѣдѣніемъ объ ихъ дѣятельности. О перепискѣ С — ва съ академикомъ Френомъ. О дружескихъ сношеніяхъ С—ва съ П. А. Бекетовымъ и С. М. Ивашковскимъ и о покровительствѣ сему послѣднему митрополита Филарета. Мнѣніе Митрополита Евгенія о греческомъ языкѣ. О сношеніяхъ С — ва съ Котельницкимъ и о страсти ихъ къ

лубочнымъ картинкамъ. О сношеніяхъ его съ Н. П. Сахаровымъ и заслугахъ сего послѣдняго для иконописанія. О реставраторѣ И. П. Подключниковѣ и описаніе способа реставрировки. О народныхъ пословицахъ и значеніи ихъ для исторіи. Выдержка изъ письма священника Діева. Письмо къ нему С — ва о матеріалахъ, хранящихся въ Московскихъ архивахъ и библіотекахъ. Объ отношеніяхъ С—ва къ сенатору А. Ѳ. Малиновскому. Рѣчь С — ва, по случаю кончины Императора Александра Благословеннаго. О представленіяхъ университетскаго сословія министрамъ народнаго просвѣщенія: А. С. Шишкову, Князю Ливену и Графу Уварову. Рѣчь сего послѣдняго въ засѣданіи Московскаго Цензурнаго Комитета. Графъ Уваровъ въ засѣданіи Общества Исторіи и древностей. Текстъ рѣчи патріарха Гермогена. О предсѣдателѣ Общества исторіи и др., Ген.-Лейт. Писаревѣ. О засѣданіяхъ этого общества въ 1825 году. О сношеніяхъ С—ва съ Княгинею З. Волконскою и письмо ея, какъ почетнаго члена общества, съ проектомъ учрежденія «*Патріотической бесѣды*». О періодическомъ изданіи: *Dorpater Jahrbücher*. Мнѣніе Митрополита Евгенія о Студентахъ Дерптскаго университета. Письмо графа Д. Н. Блудова. О заслугахъ митрополита Платона и изданіе его біографіи С — вымъ. Списокъ членовъ Общества исторіи и древностей въ 1828 году. О московскомъ купцѣ Царскомъ и письмо одного изъ старѣйшихъ членовъ общества П. П. Должикова. О князѣ С. М. Голицынѣ, о генералъ-адъютантахъ графѣ Строгановѣ и Назимовѣ, какъ попечителяхъ московскаго университета. Письмо С—ва къ В. Г. Анастасевичу. О заслугахъ кн. Д. В. Голицына, какъ московскаго гене-

ралъ-губернатора и покровителя отечественной старины. Проекты Александровскаго музея, въ память заслугъ Александра I-го. О покровительствѣ Московскимъ древностямъ гр. Д. Н. Блудова, съ указаніемъ его заслугъ. Письмо Мельгунова къ С—ву. Переписка ген.-ад. Философова съ С—ымъ, по поводу посѣщенія московскихъ святынь Великими Князьями, подъ руководствомъ С—ва и описаніе самаго посѣщенія. Записка фрейлины Тютчевой и письма графа Олсуфьева и графа Перовскаго къ С—ву. О посѣщеніи московскихъ монастырей Великими Князьями, подъ руководствомъ С—ва. Объ избраніи С—ва членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. Отзывы А. С. Норова и князя В. А. Ширинскаго-Шихматова о заслугахъ С—ва для Археографической коммиссіи. Письма Мельгунова и Анастасевича, по поводу изданія словаря русскихъ писателей. Объ отношеніяхъ С—ва къ С. П. Шевыреву, съ замѣткою о дѣятельности сего послѣдняго. О профессорѣ И. И. Давыдовѣ. Разговоръ объ истинѣ. О закладкѣ и освященіи Романовыхъ палатъ. О посѣщеніи Романовскаго Дворца Его Величествомъ 2 августа 1859 г. О трудахъ С—ва въ коммисіи по возобновленіи Палатъ. Нравственная характеристика С—ва и кончина его. Описаніе похоронъ его. Отзывы Императорской Академіи Наукъ и Московскаго Университета (рѣчь проф. Буслаева) о ученыхъ заслугахъ С—ва. Надгробное слово Протоіерея магистра Преображенскаго. Заключеніе и стихи.

Къ очерку приложены: 1) Discours en mémoire des bienfaits, répandus par l'Empereur Alexandre I sur l'Université de Moscou, prononcé le 12 Janvier 1826 dans la Salle de son Conseil par I. Snieguirew.

2) Рѣчь о томъ, что истинное просвѣщеніе основывается на благочестіи и любви къ отечеству, произнесенная 12 Января 1827 года Орд. Проф. П. Снегиревымъ. 3) Слово въ день совершившагося столѣтія Московскаго Университета Филаретомъ Митрополитомъ, Января 12 дня 1855 года. 4) Обозрѣніе столѣтняго существованія Московскаго Университета; рѣчь, произнесенная 12 Января 1855 Проф. С. П. Шевыревымъ. 5) Воспоминаніе о Ломоносовѣ, сочиненное акад. М. П. Погодинымъ для произнесенія 12 Января 1855 года въ собраніи Московскаго Университета. 6) Библіографическая замѣтка, по поводу изданій ко дню столѣтняго юбилея Московскаго Университета 7) Біографическое свѣдѣніе о проф. Московскаго Университета М. М. Снегиревѣ (отцѣ Ивана Михайловича), писанное П. П. Давыдовымъ. 8) Слово о пользѣ нравственнаго просвѣщенія произнесенное Іюня 30 дня 1797 года проф. Михаиломъ Снегиревымъ. 9) Стихи въ память М. П. и П. М. Снегиревыхъ. 10) Рѣчь и разговоръ, произнесенные не публичнымъ актѣ Университетскаго благороднаго пансіона Марта 25 дня 1822 года Княземъ П. Ѳ. Одоевскимъ, В. Солтыковымъ, А. Левашевымъ и В. Евреиновымъ.

10% отъ суммы, какая будетъ выручена отъ продажи очерка, будетъ обращена издателемъ на постройку надгробнаго памятника изслѣдователю христіанскихъ древностей П. М. Снегиреву, похороненному въ Александро-Невской Лаврѣ.

6. «*Старина русской земли.*» Сборникъ историко-археологическихъ изслѣдованій *П. М. Снегирева*, переписки его, съ приложеніемъ собственно-ручнаго его

дневника воспоминаній и біографическихъ очерковъ современныхъ ему литературныхъ дѣятелей. Цѣна *три рубля сер.* за три выпуска 1-го тома Сборника.

Если изданіе будетъ поддержано общественнымъ вниманіемъ, то издатель, за покрытіемъ издержекъ печатанія, 10% отдѣлитъ отъ суммы, какая останется свободною, на образованіе капитала для учрежденія стипендіи имени Снегиревыхъ при Московскомъ Университетѣ, какъ это было желаніе и самого Снегирева.

7. «*Матеріалы для исторіи Императорской Публичной Библіотеки*». Сборникъ свѣдѣній, относящихся къ исторіи учрежденія отечественнаго публичнаго книгохранилища и открытія его на общественную пользу до 1861 г., т. е. времени увольненія отъ управленія имъ Барона М. А. Корфа, какъ директора его.

Матеріалы эти, приготовленные къ печати, къ сожалѣнію, остались не изданными по той же причинѣ, по коей и трудъ описанія синодальной библіотеки, совершенный Максимовичемъ въ 1726 году, былъ пріостановленъ. «Понеже Богу изволившу, *по злобѣ* единаго ненавистника отрѣшенъ я отъ московской типографіи и библіотеки, того ради и намѣреніе мое пресѣклося». Слова эти записаны Максимовичемъ въ описи, которою занимался онъ въ 1727 году (см.Undольскаго розысканія стр. 9, 10).

Въ 1727 году сдѣланъ былъ доносъ на типографію и начальство ея обвинялось за то, что приняло въ справщики «*бывшаго въ изменѣ*». Сенатъ безъ всякихъ справокъ опредѣлилъ отрѣшить Максимовича отъ должности (Синод. дѣла 1721 и 1728). Бѣднякъ остался безъ куска хлѣба и долго ли послѣ увольненія отъ службы прожилъ—неизвѣстно.

8. *Высокопреосвященнѣйшій Евгеній Митрополитъ Кіевскій и Галицкій.* Біографическій очеркъ, изданный по поводу праздновавшагося 100 лѣтняго юбилея рожденія его 18 Декабря 1767 года въ Воронежѣ. С.-Петербургъ 1871 годъ въ 4 д. л. съ портретомъ.

Въ Декабрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1867 годъ былъ напечатанъ біографическій очеркъ Митрополита Евгенія и посвященъ памяти столѣтія его рожденія. Очеркъ удостоился получить самые лестные отзывы лицъ, составляющихъ авторитетъ въ нашей литературѣ, что̀ и побудило автора дополнить очеркъ вновь открытыми матеріалами и издавать выпусками.

Содержаніе 1-го выпуска *Евгеніевскаго Сборника* слѣдующее:

Введеніе I. О *празднованіи юбилея въ память столѣтія рожденія Митрополита Евгенія.* О разныхъ изданіяхъ, появившихся въ печати по поводу юбилея. О библіографическихъ поѣздкахъ съ цѣлію отысканія матеріаловъ для біографіи Митрополита Евгенія и біографическая замѣтка о *Петрѣ Дубровскомъ*, собирателѣ книгъ и рукописей. II. О *матеріалахъ для біографіи Митрополита Евгенія* и указаніе мѣстъ, гдѣ они хранятся. Объ изданіи Евгеніевскаго Сборника и надеждахъ издателя на сочувствіе любителей отечественной старины. О значеніи писемъ Митрополита Евгенія, какъ біографическаго матеріала. О перепискѣ его съ Г. Н. Городчаниновымъ и В. Г. Анастасевичемъ. О судьбѣ писемъ сего послѣдняго и безполезности ихъ для науки по причинѣ не изданія ихъ тѣми лицами, у которыхъ они находятся теперь на храненіи. Поименованіе лицъ,

съ которыми Митрополитъ Евгеній находился въ перепискѣ. Письма Евгенія—матеріалъ историческій. Мнѣнія П. И. Строева, М. П. Погодина и П. А. Муханова, относительно необходимости изданія въ свѣтъ матеріаловъ. III. *Черты изъ жизни и дѣятельности Митрополита Евгенія.* Рожденіе и первоначальное воспитаніе Евоимія Болохвитинова; продолженіе образованія въ Московской духовной славяно-греко-латинской Академіи и Московскомъ Университетѣ. Возвращеніе въ Воронежъ и учено-педагогическая его дѣятельность. Оставленіе имъ родины и переселеніе въ Петербургъ. Постриженіе въ монашество и нареченіе Евгеніемъ. Назначеніе Префектомъ Александро Невской Духовной Академіи и Архимандритомъ Сергіевой пустыни близь Стрѣльны. О первомъ русскомъ библіографѣ Дамаскинѣ (Рудневѣ) Нижегородскомъ Епископѣ. Значеніе труда Евгенія о Папской власти, появившагося вслѣдствіе записки Іезуита Грубера относительно соединенія церквей. О празднованіи столѣтняго юбилея со времени основанія Петербурга и сказанныхъ по поводу юбилея рѣчахъ архимандритомъ Евгеніемъ и пасторомъ Буссе. О бывшемъ поэтому поводу празднествѣ въ Іезуитскомъ костелѣ. Нѣсколько словъ о Митрополитѣ Сестрженцевичѣ и о необходимости изданія біографіи его. Объ одномъ патріотическомъ заявленіи по поводу 100-лѣтняго юбилея. О пастырскомъ увѣщаніи о прививаніи предохранительной коровьей оспы, написанномъ Евгеніемъ, уже Вологодскимъ Епископомъ и о словѣ, сказанномъ имъ, уже Калужскимъ Епископомъ, по поводу изгнанія французовъ изъ предѣловъ Калужской губерніи. Воззваніе Митрополита Сестрженцевича къ своей паствѣ о пребываніи въ вѣрности русскому

скипетру и объ опасности отъ обольщенiи со стороны Наполеона I. Объ ученой дѣятельности Евгенiя въ бытность уже Псковскимъ Архiепископомъ и о судьбѣ *Кормчей книги*, съ указанiемъ отвѣта барону Г. А. Розенкампфу на вопросъ его: *Имѣетъ ли Кормчая книга силу и употребленiе въ гражданскихъ и уголовныхъ судахъ Россiйскихъ?* Введенiе ко 2-му изданiю Кормчей книги, сдѣлавшейся *библiографическою рѣдкостью.* Поиски для открытiя разрозненныхъ листовъ Кормчей и составленiе полнаго экземпляра. О катастрофѣ 1825 года и объ оказанной въ ней доблести Митрополитомъ Евгенiемъ. Обзоръ ученыхъ трудовъ Евгенiя, совершенныхъ имъ въ Петербургѣ и Новгородѣ. Гдѣ искать историческихъ матерiаловъ? О приглашенiи Смоленскаго гражданскаго губернатора барона Аша къ сбереженiю отечественныхъ памятниковъ. Историческiй очеркъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ для охраненiя и изслѣдованiя древностей. Записка объ этомъ Савельева. О заботливости по этому предмету Митрополита Кiевскаго Евгенiя и государственнаго Канцлера графа Н. П. Румянцова. Переписка сего послѣдняго съ Новгородскимъ протоiереемъ Скородумовымъ, касательно матерiаловъ, хранящихся въ Новгородско-Софiйскомъ соборѣ, и о куприяновскомъ собранiи рукописей, съ замѣткою о графѣ Румянцовѣ. О сношенiяхъ Евгенiя съ Державинымъ. Два письма Евгенiя къ Переяславскому Архимандриту Iосифу писанныя изъ Новгорода и Хутыня.

Приложенiя I. Дружеская переписка Митрополита Евгенiя съ В. И. Македонцомъ, какъ матерiалъ для характеристики пребыванiя его въ Петербургѣ съ 1800—1804 г. О вакацiонныхъ его въ академiи занятiяхъ.

О стихотвореніи Державина *Снигирь*, написанномъ по поводу кончины фельдмаршала Суворова; о рукописномъ сего послѣдняго трудѣ *Тактика* или разговоръ съ солдатами. Евгеній сообщаетъ другу подробности о болѣзни, кончинѣ и погребеніи Суворова. О кончинѣ Павла I и вступленіи на престолъ Александра I. Объ одѣ Державина на восшествіе на престолъ. О церемоніалѣ похоронъ Великой Княжны Маріи Александровны, похороненной въ Александро-Невской Лаврѣ. О посѣщеніи Государемъ Императоромъ Сергіевой Пустыни близъ Стрѣльны. О благотворительности Александра I и спасеніи имъ отъ смерти утонувшаго крестьянина. О комитетѣ благодѣтельнаго общества. О праздникѣ въ Петергофѣ и описаніе Іордани въ Петербургѣ. О погребеніи и похоронахъ замѣчательныхъ лицъ. Подробности о составленіи Евгеніемъ Грузинской исторіи и описанія Воронежа. О назначеніи его Старорусскимъ Епископомъ и выѣздѣ изъ Петербурга въ Новгородъ.

II. «Голосъ», представленный Архимандритомъ Евгеніемъ Комитету Благодѣтельнаго Общества.

III. Пастырское увѣщаніе о прививаніи предохранительной коровьей осны Вологодскаго епископа Евгенія.

IV. Переписка по изданію Евгеніевскаго Сборника.

V. Публичныя лекціи, о митрополитѣ Евгеніѣ, читанныя въ Воронежѣ и Москвѣ.

Въ 1-мъ выпускѣ, кромѣ описанія празднованія юбилея во всѣхъ концахъ Россіи и указанія на изданныя по этому поводу сочиненія, изображена научная дѣятельность Митрополита Евгенія, съ подробнымъ изложеніемъ періода его пребыванія въ Петербургѣ въ 1800 по 1804 годъ. Мате-

ріалыми для этого періода послужила дружеская переписка Евгенія съ Воронежскимъ пріятелемъ В. П. Македонцомъ. Переписка эта, спасенная у торговки на базарѣ въ Воронежѣ, явилась недавно въ «*Русскомъ Архивѣ*» и часть ея еще неизданная, находится у издателя Евгеніевскаго Сборника. Во 2-мъ выпускѣ будетъ изображена дѣятельность Митрополита Евгенія въ бытность его на епископскихъ каоедрахъ — Старорусской въ Новгородѣ. за тѣмъ въ Вологдѣ и Калугѣ; 3-й выпускъ представитъ дѣятельность архипастыря во Псковѣ и Кіевѣ, каждый выпускъ по 3 руб. сер. не менѣе 30 листовъ, съ лит. портретомъ а 5 р. съ фотографическимъ.

10% отъ изданія Сборника предназначается въ пользу Миссіонерскаго Общества, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Александровны. Въ пользу этого Общества издателемъ Евгеніевскаго Сборника въ Московскомъ Румянцовскомъ Публичномъ Музеѣ были читаны публичныя лекціи: о Гр. Н. П. Румянцовѣ, Митр. Евгеніѣ и П. М. Снегиревѣ.

На получаемые неоднократно изъ провинціи запросы о томъ, состоится-ли предпринятое мною изданіе Сборника матеріаловъ для біографіи Митрополита Кіевскаго Евгенія и сдѣланное мнѣ заявленіе недоумѣнія, относительно побужденій, руководившихъ мною въ собираніи матеріаловъ о дѣятельности *духовнаго лица*, мало доступной свѣтскому человѣку, считаю моею обязанностью сообщить къ свѣдѣнію интересующихся моимъ трудомъ слѣдующую замѣтку.

При всѣхъ дѣлаемыхъ мнѣ затрудненіяхъ и встрѣ-

чаемыхъ препятствіяхъ къ окончанію начатаго мною еще въ 1863 году библіографическаго труда для изображенія дѣятельности достославнаго Архипастыря, съ Божьею помощью, съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Владыки, Митрополита Кіевскаго Арсенія и при просвѣщенномъ покровительствѣ нѣсколькихъ лицъ, которыхъ фамиліи къ сожалѣнію не имѣю права упомянуть, мною окончепъ уже печатаніемъ *первый* выпускъ *Евгеніевскаго Сборника*, изданнаго въ память бывшаго 18 Декабря 1867 года столѣтія рожденія Митрополита Евгенія.

Посвятивъ много лѣтъ изученію отечественной библіографіи, не могъ я не признавать важности трудовъ Іерарха—библіографа, котораго учено-литературная дѣятельность приводитъ каждаго въ изумленіе и можетъ служить образцомъ для работъ каждому библіографу.

Уважая память достославнаго Архипастыря, по поводу 100-лѣтняго юбилея рожденія его, я составилъ для напечатанія въ журналѣ Министерства Народнаго просвѣщенія біографическій очеркъ, который обратилъ на себя вниманіе многихъ любителей отечественной исторіи.

Въ числѣ ихъ, біографъ Сперанскаго удостоилъ меня лестнымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано:

«Доставленный мнѣ Вами, любезный Антопъ Доминиковичъ, біографическій очеркъ Митрополита Евгенія чрезвычайно интересенъ и по содержанію и по образу изложенія. Занимавшись самъ много изслѣдованіями подобнаго рода, я можетъ быть болѣе другаго въ состояніи оцѣнить всю степень труда, приложеннаго Вами къ этой прекрасной статьѣ. Затѣмъ въ доказа-

тельство вниманія, съ какимъ я ее прочелъ, представляю, согласно Вашему желанію, слѣдующія пришедшія мнѣ на мысль замѣтки и проч.».

Этотъ благосклонный отзывъ бывшаго моего начальника, какъ Директора Имп. Пуб. Библіотеки, и посіе время снисходительно относящагося къ моимъ литературнымъ опытамъ *), послужилъ мнѣ какъ-бы поощреніемъ для дальнѣйшей разработки собираемыхъ мною отовсюду матеріаловъ. Но какъ въ Петербургскихъ архивахъ и библіотекахъ не удалось мнѣ воспользоваться хранящимся въ нихъ матеріалами, то я принужденъ былъ искать ихъ въ провинціи. Съ этою цѣлію побывалъ въ Воронежѣ, даже два раза, съ рекомендательными письмами отъ Товарищей Министра Внутреннихъ Дѣлъ Князя Лобанова Ростовскаго и Статсъ Секретаря Ивана Давыдовича Делянова къ Воронежскому Губернатору Князю В. А. Трубецкому, и мнѣ посчастливилось пріобрѣсть много любопытныхъ матеріаловъ отъ наслѣдниковъ Митрополита. Въ Москвѣ я имѣлъ случай видѣть для своего изданія матеріалы, но, къ сожалѣнію, не могъ ими воспользоваться. Въ Кіевѣ я имѣлъ счастіе пользоваться гостепріимствомъ

---

*) По случаю поднесенія Барону М. А. Корфу біографическихъ очерковъ Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова и П. М. Спегирева, я удостоился чести получить отъ Его Высокопревосходительства письмо, съ слѣдующими драгоцѣнными для меня строками: «Прошу Васъ принять всю мою благодарность за оба Ваши приношенія. Труды Ваши, равно какъ и собранные Вами любопытные матеріялы не могутъ не интересовать не только знатоковъ дѣла, *но и каждаго просвѣщеннаго читателя*, а дѣятельность Ваша истинно изумительна. Остается только сожалѣть о двухъ вещахъ, именно: 1) что изданія Ваши обезображены множествомъ опечатокъ (по моей собственной, а не типографіи винѣ, отъ неопытности въ корректурѣ державной мною) и 2) еще болѣе о томъ, что библіотека лишалась такого трудолюбиваго и полезнаго дѣятеля и пр.».

Кіево-Печерской Лавры, пріютившей въ своей монастырской оградѣ скромнаго библіотечнаго труженика и доставившей ему возможность исполнить свою миссію, какъ депутата отъ И. П. Библіотеки и какъ издателя Евгеніевскаго Сборника. За что и приношу здѣсь Высокопреподобному Намѣстнику Лавры О. Варлааму искреннюю признательность. Отъ моего изданія строгій критикъ да не потребуетъ невозможнаго, ибо это трудъ частнаго лица, принужденнаго вести борьбу съ неблагопріятными изданію препятствіями и въ *матеріальномъ* и *научномъ отношеніи*. Моя слабая попытка представляетъ только доказательство благонамѣреннаго и усерднаго желанія осуществить изданіе, которое, къ сожалѣнію, на самомъ дѣлѣ оказалось невполнѣ удовлетворительнымъ. Весьма буду радоваться появленію такого біографическаго труда, какимъ отечественная литература обогатилась въ послѣднее время отъ академическихъ изслѣдованій объ Евгеніѣ, изданныхъ по поводу юбилея.

8. «*Русскій Библіотекарь*». Историко-библіографическій сборникъ, исключительно посвященный русской и иностранной библіографіи и библіотечному дѣлу.

Въ составъ предпринимаемаго изданія сборника «*Русскій Библіотекарь*» войдутъ главнымъ образомъ свѣдѣнія о библіотекахъ и архивахъ, какъ отечественныхъ, такъ и заграничныхъ; извлеченія изъ отчетовъ по управленію ими; біографическіе очерки основателей музеевъ, библіотекъ, школъ; замѣтки о библіографахъ и библіотекаряхъ, своими трудами сдѣлавшихся извѣстными; ученo-литературная переписка и матеріалы для исторіи просвѣщенія; указанія источниковъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, для изученія Россіи, хранящихся какъ въ русскихъ, такъ и иностранныхъ

библіотекахъ и архивахъ; замѣтки о типографіяхъ и книжной торговлѣ въ историческомъ ихъ развитіи съ указаніемъ на заслуги типографщиковъ и книгопродавцевъ; описаніе библіографическихъ курьозовъ и новыхъ библіографическихъ изданій.

Само собою разумѣется, что подобный Сборникъ тогда только будетъ отвѣчать своему назначенію, когда наши библіографы и библіотекари примутъ въ немъ дѣятельное участіе, а просвѣщенная публика поддержитъ спеціальное изданіе, въ противномъ случаѣ оно, подобно бывшимъ примѣрамъ, должно будетъ въ самомъ началѣ прекратиться.

Обращаясь съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ, у кого только находятся подходящіе къ цѣли изданія Сборника матеріалы, о доставленіи таковыхъ, издатель имѣетъ честь сообщить къ свѣдѣнію тѣхъ, кого это можетъ интересовать, что въ составъ 1-й книжки «Русскаго Библіотекаря» войдутъ слѣд. статьи:

1) *О планѣ русской публичной библіотеки въ 1766 году* съ проектомъ учрежденія въ Петербургѣ *русской городской общественной библіотеки*; 2) О Русской Библіотекѣ въ Эрмитажѣ и о Библіотекѣ Вольтера. 3) Что желательно для процвѣтанія И. П. Библіотеки, по поводу отчета ея за 1869 года). 4) О Славянскомъ Музеѣ. 5) О значеніи автографовъ и о собирателѣ ихъ П. Дубровскомъ. 6) Библіографическая бесѣда. 7) Замѣтка о сочиненіи Винкельмана Bibliotheca historica Livoniae. 8) Объ Опацевичѣ, библіотекарѣ Румянцовскаго Музея. 9) Библіографическій курьозъ *Bibliotheca Pichleriana* 10) Библіографическій листокъ, какъ приложеніе, библіографія съ 1725 по 1825 годъ.

9. «*Библіографическій листокъ.*» — Отечественная историческая библіографія (1725—1825).

Съ историко-библіографическимъ Сборникомъ «*Русскій Библіотекарь*», будетъ издаваться «*Библіографическій листокъ*», въ которомъ будетъ помѣщенъ указатель сочиненій и статей историческаго содержанія съ 1725 по 1825. Въ подобномъ обзорѣ столѣтія русской исторической библіографіи давно чувствуется большая потребность, при недостаткѣ указателей къ мало еще разработанной эпохѣ со времени кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Императора Николая I-го. Библіографія наша XVIII столѣтія и первой четверти XIX весьма мало еще разработана. Библіографическими розысканіями *второй половины* текущаго столѣтія съ успѣхомъ занимались и продолжаютъ заниматься бывшій регистраторъ Императорской Публичной Библіотеки *В. И. Межовъ* и приватные библіотекари русскаго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ П. П. и Б. П. *Ламбины.*

Въ продолженіи 18 лѣтъ моей библіотекарской службы въ Императорской Публичной Библіотекѣ, пріобрѣвъ нѣкоторую опытность въ библіографическихъ трудахъ, я желалъ бы, и съ оставленіемъ библіотекарской должности, не оставлять ихъ и продолжать быть полезнымъ въ общей библіографической дѣятельности, къ счастію въ послѣднее время обращающей на себя вниманіе любителей серьознаго чтенія, а преимущественно занимающихся спеціально отечественною исторіею.

Въ этомъ я имѣлъ пріятный случай убѣдиться, приложивъ къ изданному на дняхъ мною біографическому очерку Государственнаго канцлера Николая Петровича

Румянцова *библіографическій указатель журнальныхъ статей, могущихъ служить матеріалами для исторіи Севастопольской обороны.* Указатель этотъ, при всей своей неполнотѣ, удостоился однако обратить на себя вниманіе историка этой обороны Генералъ-Адъютанта *Э. И. Тотлебена*, признавшаго весьма полезнымъ подобное указаніе. Хотя Его Высокопревосходительство 15 лѣтъ жизни посвятилъ изученію матеріаловъ для исторіи Крымской Кампаніи, но въ моемъ скромномъ трудѣ онъ нашелъ указаніе на нѣсколько неизвѣстныхъ еще для себя матеріаловъ.

Польза библіографическихъ указателей не подлежитъ никакому сомнѣнію. Они, облегчая занимающимся историческими изслѣдованіями ·пріисканіе статей и матеріаловъ, нерѣдко бываютъ полезны и для неспеціалистовъ, указывая симъ послѣднимъ на статьи, на которыя они едвали когда либо обратилибы вниманіе, не зная объ ихъ существованіи.

Если предстоитъ затрудненіе въ отысканіи статей, относящихся до неотдаленнаго за 15 лѣтъ времени, по рѣдкости газетъ и журналовъ, у насъ обыкновенно не сберегаемыхъ и продаваемыхъ на пуды въ мелочныя лавки для извѣстнаго употребленія, то что же сказать о журнальныхъ статьяхъ, относящихся къ 1812 году, царствованію Екатерины Великой и Петра Великаго.

Императорская Академія Наукъ предприняла издать *полную библіографію*, относящуюся къ Петровскому времени и если только это предпріятіе осуществится, то она заслужитъ полную благодарность, какъ и за собраніе матеріаловъ для біографіи *Ломоносова*, по поводу бывшаго столѣтняго юбилея его.

Въ виду воздвигаемаго противъ Императорской Пу-

бличной Библіотеки памятника въ честь Екатерины Великой, слѣдовало-бы позаботиться и о другомъ памятникѣ для исторіи ея царствованія. Ежели мнѣ будутъ доступны матеріалы для этой исторіи, въ изобиліи сосредоточенные въ отечественномъ публичномъ хранилищѣ, то я современемъ включу въ «*Библіографическій листокъ*» библіографію сочиненій и статей, относящихся къ исторіи Екатерининскаго времени. На первый же разъ ограничусь собранными уже мною матеріалами для исторіи 1812 года. Матеріалы для исторіи отечественной войны находятся приведенными въ образцовый порядокъ, въ библіотекѣ Главнаго Штаба, которая, можетъ назваться *второю*, послѣ Императорской Публичной. Благодаря просвѣщенной заботливости Г. Военнаго Министра въ этой библіотекѣ полковникомъ Генеральнаго Штаба Ѳ. Ѳ. Крузе составленъ *систематическій каталогъ* книгъ ея, какъ на *русскомъ*, такъ и на *иностранныхъ* языкахъ; каталогъ этотъ, какъ мы слышали, предположено напечатать. Если этотъ слухъ подтвердится, то Военное Министерство, сдѣлавъ столько для военнаго образованія, окажетъ огромную услугу и для *отечественной библіографіи*, напечатаніемъ прекрасно составленнаго каталога, который откроетъ нашимъ спеціалистамъ—историкамъ любопытные матеріалы. Вѣроятно за составленіемъ каталога книгъ будетъ приступлено къ каталогу рукописей, которыми, какъ извѣстно, также богатъ большой архивъ Главнаго Штаба. При этомъ считаемъ не лишнимъ сообщить къ свѣдѣнію нашихъ библіографовъ и библіомановъ, что и знаменитое собраніе книгъ и рукописей, принадлежавшихъ ихъ свѣтлостямъ князьямъ флигель-адъютанту при Александрѣ I Николаю, и Адмиралу

Александру Сергѣевичамъ Меншиковымъ, предоставлено будетъ наслѣдникомъ ихъ Ген.-Ад. Его Свѣтлостію Княземъ Владиміромъ Александровичемъ Меншиковымъ на общественную пользу и для болѣе доступнаго употребленія ея, будетъ напечатанъ составленный при жизни Адмирала каталогъ всего собранія, простирающагося до 50,000 томовъ.

Нѣсколько лѣтъ занимаясь при жизни Адмирала въ его библіотекѣ и, по приглашенію свѣтлѣйшаго, осмотрѣвъ другія двѣ его библіотеки въ подмосковныхъ деревняхъ, я имѣлъ случай убѣдиться, насколько важны эти собранія въ научномъ отношеніи. Предполагая въ другомъ мѣстѣ сообщить болѣе обширную библіографическую замѣтку о Меншиковскихъ собраніяхъ, здѣсь ограничимся только характеристикою ея въ главныхъ чертахъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что историко-дипломатическій и военно-морской отдѣлы Петербургской библіотеки пок. Адмирала, представляютъ столь отличный и полный выборъ печатныхъ на разныхъ языкахъ матеріяловъ, что единственнымъ могутъ быть признаны источникомъ для изученія Востока и восточнаго вопроса.

Весьма была бы не полна исторія Крымской кампаніи и обороны Севастополя, еслибы историкъ ихъ не воспользовался хранящимися въ княжеской библіотекѣ матеріалами, какъ необходимыми пособіями для изображенія въ настоящемъ свѣтѣ послѣдней борьбы Россіи съ Турціею и ея союзниками въ 1853—1856 годахъ.

Отдѣлы: *энциклопедическій, лингвистическій, справочныхъ книгъ* и *разныхъ библіографическихъ указателей*

заключаютъ въ себѣ много пособій для исторіи и библіографіи всѣхъ наукъ.

Любители *естественныхъ наукъ, народной медицины, ветеринарнаго искуства, сельскаго хозяйства,* а также по части *инкунабуловъ* (первопечатныхъ книгъ) *альдовъ* и *эльзевировъ* найдутъ для себя много неизвѣстнаго. А отдѣлъ *славянскихъ библій* столь богатъ, что съ нимъ едвали сравнятся наши публичныя библіотеки; самый избалованный библіофилъ и библіоманъ найдетъ для себя въ собраніяхъ покойнаго князя Адмирала много *бѣлыхъ воронов*ъ.

Весьма желательно, чтобы столь полезное намѣреніе князя Владиміра Александровича относительно предполагаемаго имъ составленія и печатанія полнаго каталога было скорѣе осуществлено. Сей послѣдній будетъ достойнымъ памятникомъ столь извѣстному своими званіями покойному *Адмиралу — библіофилу.*

Указавъ на эти источники для *«библіографическаго листка»* и оставаясь въ надеждѣ, что мнѣ будетъ открытъ доступъ въ библіотеки и архивы, какъ казенные такъ и частные для возможно полнаго осуществленія предполагаемаго изданія *отечественной исторической библіографіи,* имѣю честь обратиться къ гг. библіотекарямъ и архаваріусамъ о сообщеніи мнѣ указаній о находящихся у нихъ подъ руками матеріаловъ, для исторіи 1812 года, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ. Фамилія каждаго изъ нихъ, пожелавшаго принять сотрудничество въ предполагаемомъ изданіи, будетъ съ признательностью напечатана въ 1-мъ выпускѣ *«Библіографическаго листка»*.

10. *«Севастопольская библіотека»*. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Восточной войны, Крымской кампа-

нiи и оборонѣ Севастополя. Съ приложенiемъ портретовъ лицъ, участвовавшихъ въ событiяхъ войны 1853, 1854 и 1856 годовъ.

Отъ Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича объявлено было въ газетахъ о собранiи и составленiи матерiаловъ для популярной исторiи Севастопольской обороны. Матерiалами этими для историка славной обороны, кромѣ рукописныхъ, могутъ послужить газетныя и журнальныя статьи, появлявшiяся въ перiодъ Крымской войны. Я принялъ на себя трудъ собрать всѣ эти матерiалы и указалъ на тѣ изъ нихъ, которые относятся къ исторiи Севастопольской защиты въ приложенiи къ изданному мною биографическому очерку *канцлера Румянцова*, продающемуся въ пользу Севастопольскаго музея (75 коп.) объ открытiи котораго тамъ же находятся подробныя свѣдѣнiя, съ описанiемъ самого музея. Сосредоточенные въ моихъ рукахъ библiографическо-историческiе матерiалы имѣли честь обратить на себя просвѣщенное вниманiе генералъ-адъютанта Тотлебена, признавшаго мой трудъ достойнымъ печати.

Отъ Монаршихъ щедротъ, въ изобилiи изливающихся на осуществленiе русскаго дѣла, отъ высокаго покровительства Государя Наслѣдника Цесаревича, сочувствiя министерствъ Морскаго и Военнаго, а также содѣйствiя Членовъ Севастопольскаго комитета зависитъ самъ успѣхъ изданiя. Въ изданiи этомъ будутъ сосредоточены, по возможности, рукописные матерiалы, хранящiеся въ архивахъ и библiотетахъ и у частныхъ лицъ и нигдѣ ненапечатанные, а также интересныя статьи популярнаго содержанiя, которыя печатались

въ газетахъ у журналахъ, сдѣлавшихся *библіографическими рѣдкостями.*

«Севастопольская библіотека» будетъ выходить книжками не менѣе 10 листовъ и къ каждой изъ нихъ будетъ приложенъ портретъ одного дѣятеля, прославившагося въ Крымскую войну. Для сдѣланія болѣе популярнымъ и доступнымъ для большинства предпринимаемому изданію будетъ назначена самая умѣренная цѣна, не дороже 50 коп. за книжку а желающіе принять участіе въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ могутъ подписаться на *первую серію,* 2 тома изъ 10 портретовъ и 10 книжекъ, препровождая къ издателю *5 руб. сер.* Безъ этой предварительной подписки изданіе *«Севастопольской библіотеки»* не можетъ быть осуществлено, а гарантіею, обезпечивающею подписчиковъ, могутъ служить уже осуществленныя мною изданія.

Къ первой и второй книжкѣ *«Севастопольской библіотеки* будутъ приложены портреты въ Бозѣ почившихъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Павловича, и свѣтлѣйшаго князя адмирала А. С. Меншикова съ описаніемъ военныхъ и дипломатическихъ дѣйствій сего послѣдняго, до назначенія главнокомандующимъ князя Горчакова, портретъ котораго и біографія будутъ также приложены въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ.

Въ третьей книжкѣ *«Севастопольской библіотеки»* будетъ помѣщена біографія *Хрулева* съ портретомъ, которому съ Высочайшаго соизволенія по народной подпискѣ ставится надгробный памятникъ.

10% отъ продажи первой книжки посвящается издателемъ на этотъ памятникъ, и въ пользу семейства этого Севастопольскаго героя.

Приглашаются севастопольскіе герои содѣйствовать издателю для осуществленія изданія *«Севастопольской библіотеки»* самымъ достойнымъ образомъ, какъ заслуживаетъ самъ предметъ и цѣль изданія Нѣкоторые изъ этихъ героевъ самымъ сочувственнымъ образомъ отнеслись къ моему словесному заявленію о предполагаемомъ изданіи. Весьма желательно, дабы число сочувствующихъ подобному изданію, вызванному патріотическимъ заявленіемъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, увеличилось и издатель могъ быть поставленъ въ возможность воспользоваться матеріалами, собранными имъ въ продолженіи 18 лѣтъ службы въ И. П. Библіотекѣ въ должности библіотекаря.

Принесенная мною лепта въ пользу Севастопольскаго Музея—пожертвованіемъ ему 100 экземпляровъ біографіи Румянцова,—подаетъ мнѣ надежду, что обѣщанное содѣйствіе нѣкоторыхъ членовъ Севастопольскаго Комитета осуществится на самомъ дѣлѣ.

Приготовлены уже къ печати:

11. *Императрица Марія Ѳеодоровна, мать сиротъ и убогихъ.* Біографическій очеркъ, съ приложеніемъ портрета и исторической записки статсъ-секретаря Вилламова о заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

12. *Русскіе Государственные Канцлеры. Свѣтлѣйшій Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ.* Краткій очеркъ государственной службы Его Свѣтлости, съ приложеніемъ портрета, какъ матеріалъ для исторіи современной русской дипломатической его дѣятельности.

Лѣтопись моихъ изданій была бы не полна, если бы я не упомянулъ о напечатанномъ, по поводу ихъ, въ Спб. вѣдомостяхъ въ 1868 году *письмѣ*, въ которомъ выражалась недовѣрчивость, относительно, объявленныхъ тогда мною изданій *Евгеніевскаго* и *Снегиревскаго Сборниковъ*. Они въ настоящее время уже въ рукахъ публики и поэтому смѣю надѣяться, что редакція Спб. вѣд. и редакціи другихъ газетъ и журналовъ не откажутъ издателю въ своихъ отзывахъ о выходѣ въ свѣтъ этихъ *Сборниковъ* и другихъ вышеозначенныхъ изданій.

Безъ этой поддержки, со стороны редакцій, весьма трудно издателю дѣлать публикаціи и такимъ только образомъ обратить вниманіе на свои усилія: собирать матеріалы, которые могутъ отчасти принести научную пользу при дальнѣйшей ихъ обработкѣ.

Какихъ бы направленій редакціи ни были, но всѣ они вѣроятно согласятся въ одномъ, что печатаніе историческихъ матеріаловъ, хотя бы и въ сыромъ видѣ, заслуживаетъ со стороны ихъ поощренія и просвѣщеннаго вниманія.

Съ 1863 года по настоящее время посвятивъ себя исключительно собиранію этихъ матеріаловъ, не считаю себя въ правѣ удерживать ихъ подъ спудомъ и опять подвергать ихъ новымъ случайностямъ передавая ихъ для изданія другимъ лицамъ, даже редакторамъ—это значило бы рисковать—не скоро ихъ увидѣть въ печати, а даже и лишиться ихъ безъ всякой пользы, какъ это случилось съ Евгеніевскими письмами, переданными мною для этой цѣли еще въ 1863 году князю М. А. Оболенскому. Этотъ любитель историческихъ матеріаловъ по сіе время не собрался ихъ

ихъ издать, и ко сожалѣнію не согласился мнѣ предоставить таковыя въ копіяхъ для изданія.

Въ виду этихъ обстоятельствахъ, позволяю себѣ надѣяться, что частныя лица, у которыхъ имѣются матеріалы и которые желаютъ ихъ напечатать, благоволятъ препроводить таковые ко мнѣ въ подлинникахъ или копіяхъ, а я постараюсь сдѣлать изъ нихъ надлежащее употребленіе для пользы науки въ приготовляемомъ къ печати изданіи: «*Русскій Библіотекарь*».

Редакціи «*Русскаго Архива*» и «*Русской Старины*» столь загромождены рукописями, что *третій* органъ для печатанія историческихъ матеріаловъ не только не будетъ излишнимъ, но даже чувствуется въ немъ сильная потребность, при обнаружившемся повсюду стремленію къ серьезному чтенію историческихъ журналовъ.

Распродажа сочиненій чрезъ посредство нашихъ книгопродавцевъ - коммиссіонеровъ скорѣе только затрудняется, а не облегчается, ибо они, имѣя въ виду свою собственную меркантильную цѣль, нисколько не соблюдаютъ интересовъ издателей и авторовъ. Вслѣдствіе грустнаго опыта, нижеподписавшійся покорнѣйше проситъ всѣхъ желающихъ получать вышеозначенныя сочиненія и изданія — обращаться съ своими требованіями прямо къ автору, тѣмъ болѣе что *благотворительная цѣль* нѣкоторыхъ изданій поставляетъ его въ невозможность дѣлать большія уступки книгопродавцамъ за коммисію; требуемые же ими 30% и болѣе едвали покроютъ издержки печатанія, а что же на долю благотворительности останется? Адресъ издателя: въ Петербургъ, у Измайловскаго моста, домъ Тарасова № 102, кв. № 62. Статскому Совѣтнику Антону Доминиковичу Ивановскому.

просы въ отдѣльныхъ біографіяхъ — наши литературные дѣятели найдутъ для себя указаніе неизвѣстныхъ имъ матеріаловъ или какого либо историческаго документа, то буду считать себя вознагражденнымъ за мои труды. Отъ нашихъ первокласныхъ свѣтилъ, сіяющихъ на библіографическо-археографическо-археологическомъ горизонтѣ, которыхъ къ сожалѣнію, у насъ не много, мы должны позаимствовать свѣтъ и просвѣщеніе и для нихъ едва-ли что найдется новаго въ моихъ скромныхъ трудахъ.

Считаю неумѣстнымъ приводить здѣсь тѣ свѣдѣнія о моихъ библіографическихъ трудахъ, по званію библіотекаря И. П. Библіотеки, которые помѣщены въ Отчетахъ ея, за время моего служенія, ибо библіотечное начальство постоянно съ особенными и лестными похвалами изволило отзываться о моей усердной многолѣтней и небезполезной службѣ.

Равнымъ же образомъ упоминать о моихъ посильныхъ лептахъ, записанныхъ въ книгу приношеній Императорской Публичной библіотеки, Румянцовскаго и Этнографическаго (Дашковскаго) Музеевъ, а также Университетовъ, изъ которыхъ Харьковскій Казанскій и Одесскій избрали меня своимъ корреспондентомъ, — нездѣсь мѣсто. Пусть эти учрежденія сами заявятъ объ этомъ въ доказательство моего глубокаго сочувствія къ научнымъ интересамъ русской науки.

Какъ *дополненіе* къ напечатанному мною въ біографическомъ очеркѣ Государственнаго Канцлера графа Н. П. Румянцова и продающемся въ пользу Севастопольскаго Музея (75 к.),—*отвѣту моимъ корреспондентамъ*, считаю нужнымъ присовокупить что въ числѣ упомянутыхъ въ немъ Гг. библіотекарей былъ извѣстный богословъ *Пихлеръ*, завѣдывавшій *богословскимъ отдѣленіемъ*. Этотъ иностранный ученый не оправдалъ возложеннаго на него довѣрія и, былъ уличенъ въ тайномъ похищеніи (до 5,000 томовъ) книгъ не только богословскихъ, но и по части другихъ наукъ, разумѣется, *библіографическихъ и цѣнныхъ рѣдкостей*. Съ переплетовъ унесенныхъ имъ библіотечныхъ книгъ съ которыхъ онъ уничтожалъ штемпель государственнаго орла, вытравляя его химически и наклеивая на мѣсто его, ярлыкъ съ надписью: «*Ex Bibliotheca Pichleriana*» За открытую продѣлку отставленъ отъ службы въ И. П. Библіотекѣ. Желающимъ теперь имѣть справки по богословскому отдѣленію, вѣроятно, придется обращаться къ его помощнику, мл. библіотекарю (поступившему на мое мѣсто) *Боасу*, (б. учителю нѣмецкаго языка при Институтѣ глухо-нѣмыхъ).

10 Апрѣля 1871 г. *А. Ивановскій.*

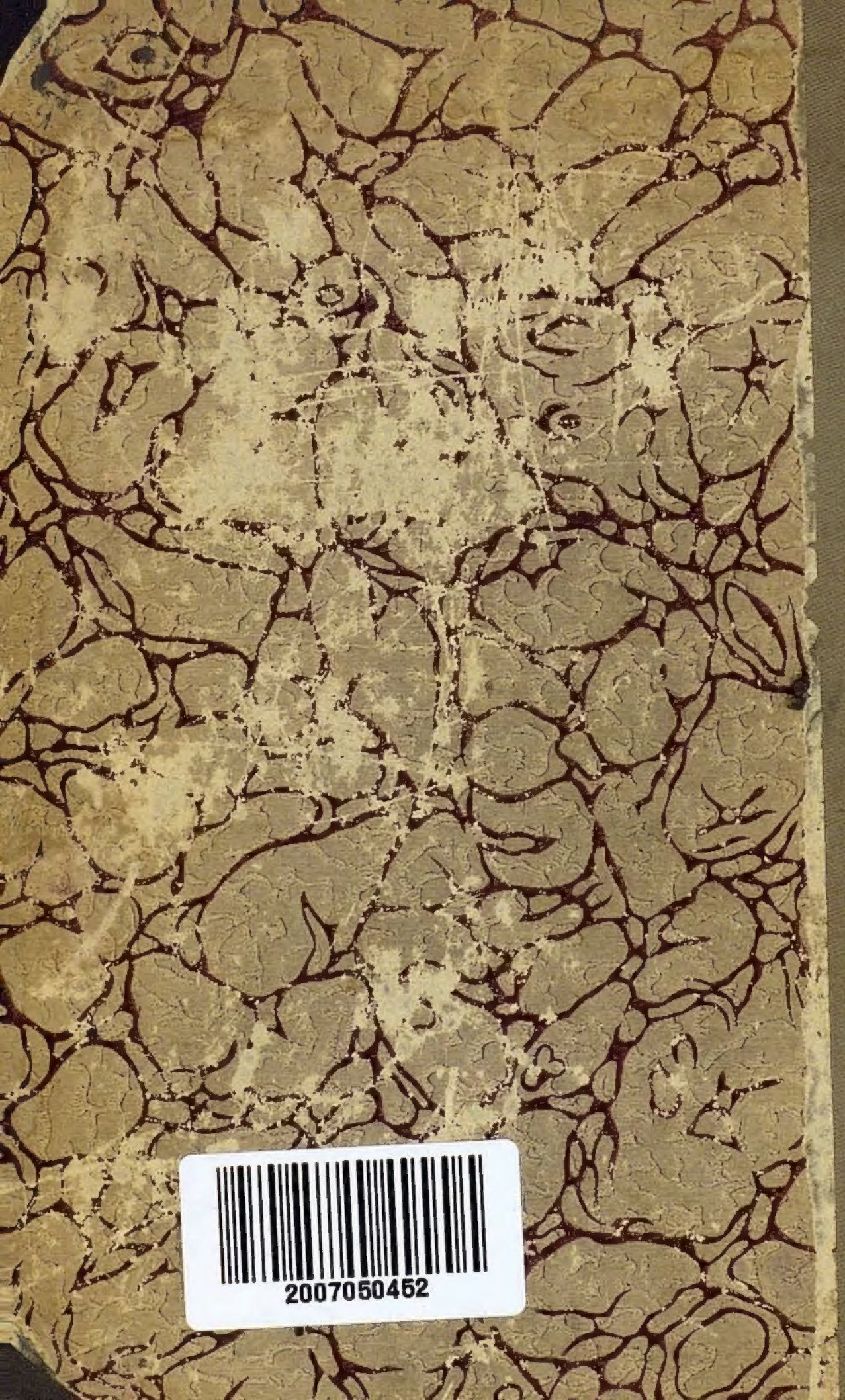
Письмо И. М. Снегирева о могилѣ родителей фельдмаршала А. В. Суворова.

Одинъ изъ московскихъ старожиловъ, чтитель отечественной старины и доблести, принимаетъ смѣлость напомнить Вамъ, сіятельнѣйшій князь, о памятникѣ Вашихъ предковъ, для немногихъ извѣстномъ, но, безъ сомнѣнія, драгоцѣнномъ для потомка, носящаго славное имя Суворова и облеченнаго высокимъ саномъ.

Въ Москвѣ, на Никитской улицѣ, до нынѣ существуетъ старая церковь, нѣкогда иноческая обитель, основанная родоначальникомъ дома Романовыхъ, во имя св. Ѳеодора Студита. За алтаремъ ея, даже послѣ 1812 г. надгробіе означало могилу родителей великаго Суворова, покрытое деревянною крашенною кровелькой въ послѣдствіи истлѣвшею; камень съ высѣченною на немъ подписью отъ небреженія утратился или употребленъ на починку церкви. По живому преданію старожилыхъ прихожанъ, непобѣдимый фельдмаршалъ Александръ Васильевичъ, когда бывалъ въ Москвѣ, какъ почтительный сынъ, надъ родительскою могилой всегда служивалъ панихиду, а въ церкви за обѣднею читывалъ Апостолъ и раздавалъ милостыню нищимъ за упокой родителей своихъ. Теперь уже нѣтъ никакого признака и памятника надъ могилою родителей Суворова; она сравнена съ землею и самое мѣсто, въ теченіи времени, легко можетъ быть предано забвенію, какому къ сожалѣнію у насъ предаются многіе *знаменитые люди земли русской*. Объ этомъ упомянуто было мною въ одной изъ книжекъ «*Русской Старины*». Объ этомъ зналъ и свидѣтельствовалъ намъ недавно умершій 80-лѣтній священникъ этой церкви и теперь долженъ знать поступившій на его мѣсто священникъ магистръ Преображенскій.

Еслибы на могилѣ родителей Суворова поставленъ былъ, хотя скромный памятникъ, вмѣсто прежняго, онъ напоминалъ бы всякому о почтеніи достойныхъ потомковъ къ своимъ знаменитымъ предкамъ, о томъ славномъ имени, которымъ справедливо гордится отечество и которое съ уваженіемъ произносится на чужбинѣ. Въ приходѣ Ѳеодоровской церкви, по сосѣдству съ домомъ Потемкина, находился домъ, въ которомъ родился Александръ Васильевичъ Суворовъ; теперь онъ, приписанный къ большому Вознесенію, принадлежитъ барону Шеппингу (?). Надъ старымъ каменнымъ одноэтажнымъ зданіемъ недавно надстроенъ другой этажъ.

Печатаемъ черновое письмо Ивана Михайловича въ доказательство патріотической заботливости его о могилѣ родителей генералиссимуса Суворова. Остаемся въ надеждѣ, что появятся подобные же Снегиреву ревнители, которые, признавъ покойнаго профессора и археолога *полезнымъ русскимъ дѣятелемъ*, позаботятся, дабы и могила его не сравнялась съ землею и самое мѣсто, гдѣ онъ похороненъ, не подверглось забвенію, не имѣя надгробнаго памятника.


2007050452